РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе группы А. К. „Рабочій Міръ"

Духъ разрушающій — есть духъ созидающій.

Годъ I. Цюрихъ, 1-го Іюля 1912 г. № 1.

Ленскія событія.

Четвертаго Апрѣля въ далекой сибирской тундрѣ было разстрѣляно 250 человѣкъ и столько же изувѣчено. Это гнусное преступленіе было совершено надъ рабочими, осмѣлившимся бросить работу на золотыхъ пріискахъ „Ленскаго товарищества". Рабочіе „Ленскаго товарищества" въ концѣ февраля оставили работу на пріискахъ и предъявили пріисковой администраціи цѣлый рядъ требованіи, среди которыхъ были требованія о сокращеніи рабочаго времени до 8 час. въ сутки при работахъ подъ землей и въ водѣ; чтобы съ рабочими расплачивались за произведенную ими работу наличными, а не никуда негодными товарами изъ конторскихъ лавокъ, чтобы ихъ не гноили въ общихъ казармахъ, насквозь пропитанныхъ міазмами и т. д. Таковы требованія, на которыя царское правительство въ лицѣ пропойцы-жандарма сочло нужнымъ отвѣтить массовымъ разстрѣломъ мирной толпы рабочихъ! Цѣлое море крови, и горы труповъ, чтобы г.г. Гинзбурги и Темирязевы получали еще большіе дивиденды, чтобы разные превосходительные и высокопревосходительные мерзавцы могли безъ помѣхи сосать кровь рабочихъ! Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ г.г. баронамъ убійство 500 человѣкъ пока принесло счастье: они умудрились и на этой комбинаціи нажить еще нѣсколько лишнихъ милліоновъ! Подобно легендарному вампиру г.г. бароны сосутъ кровь многихъ милліоновъ людей, будучи увѣренными, что это ихъ занятіе встрѣтитъ поддержку и одобреніе, начиная съ самыхъ низовъ и кончая верхами нашего попечительнаго начальства. „Все для бароновъ, ничего для рабочихъ"; таковъ смыслъ рѣчей русскихъ министровъ на запросъ въ думѣ.

„Такъ было — такъ будетъ и впредь" сказалъ министръ Макаровъ по поводу того же разстрѣла. Еще и еще разъ русскій рабочій услышалъ, что есть начальство, которое изъявляетъ готовность его разстрѣливать, если онъ осмѣлится поднять голосъ противъ своихъ угнетателей. И безъ заявленія главы нашего правительства г.г. бароны были увѣрены, что хозяевами положенія являются они. За ними и въ защиту ихъ интересовъ находится весь государственный механизмъ, начиная съ жандармовъ и солдатъ, готовыхъ по первому приказу разстрѣлять сколько угодно „бунтовщиковъ", и кончая законодательными учрежденіями въ лицѣ государственной думы и совѣта. Въ государственной думѣ министръ Макаровъ указалъ, что по пріискамъ „шлялись толпы рабочихъ"; вѣдь не принести же въ жертву интересы бароновъ ради какой то „шляющейся толпы"! Мы, анархисты, всегда указывали рабочимъ, что въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ имъ не помогутъ ни кассы, ни представители въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Кассамъ рабочихъ капиталисты всегда могутъ противопоставить куда болѣе богатыя кассы; что же касается до защиты интересовъ рабочаго класса при помощи буржуазнаго законодательства, то не только въ Россіи съ ея маргариновымъ народнымъ представительствомъ, но и въ „свободныхъ" странахъ рабочіе могутъ разсчитывать самое большее на то, что ихъ не будутъ разстрѣливать, но имъ дадутъ спокойно умирать съ голоду... Уже просыпается въ Россіи рабочій классъ; еще слабы и неувѣренны его шаги. Онъ пока только протестуетъ противъ гнусной бойни, еще съ нѣкоторой опаской бросаетъ онъ свой станокъ и выходитъ на улицу. Еще удается казакамъ и полицейскимъ „разсѣять" и „разогнать", но не далекъ уже тотъ день, когда рабочій классъ въ Россіи выкинетъ знамя свободы и соціальной справедливости, тогда онъ однимъ могучимъ ударомъ низвергнетъ и разрушитъ подлую твердыню капитализма, высасывающую кровь милліоновъ работниковъ ради интересовъ небольшой кучки привелигированныхъ. Мы надѣемся, что великій день борьбы за полное освобожденіе человѣка не такъ ужъ далекъ, и торжество г.г. бароновъ будетъ не столь ужъ продолжительнымъ!...

Наши задачи въ грядущей русской революціи.

Я не принадлежу къ лагерю пессимистовъ, утверждающихъ, будто наша дѣятельность въ Россіи — сплошная неудача, сплошное пораженіе. Нѣтъ, я считаю, что наша дѣятельность, несмотря на тѣ тѣни, которыя бросили на нее наши и подъ нашимъ флагомъ „чужими“ совершенныя мелкія экспропріаціи, имѣетъ свѣтлыя стороны, и что первый періодъ нашей дѣятельности во многихъ отношеніяхъ блестящъ! Мы впервые развили передъ широкими массами пролетаріата идею безгосударственности. Въ безумномъ разгарѣ парламентской борьбы, среди оргіи демократизма властно звучалъ голосъ анархизма, безпощадно вскрывалъ пропасть, бездну между классомъ и націей. Что наша пропаганда велась упорно, что она порой стояла на высотѣ, смущавшей и пугавшей нашихъ противниковъ — въ этомъ признавались они сами. Но русскій анархизмъ пошелъ дальше.

Съ самаго начала своей дѣятельности онъ поставилъ своей задачей — всевозможная поддержка и веденіе экономической борьбы. И во многихъ городахъ — какъ-то Бѣлостокъ — анархизмъ неразрывно былъ связанъ съ широкими рабочими массами, выражалъ ихъ нужды, поднималъ ихъ боевую готовность на высоту громадную. Не торжественный развѣ это былъ моментъ, когда бѣлостоцкій пролетаріатъ боролся подъ знаменемъ анархическаго коммунизма, при чемъ лозунги не прятались въ карманъ, не обезличивались „безпартійнымъ“ клеймомъ, а подчеркивались рѣзко и выпукло!... Скажутъ: ваша антипарламентская пропаганда реальныхъ плодовъ не дала. Народъ выбиралъ въ Думы. Такъ. Но, господа, народъ выбираетъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ пропаганда велась и ведется усиленно и планомѣрно, ведется десятки лѣтъ.

Развѣ паденіе идеи парламентаризма наблюдаемъ мы въ Испаніи? Развѣ ростомъ антипарламентаризма можно характеризовать Италію, обсуждающую проэктъ расширенія избирательныхъ правъ? Развѣ французскій синдикализмъ рѣзко и непримиримо ставитъ вопросъ о бойкотѣ представительныхъ учрежденій? Значитъ ли наши антипарламентскія кампаніи нигдѣ ничего не дали? Нѣтъ. Такой выводъ можетъ сдѣлать лишь туповатый дѣлецъ. Это означаетъ лишь: корни парламентскаго идіотизма глубоки; приливы и отливы этой мутной волны обуславливаются весьма сложными причинами... а если такъ, то можно ли измѣрить неуспѣхъ нашей пропаганды тѣмъ, что народъ выбиралъ?...

Да, но все погибло! Ничего не осталось!

Такъ. Бѣшенство реакціи обрушилось раньше всего на насъ. Военно-полевая юстиція, занимавшаяся такъ бойко „оттяпаньемъ головъ“ (выраженіе союзниковъ въ Думѣ), опустошила наши ряды.

Такъ было: вѣдь „они“ всѣ полны жгучей ненависти къ идеѣ безвластія!

Такъ будетъ: вѣдь „они“ со всѣми примирятся на „культурныхъ“ началахъ.

Но не съ нами. И все же: не черезъ чуръ ли смѣло заявленіе о томъ, что все погибло? Погибло, или притаилось? Слѣдили ли за газетами за все время реакціи?

Вѣдь группы упорно возникали, геройски боролись со смертью?

А вѣдъ милліонная лишь часть попытокъ дошла, вѣроятно, до легальной прессы! И не отъ нашей развѣ воли, самодѣятельности зависитъ, чтобы время оживленія сдѣлалось временемъ оживленія положительныхъ, а не отрицательныхъ сторонъ работы? О, мнѣ въ голову не приходитъ мысль идеализировать прошлое. Недостатковъ много. Были ненужные пріемы борьбы. Таковъ безмотивный терроръ, который я признавалъ. Этотъ безмотивный терроръ — уже не говоря о несчастной формѣ, въ которой онъ проявился въ Россіи — *я всецѣло отрицаю.* Недостатковъ было много.

Не было достаточно обращено вниманіе на выработку идейныхъ людей; не хватало умѣнія закрѣплять организаціонно результаты работы въ массахъ; работа среди крестьянъ велась крайне не планомѣрно; переоцѣнивался внѣшній, механическій боевизмъ — этимъ были порождены всѣ крайности, уродства экспропріаторства. Но нельзя „вмѣстѣ съ водой выплеснуть и ребенка“.

Нельзя забывать, что громадная работа была совершена. И я не стыжусь, а горжусь первой серіей русскихъ работниковъ на нивѣ народной.

Но былъ еще одинъ недостатокъ: это колебаніе между минимализмомъ и максимализмомъ. И это колебаніе сыграло громадную глубоко отрицательную роль; объ этомъ и надо поговорить подробно.

Двоякого рода догматизмъ проявился въ русской революціи. Догматизмъ марксистовъ и догматизмъ фракціи с. р. максималистовъ. Марксисты говорятъ: будетъ буржуазная революція. Максималисты-с. р. — будетъ соціальная революція (экспропріаціи земли, фабрикъ и заводовъ).

И то и другое „должно“ — догма, утвержденіе, не основательное, не продуманное. Анархисты догматизмомъ подобнаго рода не страдали. Этимъ можетъ и объясняется отсутствіе въ нашихъ рядахъ унынія, охватившаго нѣкоторыхъ „бывшихъ“ максималистовъ. Но упомянутое качество чисто отрицательнаго свойства.

Очень хорошо, что мы *не были* догматиками, но важно знать каковы были наши *положительныя* стороны, наши реальные лозунги?

Тутъ-то и выступаютъ наши недочеты.

Въ прокламаціяхъ и рѣчахъ мы увѣряли, что хотимъ всей воли, передачи богатствъ, земли въ руки организованнаго труда.

Но лозунги эти совпадали-ли съ нашими реальными намѣреніями? Жила-ли въ насъ цѣльность, это обязательное условіе практическаго творчества? *Нѣтъ.*

Утверждая, что мы хотимъ *всей* воли, мы въ сущности вкладывали сюда *отрицательное* понятіе, именно: мы *не* хотимъ програмы минимумъ, мы *не* хотимъ парламента, *не* хотимъ отвѣтственнаго министерства. Да, мы этихъ „благъ“ не хотѣли, и здѣсь-то мы цѣльны и послѣдовательны, но, опять таки, была та цѣльность, которая сдѣлала-бы насъ практиками-максималистами? (Подъ словомъ максимализмъ разумѣемъ здѣсь не фракцію „максималистовъ“, конечно). Отсутствіе цѣльности, единства отразилось губительно на самой формулировкѣ нашихъ задачъ, она носила печать той же раздвоенности. Вспомнимъ среднюю типичную формулировку, тичную для цѣлаго направленія русскихъ анархистовъ; кажется, я не ошибусь, если скажу, что позиція этихъ товарищей можетъ быть формулированна такъ: *республика, конечно, лучше самодержавія.* Выгоды кое-какія народу „даетъ“.

Но буржуазная республика не только не идеалъ, но она сохраняетъ ту же эксплоатацію массъ подъ другой лишь формой.

Революція — время сверженія массами оковъ стараго міра. Станемъ-ли мы, революціонеры, создавать программы минимумъ, эту плотину народному движенію?

Мы хотимъ всѣмъ хлѣба, всѣмъ воли и всей воли. *Свобода слова, собраній, печати* важны, нужны; но мы ихъ возьмемъ силою, не требуя, чтобы ихъ освящалъ законъ; возьмемъ, походя мимоходомъ.

Кажется, точка зрѣнія нами изложена полно и ясно. Но цѣльна-ли она? Не отразилась-ли въ ней та двойственность, которая, впрочемъ, жила въ душѣ и анархистовъ другихъ фракцій? *Логически* иначе формулировать наши задачи?

Приведенная точка зрѣнія уничтожаетъ раздвоенность? Нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ мы признали важнымъ часть благъ, входящихъ и видное мѣсто занимающихъ въ программѣ минимумъ демократовъ, то мы за эти „блага“ демократическія должны бороться.

Совершенно при этомъ безразлично, насколько формально мы имѣемъ право *назвать* свободу слова, печати типично-демократическими благами (пріемлимое подраздѣленіе даетъ „Черное Знамя“ въ статьѣ о Демократіи).

Сейчасъ насъ интересуютъ реальныя *дѣйствія,* обмежевывающія насъ отъ демократовъ.

Каковы же онѣ, дѣйствія эти? Мы беремъ захватнымъ правомъ? Но вѣдь къ захватному „праву“ прибѣгаютъ во время революціи с. д., с. р. и въ достаточно полной, достаточно сильной степени!

Да что это была бы за *принципіальная* позиція, если бы она основывалась только на *большемъ* или *меньшемъ* проявленіи революціонности! Скажутъ, мы вѣдь не требуемъ, чтобы „завоеванныя“ народомъ права сдѣлались закономъ! Такъ. Но это характеризуетъ скорѣе разницу въ соціологическихъ основахъ, чѣмъ разницу „дѣйствія“. Во всякомъ случаѣ, широкимъ массамъ эта разница врядъ-ли будетъ понятна. И, наконецъ, эта разница все же лежитъ на плоскости „минимума“ и прямого отношенія къ *соціальной* революціи не имѣетъ. Дальше: „мы не ставимъ революціи никакихъ преградъ“, говорятъ анархисты. Но, собственно, преградъ никто не ставитъ. Не ставятъ преградъ большевики. Они разсуждаютъ такъ: мы призываемъ къ буржуазной революціи.

Но *если* западно-европейскій пролетаріатъ, подъ вліяніемъ-ли войны, подъ вліяніемъ-ли той же русской революціи подымется и развернетъ знамя соціализма, тогда и русскій пролетаріатъ будетъ аттаковать всѣ твердыни современнаго общества.

Еще менѣе мы вправѣ упрекать с. р. въ догматическомъ пониманіи программы минимумъ.

Очевидно, что лишь тогда, когда мы выбрасываемъ всякое „если", когда мы не *поджидаемъ*, а реально *приступаемъ* къ аттакѣ основъ современнаго общества, очевидно, что тогда лишь мы вносимъ новое, творческое начало въ революцію.

Въ противномъ случаѣ мы вѣдъ *реально* боремся рядомъ со всей оппозиціей (революціонерами, конечно), но мы иначе *толкуемъ* эти наши дѣйствія, чего-то иного *ждемъ*. Но что мы дѣлаемъ для нашего идеала? И не будутъ-ли правы наши противники, если обратятся къ намъ съ такой рѣчью: „напрасно вы, анархисты, мечете громы и молніи противъ минималистовъ, и вы минималисты"! Вамъ безразлична форма правленія? Пусть. Но вѣдь свобода слова, печати, коалиціи необходимы? За нихъ надо бороться?

Ну, вотъ вы и боретесь за сверженіе самодержавія, благо, оно и, повашему, хуже республики. Насъ вы упрекаете въ суженіи размаха революціи. Пусть. А гдѣ ваши попытки къ организаціи бунтующихъ массъ съ цѣлью захвата богатствъ, земли? Ихъ нѣтъ. Получается впечатлѣніе будто вашъ максимализмъ — митинговая, полемическая, парадная фраза. Получается впечатлѣніе, будто бы работаете нецѣльно, на два фронта: „молъ, пусть въ исторіи будетъ записано, что анархисты-коммунисты требовали всего, да вотъ демократы помѣшали"...

Чтобы выйти изъ неважнаго положенія провозглашателей лозунговъ широкихъ, намъ необходимо признать вотъ что: вышеприведенная формула, которой мы характеризовали взгляды значительной части анархистовъ-коммунистовъ, расчленимъ, если мы признаемъ, что въ ней спутаны, смѣшаны двѣ позиціи, два теченія, два лозунга. Постараемся формулировать каждый изъ нихъ. Замѣтимъ: мы *только* расчленяемъ. Мы не высказываемъ ни своихъ симпатіи первой, ни антипатіи второй. Мы только формулируемъ — при томъ въ крайне общихъ и потому не совершенныхъ чертахъ.

Первый лозунгъ.

„Заявляемъ: пролетаріатъ заинтересованъ въ сверженіи самодержавія. Безъ этого — нѣтъ возможности реальной борьбы. Мы не настолько вѣримъ въ возможность ближайшей соціальной революціи, чтобы во имя соціальной революціи дѣйствіями противопоставить себя всѣмъ соціалистамъ и революціонерамъ демократамъ. Наоборотъ. Мы бьемъ врага вмѣстѣ съ демократами, ибо рабочимъ нужны свободное слово, свободныя, автономныя организаціи. Необходима борьба и за самоопредѣленіе націи. *Если* въ ходѣ революціи убѣдимся въ возможности аттаковать твердыни буржуазіи — въ добрый часъ! Минималисты ли мы? — Да. Безъ парламентаризма, конечно. Признаемъ-ли общенаціональную задачу? Да. Только безъ связыванія себя *въ дальнѣйшемъ* законами и законными рамками".

Такая точка зрѣнія — цѣльна. Въ ней нѣтъ двойственности. По крайней мѣрѣ, нѣтъ явнаго максимализма и тайнаго минимализма, Она — обязываетъ.

И если есть сторонники такого взгляда — пусть они открыто, цѣльно и послѣдовательно разовьютъ её. Пусть дадутъ такой точкѣ зрѣнія обоснованіе, одѣнутъ въ плоть и кровь. Тогда она сможетъ быть подвергнута всестороннему анализу.

Второй лозунгъ:

„Мы организуемъ трудовыя массы съ *единственной* цѣлью: захвата земли и фабрикъ, разрушенія центральной власти, организаціи трудовыхъ коммунъ, федераціи. Мы не подчиняемся *никакимъ* постановленіямъ ультра — революціонныхъ совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, если онѣ идутъ въ разрѣзъ съ нашей *единственной* задачей — осуществленіе трудового революціоннаго самоуправленія. Ни о какихъ свободахъ слова, печати, ни объ улучшеніи условій будущей борьбы мы не думаемъ; не потому, чтобы мы ихъ теоретически не признавали — это особый вопросъ — а эти „права" *не тѣ,* что мы хотимъ и можемъ воплотить во время революціи.

— Но вы раскалываете единную революціонную армію?

— Да, отвѣтимъ мы, мы хотимъ *этого* раскола, хотимъ яснаго и яркаго дѣленія на сторонниковъ уничтоженія царской власти, крупной поземельной собственности и сторонниками уничтоженія частной собственности и центральной власти.

Скажутъ: „а черносотенная опасность? Опасность реакціи"?

— Да, она есть, эта опасность. Если мы сдѣлаемъ для буржуазіи *реальной* „красную" опасность, буржуазія сдѣлаетъ вѣроятно, „черную" опасность. Такъ было, такъ будетъ. И если русской революціи суждено поставить во вѣсь свой ростъ вопросъ экспропріаціи частной собственности, если великая грядущая битва за реальное счастье народовъ не „законъ", но и не мечта, а великая, къ бою завущая радостная возможность, то станемъ-ли смущаться и удивляться возможности реставраціи стараго порядка? И развѣ будетъ такая ситуація, при которой этой опасности не было бы?

Догматики-ли мы? Нѣтъ. Мы говоримъ о возможности, достаточной для организаціи воли, а не о велѣніяхъ объективныхъ законовъ. И все же мы безусловные максималисты (не въ смыслѣ фракціи, повторяемъ), ибо считаемъ организацію трудовыхъ коммунъ реальнй и безусловной задачей нашей".

Таково *второе* положеніе. Мы изложили вторую позицію подробнѣе, не потому, чтобы мы ее предпочли первой, — повторяю, мы только формулируемъ, а потому что она по существу труднѣе.

На одномъ лишь мы настаиваемъ: вышеприведенное подраздѣленіе *необходимо,* иначе мы не покончимъ съ кустарничествомъ. Знаю, что найдутся „широкіе" люди. Они скажутъ: не нужны эти подраздѣленія. Они не реальны. Это — выдумка, теоріи. Эти „широкіе" люди ошибаются. Я не даю никакихъ лозунговъ. Я лишь указываю на двойственность, двойственность глубокую, опустошательную, вносящую хаосъ и туманъ.

Корни этой двойственности должны быть выяснены тщательно, послѣдовательно, мужественно. Слѣдуетъ избѣгать общихъ словъ, рыхлой, трусливой, какъ будто всеобъемлещей, а на дѣлѣ все спутывающей постановки. И только съ исчезновеніемъ двойственности появятся у насъ люди твердой воли, появятся настоящіе практики.

Стыдно сказать: у насъ вѣдь ужасно мало *практиковъ,* тѣхъ, которые съ лихорадочной быстротой претворяютъ *слово* въ *дѣло.*

Это показываетъ, между прочимъ, на неустойчивость *не нашей теоріи,* а линіи поведенія.

Эту неустойчивость надо удалить. А для этого необходимо ее выяснить!

Сдѣлайте это поскорѣе, товарищи! *Рощинъ.*

О воспитательномъ значеніи закона.

Насъ часто спрашиваютъ: „какъ можете вы, быть анархистами! Вѣдь, нельзя жить безъ законовъ. Всегда будутъ въ обществѣ люди, которыхъ ничѣмъ, кромѣ какъ палкою, не уговорите поступиться своимъ личнымъ грубымъ интересомъ въ пользу другихъ. Будетъ-ли эта палка — параграфомъ уголовнаго уложенія, или же вы просто исключите такого человѣка изъ общества безъ всякой ссылки на писаный законъ и обречете тѣмъ его на голодную смерть — это споръ о словахъ. Безъ закона, т. е., безъ общественнаго принужденія, не обойдетесь, хотя бы вы и называли это не закономъ, а обычаемъ".

Нетрудно отвѣтить на подобнаго рода замѣчанія. Всѣ люди, живущіе въ одну эпоху и въ одной странѣ, тѣмъ самымъ уже имѣютъ нѣкоторые болѣе или менѣе общіе взгляды на то, какъ нужно поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ жизни. Войти безъ позволенія въ чужую квартиру считается, напримѣръ, въ наше время не только неприличнымъ, но и прямо наказуемымъ. А разъ это такъ, то безспорно, что эти общіе взгляды выразятся въ обязательныхъ предписаніяхъ, оффиціальныхъ или основанныхъ на молчаливомъ признаніи, и можно даже согласиться, чтобы не осложнять спора съ нашими противниками (хотя это и не совсѣмъ такъ), что такія предписанія сдерживаютъ нѣкоторые унаслѣдованные нами изъ прошлаго инстинкты и поддерживаютъ особенно разнузданныя натуры внѣшне на уровнѣ средней общественной нравственности.

Пусть все это такъ, но вѣдь, жизнь идетъ впередъ, одна эпоха смѣняется другою, и что вчера допускалось и даже требовалось всѣми, становится со временемъ признакомъ разнузданности, преступленіемъ. Въ наше время даже нѣкоторые буржуазные ученые видятъ въ неограниченномъ стремленіи капиталиста распоряжаться самовольно своею фабрикою на основѣ „священнаго" права собственности не только грубость натуры, но и общественную опасность, въ то время какъ дѣды этихъ ученыхъ обстоятельно доказывали право однихъ людей вымѣнивать себѣ подобныхъ на борзыхъ собакъ.

И въ этомъ весь вопросъ: законы-ли дѣлаютъ людей другими или же сначала мѣняются люди, а законы только отражаютъ блѣдно, и насовершенно внутренее измѣненіе людей?

Наши противники говорятъ: законы не только удерживаютъ людей отъ возврата къ грубости ихъ предковъ, но и ведутъ ихъ впередъ, и потому очень важно пріобрѣсти

наибольшее (возможное) вліяніе на законодательную машину, для того чтобы теперь уже кроить ею законы будущаго. И отвлекая на эту дѣятельность лучшія силы людей, они развращаютъ ихъ ложною вѣрою во всесиліе внѣшней организаціи и убиваютъ въ нихъ то творческое начало, которое одно способно возбудить въ человѣкѣ сознаніе, поднимающее его надъ мертвой буквой закона, перевоспитать его и этимъ привести помимо внѣшняго, механически грубаго принужденія, къ новымъ истинно-свободнымъ формамъ жизни.

Пониманіе нашими противниками общественнаго прогресса основано на слѣдующихъ предпосылкахъ. Массы поручаютъ отдѣльнымъ лицамъ участіе въ законодательствѣ. Отдѣльныя эти лица, конечно, достаточно умны и благородны, чтобы использовать ввѣренную имъ власть наилучшимъ образомъ въ направленіи къ созданію и развитію новаго „свободнаго" строя. Какъ все это ни мало вѣроятно, но если даже и согласиться со всѣмъ этимъ, то отъ одного уже предположенія такого безусловнаго довѣрія массъ къ законодателямъ вѣетъ безутѣшной скукой и пошлостью, ибо это довѣріе куплено цѣной усыпленія пролетарской воли; оно — это довѣріе — колыбель рабства, оно-же — могила для творчества массъ. А если мы допустимъ, что такого довѣрія не будетъ, и что масса откажется повиноваться законамъ, выработаннымъ ея избранниками, тогда картина получается уже не скучная, а кровавая и нелѣпая: представители народа силой заставятъ народъ подчиняться законамъ, яко бы выработаннымъ „волею" народа.

Это-ли не банкротство всей системы?

Вотъ потому мы и утверждаемъ, что вмѣсто преувеличенной заботы о внѣшнемъ усовершенствованіи законодательства, гораздо важнѣе и выгоднѣе рабочему классу направить всѣ свои усилія прежде всего на поднятіе и развитіе классоваго самосознанія въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. И споръ нашъ ведется не въ сферѣ отвлеченныхъ понятій; напрасно противники наши упрекаютъ насъ въ утопичности или крайней идеализаціи.

Идейный споръ здѣсь, какъ и вездѣ, идетъ о реальномъ предметѣ — о вліяніи на ту отсталую и косную часть прелетаріата, которая еще не доросла до пониманія интересъ своего класса, и которую наши противники тянутъ за собою на путь парламентской агитаціи, а наши единомышленники приглашаютъ свободно примкнуть къ передовымъ кадрамъ своего же класса и самимъ дѣлать свою исторію.

И вотъ, допустимъ, что мы эту отсталую часть пролетаріата, которой внушается, будто главнѣйшая ея обязанность по отношеніи къ будущему строю исчерпывается ея механическимъ участіемъ въ выборѣ современныхъ законодателей, привлечемъ къ тому живому дѣлу, внутренняго перерожденія на лонѣ самостоятельно выработанныхъ пролетаріатомъ организацій, и безъ котораго ничто никогда измѣниться не можетъ, — развѣ мы, совершивъ эту работу, не докажемъ этимъ нашимъ противникамъ правоту нашихъ воззрѣній на законъ, на его усыпляющее и задерживающее движеніе впередъ вліяніе, совершенно независимо отъ безплодныхъ въ наши дни разсужденій о томъ, какъ этотъ законъ будетъ исправлять воображаемыхъ преступниковъ въ будущемъ строѣ?

Е. Артемьевъ.

О классовой борьбѣ и классовомъ сотрудничествѣ.

Насколько неоспоримо, что вся современная исторія протекаетъ подъ сильнымъ, все обостряющимся вліяніемъ рабочаго движенія, настолько же очевидно и то, что въ различныхъ государствахъ рабочее движеніе приняло различныя формы. Въ то время, какъ въ Англіи и Франціи оно преимущественно *внѣполитическое,* т. е. имѣетъ непосредственнымъ содержаніемъ прямую борьбу рабочихъ противъ капитала, происходящую между двумя враждующими категоріями совершенно независимо отъ государства и при полномъ игнорированіи законодательныхъ учрежденій, — въ то время, какъ тамъ руководство имъ лежитъ не въ рукахъ политической партіи, а рабочихъ синдикатовъ, оно въ Германіи протекаетъ почти всецѣло въ политическомъ руслѣ, подъ гегемоніей соціальдемократической партіи. Этимъ объясняется, почему *результаты* рабочей борьбы дѣйствительны и прочны въ Англіи и, наоборотъ, неглубоки, только внѣшни въ Германіи. Этимъ-же доказывается, что количество „рабочихъ" представителей въ парламентахъ не служитъ показателемъ силы пролетаріата въ данной странѣ, не находится ни въ какомъ соотношеніи съ его дѣйствительной мощью, а чаще всего зависитъ лишь отъ временныхъ и случайныхъ побочныхъ причинъ. Если-би мы хотѣли, какъ дѣлаютъ это многіе соціалисты, заключать о силѣ рабочаго движенія, какъ движенія классоваго, по величинѣ парламентскихъ рабочихъ фракціи, то намъ пришлось-бы признать первенство за германскимъ рабочимъ движеніемъ, ибо въ нѣмецкомъ парламентѣ число соціалистовъ значительно, больше чѣмъ вдвое превосходитъ ихъ численность въ англійскомъ. Между прочимъ, тотъ фактъ, что величина парламентской фракціи не служитъ даже въ приблизительной степени отраженіемъ дѣйствительной силы или роста пролетаріата, доказывается еще и тѣмъ, что германской соціалистической партіи на послѣднихъ выборахъ удалось *удвоить* количество своихъ парламентскихъ представителей по сравненію съ выборами 1907 г., несмотря на то, что избирательная система и избирательныя возможности для пролетаріата остались неизмѣненными. Конечно, очень ошибся-бы тотъ, кто изъ этого факта заключилъ-бы, что за пять лѣтъ, съ 1907 по 1912 г. г., сила германскаго пролетаріата удвоилась!

Но если численность парламентскихъ соціалистическихъ фракцій не находится въ соотвѣтствіи съ силою пролетаріата въ данной странѣ, — если, какъ, напр., въ Германіи, пролетаріатъ слабѣе, чѣмъ объ этомъ можно было-бы заключить по численности соціалистовъ въ нѣмецкомъ парламентѣ, или, какъ въ Англіи, онъ значительно сильнѣе, чѣмъ объ этомъ свидѣтельствуетъ парламентская рабочая фракція, то является вопросъ: можно и должно-ли считать соціалистическія партіи единственными и дѣйствительными выразителями *классовой* воли и *классовыхъ* требованій *пролетаріата?* Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, остановимся ненадолго на фактахъ, опредѣляющихъ тотъ или иной составъ законодательныхъ палатъ, въ смыслѣ ихъ соціалистическаго представительства.

Извѣстно, что германская соціалдемократическая партія ведетъ избирательную агитацію отнюдь не только въ рабочей средѣ, а и въ буржуазной, и что въ извѣстные моменты мелкая и средняя буржуазія весьма склонна отдавать свои голоса соціальдемократическимъ кандидатамъ. Въ такіе маменты избраніе того или иного числа соціалистическихъ депутатовъ зависитъ не исключительно отъ *классовой* воли пролетаріата въ чистомъ видѣ, а отъ *совмѣстнаго* дѣйствія, отъ *сотрудничества* съ пролетаріатомъ буржуазныхъ элементовъ, не только не сочувствующихъ конечнымъ требованіямъ пролетаріата, но относящихся къ нимъ явно враждебно. Эти буржуазные элементы отдаютъ свои голоса соціалистамъ всегда постольку, поскольку ихъ въ данный моментъ не удовлетворяетъ политика господствующихъ классовъ и поскольку соціалистическая партія на избирательныхъ собраніяхъ выступаетъ съ отвѣчающими ихъ интересамъ *радикально-буржуазными* лозунгами. Такимъ образомъ нѣмецкая соц.-дем. партія, чтобы заручиться категоріей буржуазныхъ избирателей, ничего общаго съ пролетаріатомъ и его классовыми требованіями не имѣющей (т. наз. „Mitläufer", — попутчики), должна приноравливаться къ этой чуждой пролетаріату средѣ. Этотъ процессъ приспособленія происходитъ путемъ пониженія соціалистическихъ лозунговъ до буржуазно-радикальныхъ, т. е. путемъ превращенія изъ партіи соціальнаго переворота въ партію демократическихъ реформъ. Такое превращеніе, свидѣтельствуя, что соціалистическая партія *не* является во время выборовъ выразительницей классовыхъ требованій пролетаріата (она не является ею вообще, но объ этомъ послѣ), вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему по соціалистической фракціи въ нѣмецкомъ парламентѣ нельзя судить о силѣ германскаго пролетаріата.

Еще болѣе характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить французская соціалистическая партія. Насчитывая въ своихъ рядахъ не больше 50.000 членовъ, изъ которыхъ лишь 1/3 рабочихъ, она на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ собрала около 1 милліона голосовъ. Однако, этотъ избирательный „успѣхъ", какъ потомъ выяснилось, имѣлъ весьма печальныя основанія. Оказалось, что наибольшіе успѣхи французскіе „соціалисты" одержали въ крестьянскихъ округахъ. Но это, конечно, отнюдь не слѣдуетъ приписать соціалистичности французскаго мелкаго землевладѣльца, а . . . курьезной „соціалистичности" французскихъ „соціалистовъ", которые, на предшествовавшемъ выборамъ С.-Этьенскомъ конгрессѣ, приняли предложенную Гэдомъ (самымъ ортодоксальнымъ изъ французскихъ соціалистовъ) резолюцію о сохраненіи крестьянамъ, въ моментъ революціи, частной земельной собственности!

Практика соціалистическихъ политическихъ выступленій, теоретически исходя изъ вѣрнаго положенія о существованіи классовыхъ противорѣчій, de facto на каждомъ шагу изобилуетъ компромиссными уступками буржуазному демократизму и подчасъ сливается съ нимъ. Въ дѣйствительности практика соціалистическихъ партій опирается на принципъ *сотрудничества* классовъ, положенный *буржуазіей* въ основу парламентарнаго правопорядка, — на принципъ, исключающій революціонные методы классовой борьбы. Вотъ почему фактъ голосованія буржуазныхъ элементовъ за „соціалистическихъ" депутатовъ понятенъ и возможенъ. Установивъ это, мы получимъ ясный отвѣтъ на поставленный

выше вопросъ, — отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что соціалистическая партія *перестаетъ* быть *рабочей* партіей каждый разъ въ той мѣрѣ, въ какой она выдвигаетъ общіе съ радикальной буржуазіей политическіе лозунги, отступая, такимъ образомъ, отъ специфически — рабочихъ экспропріативныхъ задачъ.

Совершенно естественно, что, по мѣрѣ развитія производственныхъ отношеній, по мѣрѣ углубленія классовыхъ противорѣчій и классоваго антагонизма, жизнь наполняется революціоннымъ содержаніемъ. Поэтому вліяніе на пролетаріатъ политически-реформаторской партіи, каковою всюду является партія соціалистическая, съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ революціонизируется. Съ воспитаніемъ въ немъ *классовой воли* онъ, какъ коллективъ, сознательно и планомѣрно стремится къ соціальной экспропріаціи, къ тому, чтобы перестать быть *объектомъ* производства, а стать *субъектомъ* его. Съ этого момента силы пролетаріата начинаютъ быстро переростать искусственно созданныя буржуазіей политическія формы государственно-классоваго угнетенія, и по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ понимать, что классовое сотрудничество становится для него излишнимъ и невозможнымъ, онъ объявляетъ разрывъ съ политическими формами борьбы и соціалистической партіей. Онъ становится на путь изолированной, самостоятельной борьбы, организуясь для этого въ *революціонные синдикаты.*

Революціонная борьба пролетаріата всегда бываетъ направлена не только противъ буржуазіи, но и противъ государства, въ какой-бы формѣ оно себя ни проявляло. Еще Марксъ установилъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", что „современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи". Это, въ свое время, заставило Гэда сдѣлать совершенно правильный выводъ, что „для пролетаріата безразлично, какая въ странѣ форма правленія: монархическая или республиканская". И западно-европейская демократическая дѣйствительность давно подтвердила всегда подчеркиваемый анархистами и революціонными синдикалистами фактъ, что между монархическимъ и республиканскимъ угнетеніемъ рабочаго класса нѣтъ существенныхъ различій. *Монархія и демократія лишь различныя внѣшнія формы организаціи буржуазіи, и всякій парламентъ, политическое орудіе буржуазнаго строя,— строя, по существу своему враждебнаго рабочему классу, — тѣмъ самымъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только орудіемъ угнетенія рабочаго класса.*

Для достигшаго опредѣленной зрѣлости пролетаріата антигосударственная борьба неизбѣжна, — она диктуется логикою его классоваго положенія, вытекаетъ изъ этого положенія. Стремящійся къ уничтоженію частной собственности, къ соціальной экспропріаціи, рабочій классъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ и государственность, необходимую лишь для охраны частной собственности и духовнаго закрѣпощенія личности.

Естественно, что борьба россійскаго пролетаріата, поскольку она будетъ сознательно классовой, приметъ то-же антигосударственное направленіе. Но мы не будемъ ждать, пока „объективный ходъ вещей" приведетъ пролетаріатъ къ пониманію своихъ насущныхъ классовыхъ задачъ, а будемъ активно разрушать полурелигіозную, традиціонную вѣру въ государство, всегда тѣсно связанную съ замаскированной пропагандой классоваго сотрудничества.

Александръ Ге.

Хроника борьбы.

Во всѣхъ городахъ Россійской имперіи рабочіе объявляли однодневныя забастовки протеста противъ Ленской бойни. Въ Петербургѣ бастовало 60 т. человѣкъ.

Въ праздновании Перваго Мая принимало участіе огромное количество рабочихъ: въ одномъ Петербургѣ по официальнымъ даннымъ бастовало 200 т. человѣкъ. Во многихъ городахъ бастующіе устраивали демонстративныя съ красными и черными флагами шествія, которыя разгонялись полиціей и казаками. Рабочіе теперь повсемѣстно вступаютъ въ упорную борьбу со своими хозяевами: въ цѣломъ рядѣ городовъ бросаютъ работу и выставляютъ требованія объ улучшеніи условій труда, увеличеніи заработной платы, уменьшеніи рабочаго времени и т. д. Много фабрикъ и заводовъ разсчитываютъ рабочихъ и временно или навсегда перестаютъ функціонировать. Въ Одессѣ закрылась мастерская „Русскаго Общества" (1000 ч.), на Ижорскихъ заводахъ угрожаютъ разсчетомъ, въ Николаевѣ прекращены работы на судостроительномъ заводѣ (4000 ч.), въ Екатеринославской губ. бастуютъ тысячи рабочихъ. Хозяева твердо отстаиваютъ свое „священное право", но и рабочіе не сдаются. Среди рабочихъ начинаютъ развивать усиленную дѣятельность и г.г. „политики"; близятся выборы въ четвертую Думу, и ими обсуждаются и вырабатываются предвыборные планы. Надо надѣяться, что русскіе рабочіе съумѣютъ использовать свой собственный опытъ и опытъ своихъ западно-европейскихъ товарищей и не подадутся на удочку „друзей", предлагающихъ имъ панацею — выборы, выборы во что-бы то ни стало, выборы, даже въ такой „парламентъ", какъ наша Дума! . . .

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 1-ое Сентября 1912 г. № 2.

Передъ выборами въ 4-ю Думу.

Когда либеральный, высокопросвѣщенный изслѣдователь анализируетъ ходъ человѣческой исторіи, онъ почти всегда приходитъ къ утѣшительнымъ выводамъ: прогрессъ идетъ семимильными шагами, ростъ культуры несомнѣненъ. Есть, конечно, и подозрительныя, кровавыя пятна, но... и на солнцѣ есть пятна. И сердце ученаго трепещетъ и радостно бьется. Подобно пушкинскому скупому рыцарю, наслаждающемуся въ подвалахъ грудами золота, ученый не нарадуется на сундуки, биткомъ набитые культурными цѣнностями. И въ тотъ день, когда онъ можетъ «въ шестой сундукъ, сундукъ еще не полный, горсть золота накопленнаго всыпать», можетъ записать еще одну радикальную реформочку, — торжеству нѣтъ границъ. Забываетъ изслѣдователь «сколькихъ человѣческихъ заботъ, обмановъ, слезъ, мученій оно — тяжеловѣсный представитель» Забываетъ,... но не всегда. Надо быть справедливымъ къ радикальному изслѣдователю: не всякую реформочку онъ въ общечеловѣческій сундукъ положитъ. Онъ бы, навѣрное, съ негодованіемъ отвергъ предложеніе записать съ торжествомъ русскую конституцію, ея парламентъ, созданный на основаніи закона 3-го іюня... Онъ сказалъ бы: «русская Дума — не «золото», она — явная, безстыдная, аляповатая поддѣлка, правда, нужная для «Европы» и для «конституціоннаго» оправданія домогательствъ землевладѣльческой шайки. Участники и творцы Думы — уголовная банда, и ихъ должно судить, какъ судятъ фальшивомонетчиковъ». Когда же вы слышите хриплые, надорванные голоса соціалистовъ-демократовъ: «рабочіе, выбирайте въ 4-ую Думу!», невольно возникаетъ вопросъ, есть ли у этихъ «политиковъ» чувство брезгливости, присущее не совсѣмъ обнаглѣвшему радикалу?... Не намъ, конечно, дѣлить демократію и парламентъ на истинные и ложные: знаемъ мы цѣну всякой демократіи, знаемъ къ чему приводитъ неизбѣжно парламентская тактика. Но вопросъ объ участіи въ русской 4-ой Думѣ — вопросъ не тактики, а... стыда! Просто стыдно участвовать въ наглой и развратной комедіи, позорно звать вписавшихъ блестящую страницу въ исторію мировой борьбы русскихъ рабочихъ къ участію въ четвертой Думѣ... Это ужъ не парламентскій кретинизмъ, а парламентское буйное помѣшательство въ самой опасной и рѣзко выраженной формѣ... И, правда, о такихъ «политикахъ» не стоило бы и говорить. Еслибы не сознаніе, что помѣшательство — *неизбѣжный* результатъ парламентаризма *вообще*, если бы въ этомъ призывѣ къ участію въ выборахъ не проявлялась такъ рѣзко тенденція легализовать пролетаріатъ во что бы то ни стало; а потому-то мы должны обратиться къ тѣмъ аргументамъ, которые мы выставляемъ противъ парламентаризма и легализма вообще. Мы, конечно, не можемъ въ предѣлахъ газетной статьи исчерпать всѣ наши возраженія противъ фикціи «народной воли», «большинства», «контроля надъ представителями»; мы только остановимся на роли парламента, какъ орудія классовой борьбы. Идея борьбы трудящихся можетъ быть коротко и ясно формулирована такъ: рабочій въ современномъ обществѣ — *вещь*, а хочетъ онъ во *всѣхъ* областяхъ сдѣлаться *личностью*... Эта формулировка нисколько не отвлеченная, она очень реальна, она не только не игнорируетъ, а кладетъ въ основаніе борьбу рабочихъ за *хлѣбъ* и волю, борьбу экономическую.

Въ древности положеніе раба, какъ *вещи*, было ясно и несомнѣнно. Философы называли рабовъ *говорящими инструментами*. Рабовъ избивали и убивали, если становилось невыгоднымъ ихъ кормить; обмѣнивали и продавали, если такой обмѣнъ хозяевамъ былъ выгоденъ; политическихъ правъ рабъ, конечно, не имѣлъ. Правами пользовались одни лишь свободные. Положеніе тогда было ясное, рѣзко опредѣленное. Прошло много, много вѣковъ. Много и многое измѣнилось; измѣнились нравы, обычаи, учрежденія, идеи. Лишь институтъ рабства въ формѣ *наемнаго* труда остался непоколебленнымъ. Но въ положеніи современнаго раба произошло глубокое измѣненіе: *говорящій* инструментъ превратился въ *голосующій* инструментъ... Рабочій и крестьянинъ пользуются политическими правами: они вотируютъ законы, имѣютъ своихъ депутатовъ-избранниковъ, и еще сколько! Приблизительно 70 — во Франціи, 80 — въ Австріи, 110 — въ Германіи. Ликовать бы радикалу: «демократическіе сундуки» наполняются, но... радикалъ напуганъ, боится онъ сюрпризовъ непріятныхъ со стороны прогресса... Зато ликуютъ соц.-дем.: — 110 депутатовъ!... 4 милліона голосовъ!... Одни лишь анархисты угрюмо и упорно напоминали о томъ, что всѣ «110» — 110 «человѣческихъ обмановъ, тяжеловѣсный представитель!»... Быть можетъ, анархисты изъ доктринерскаго упрямства не восхищаются успѣхами въ видѣ цыфры «110»? Быть можетъ, анархисты не хотятъ, не умѣютъ считаться съ исторіей? Нѣтъ. Именно анализъ формъ рабства и утверждаетъ ихъ въ отрицательномъ отношеніи къ парламентаризму. Хорошо жилось рабовладѣльцамъ... Да вотъ «бѣда приключилася страшная» — *рабы возстали во имя свободы*. Страшно было и само возстаніе, но страшнѣе всего — грозовая, зловѣщая туча: рабы «заговорили» не только о мукахъ, причиняемыхъ данной формой рабства, но о *рабствѣ вообще*, о всякой неволѣ.. И, кто знаетъ, если бы это чувство охватило всѣхъ возставшихъ, не была бы ли иной вся исторія человѣчества? *Но, увы, всегда въ народѣ боролись и борятся двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ*... Всегда царила эта раздвоенность: когда одни кричали: «хлѣба», — другіе, а очень часто тѣ же самые, но послушные другой стихіи, комментировали: «по 1¼ ф. на брата».

И лозунгъ дѣлался страшнымъ не рабству вообще, а опредѣленной только формѣ рабства...

Когда одни говорили: «воли», другіе добавляли: «3 ар-

шина воли», какъ разъ столько, сколько нужно *для приличной*, культурной рабской могилы. *И въ этой двойственности — проклятіе и трагедія исторіи освобожденія...*

Программа-минимумъ — не внѣшнее зло, какъ не внѣшнее зло государство, она — плоть отъ плоти и кровь отъ крови народнаго минимализма. Не депутаты и интеллигенты минимализмъ породили, онъ, какъ смерть, какъ эпидемія, вѣрный спутникъ исторіи. Рабовладѣльцы инстинктомъ поняли серьезность положенія... Инстинктъ же больше, чѣмъ сознаніе, подсказалъ имъ блестящій, глубокій выходъ изъ положенія: *надо использовать раздвоенность въ лагерѣ борцовъ; надо, опираясь на народный минимализмъ, реформаторство, задушить, заглушить максимализмъ...*

Но для того, чтобы на народъ опираться, надо съ нимъ *сблизиться, объединиться...*, а сблизиться можно не съ вещами, а съ *личностями...* Старыя рамки для этой цѣли не годятся, нужно создать высшій коллективъ, куда бы на правахъ уже *личности* вошелъ и *рабъ*. Этотъ новый коллективъ — демократія; ея орудіе и организованное выраженіе — *парламентъ...*

Какова же роль рабочаго въ этомъ новомъ коллективѣ? Онъ — личность въ политикѣ, вещь въ производствѣ. Демократія объединаетъ въ единый народъ буржуа и рабочаго. Ясно, что рабочій долженъ бороться за расширеніе правъ демократіи, и онъ борется рядомъ. если не со всей, то съ лѣвымъ крыломъ буржуазіи... Между хозяиномъ и работникомъ организуется новая, тѣсная связь въ области политики; она сглаживаетъ пропасть въ области экономической... И новая формула рабства «личность-вещь» тяжелой цѣпью сковало рабочихъ. Таковы объективное значеніе и роль буржуазной демократіи и парламентаризма. Разумѣется, въ вышеприведенныхъ строкахъ мы дали только схему; мы прекрасно знаемъ, что демократія вовсе не результатъ чьего-либо адски задуманнаго плана; знаемъ, что дѣйствовалъ больше классовый инстинктъ, чѣмъ сознаніе, знаемъ и дѣйствіе многихъ безличныхъ факторовъ; знаемъ, что установленіе новой формы гнета, «вещь-личность», наступило не тотчасъ послѣ паденія рабства; что этотъ новый строй, не законченный до сихъ поръ, уже успѣлъ обнаружить и свои отрицательныя стороны. Мы лишь настаиваемъ на внутреннемъ смыслѣ современной демократіи... Анархизмъ и находящееся подъ его прямымъ вліяніемъ лѣвое крыло революц. синдикализма дали простой исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ: *что дѣлать?*

Они выставили два лозунга. Первый: непосредственная экономическая борьба, всеобщая стачка. Это значитъ: въ непосредственной экономической борьбѣ роль рабочаго, какъ вещи, выступаетъ несомнѣнно ясно; революціонизирующее значеніе этой борьбы для минималистически, *слѣдовательно, демократически* настроенныхъ массъ, очевидно. Слѣдовательно, попыткѣ образованія «единаго» народа наносится *непоправимый* ударъ.

Второй лозунгъ: борьба со всякой формой государственности. Это значитъ: пролетаріатъ *долженъ* интересоваться политикой; политика вліяетъ на «экономику», но бороться съ государствомъ не значитъ участвовать въ парламентѣ; бороться, какъ *классъ*, значитъ, между прочимъ, *не* поддерживать радикальнаго слоя буржуазіи противъ «отсталаго»... И тутъ идея «единаго народа» терпитъ позорное крушеніе...

Увы, не таковы лозунги марксистовъ и соціалистовъ-демократовъ; они *цѣликомъ* приняли буржуазные лозунги: они стали на точкѣ зрѣнія «народа», механически присоединивъ его къ классовой борьбѣ; классовая борьба стала словомъ, борьба за демократію и парламентъ — дѣломъ; они играютъ, а не борются съ иллюзіями массъ-минималистовъ и наивно гордятся тѣмъ, что будто они — «массовая» партія... Когда Марксъ провозгласилъ: «классовая борьба есть борьба политическая», онъ сказалъ нѣчто не совсѣмъ вѣрное, но ничего еще страшнаго въ этомъ не было: вѣдь подъ политической борьбой можно разумѣть *антигосударственную* борьбу. Но вотъ послѣ оказалось, что «политическая» борьба есть борьба «демократическая», за парламентъ, за конституцію; оказалось, что фактически рабочіе являются авангардомъ въ борьбѣ за общенародную свободу; оказалось, что марксизмъ къ «хитрой механикѣ» буржуазіи прибавилъ свою, а именно: онъ построилъ ученіе о развитіи производительныхъ силъ, какъ необходимую предпосылку къ свободѣ; ученіе о необходимости временной поддержки буржуазіи, какъ силы, способствующей росту этой объективной «предпосылки». Марксизмъ перенесъ классовую борьбу въ область слова-пропаганды и *технической* организаціи и занялся *на дѣлѣ* демократіей.

Анархизмъ раскрывалъ и раскрываетъ язву классоваго сотрудничества, указываетъ, что новая форма рабства «личность-вещь» внѣдряется не только благодаря буржуазіи, но и *благодаря марксистамъ*. Почему же буржуазія ненавидитъ соц.-дем.? Почему бьетъ тревогу она? Почему возстаетъ реакція изъ боязни с.-д. нашествія? Разъ марксисты усвоили буржуазные лозунги, то надо было ждать дружбы съ буржуазіей? Такъ спрашиваютъ наивные или наивничающіе люди. Мы, конечно, могли бы насчитать не мало примѣровъ этой трогательной дружбы.... но не въ этихъ примѣрахъ дѣло. Конечно, буржуазія въ цѣломъ не хотѣла бы никакой оппозиціи, никакого революціоннаго движенія, классоваго или демократическаго: она боится пролетаріата даже тогда, когда онъ борется за народныя блага, боится, какъ бы пролетаріатъ не размахнулся шире и глубже, чѣмъ этого требуютъ интересы всей націи.

Мы вѣдь не утверждаемъ, что соц.-демократія не борется, а говоримъ лишь, что она *на дѣлѣ* ведетъ рабочую борьбу такъ, какъ будто у рабочихъ и хозяевъ *различные*, а не *противоположные* интересы. *Вотъ въ чемъ дѣло*. Понятно, что буржуа ненавидятъ *даже* с. д., такъ какъ вѣдь *различные* интересы — фактъ; развѣ это мало для того, чтобы ненавидѣть, гнать... Въ исторіи ненависть и гнетъ проявлялись при менѣе существенныхъ разногласіяхъ. Но если буржуазія все-же васъ терпитъ, такъ это потому, что вы ей временами нужны, вы — зло, но изъ двухъ золъ (борьбы классовой и демократической) она выбираетъ меньшее... Для партіи с.-д., выражающей фактически различіе интересовъ рабовъ и господъ, демократія, парламентъ нужны, необходимы.

Для насъ, дѣйствіями вскрывающихъ и выражающихъ противоположность классовыхъ интересовъ, демократія, парламентъ не нужны, вредны. Надо-ли указывать вторично на уродство и нелѣпость участія въ русской Думѣ? Надо-ли повторять, что здѣсь и форма «личность-вещь» — ложь, ибо даже политическихъ, личныхъ правъ нѣтъ?...

Ленинъ какъ-то сказалъ: «Исторія загнала насъ въ хлѣвъ», разумѣлъ онъ 3-ью Думу. Да, хлѣвъ; и не знаешь, кто изъ населяющихъ этотъ «хлѣвъ» - Думу отвратительнѣе: ея шутъ — Пуришкевичъ, пророкъ — Родичевъ или воинъ — Гегечкори. По моему — другъ друга стоятъ... Опытъ нашей работы показалъ, что русскій рабочій вполнѣ доросъ до пониманія непосредственной борьбы, *противопоставляемой* парламентской. Постараемся расширить и углубить сознаніе рабочихъ. Постараемся, чтобы широкіе слои трудящихся усвоили нашу тактику, наше міросозерцаніе. Постараемся, чтобы трудящіеся усвоили и примѣнили нашъ лозунгъ:

Рабочіе, бойкотируйте всякаго рода парламентъ!
Трудящіеся, бойкотируйте 4-ую русскую Думу! *I.*

О РАБОТѢ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

РАБОЧІЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

Противники считаютъ насъ «мелко-буржуазной» партіей: мы молъ, не считаемся съ развитіемъ техники, выросшей въ нѣдрахъ капиталистическаго общества; мы въ своемъ идеалѣ воскрешаемъ «товарное хозяйство»: нашъ идеалъ — идеалъ мужичка хозяйственнаго.

Справедливы-ли упреки противниковъ? Нѣтъ. Есть фактическая неправда, а то, что фактически вѣрно, освѣщено и объяснено невѣрно. Указываютъ на Прудона. Прудонъ, анархистъ, признавалъ крестьянскую, мелкую, трудовую собственность. Правда. Но вѣдь надо вдуматься и понять историческую обстановку. Представьте себѣ страну, въ которой капитализмъ еще не разлучилъ крестьянина съ землей, а прошлый ходъ исторіи породилъ не общину, какъ въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ, а индивидуальную трудовую собственность. Представьте себѣ революціонера Прудона, желавшаго воплощенія трудовой справедливости *сейчасъ*; какъ ему быть? Ждать развитія капитализма? Но вѣдь это значитъ привѣтствовать не справедливость, а раззореніе и торжество капиталистической кабалы. Приходится ждать, пока *опытъ* и отчасти слово убѣжденія заставятъ крестьянъ признать и принять артельныя начала, а пока надо осуществить трудовую справедливость при данныхъ историческихъ условіяхъ. Споръ былъ вовсе не о желательности или нежелательности коллективныхъ формъ, а о томъ: бороться ли за трудовую справедливость *сейчасъ* или привѣтствовать насажденіе капитализма и спрятать идеалы труда на далекое, далекое будущее. И правъ соціалистъ Ландауэръ, указывающій, что Прудонъ былъ просто реалистомъ-максималистомъ. То же слѣдуетъ сказать о нашихъ русскихъ народникахъ. Среди нихъ было много анархистовъ-общинниковъ. Они, правда, часто переоцѣнивали хорошія стороны общины и дурныя стороны капитализма, но въ основѣ былъ тотъ же споръ: требовать-ли справедливаго распредѣленія сейчасъ, или-же привѣтствовать капиталистическое «накопленіе», ведущее къ раззоренію массъ...

Какъ относятся анархисты къ крестьянину, владѣльцу трудовой собственности, не пользующемуся трудомъ наемнымъ? Они видятъ опасность въ этой формѣ владѣнія: есть соблазнъ сдѣлаться мелкимъ хозяйчикомъ. Да и психологія мелкаго собственника не благопріятна коммунизму. Въ этомъ отношеніи преимущества цѣликомъ на сторонѣ мужика-общинника, батрака, городского рабочаго. Но, во первыхъ, хозяйчиками имѣютъ возможность сдѣлаться немногіе. Большинство — эксплуатируемы. Ихъ грабитъ помѣщикъ, купецъ-перекупщикъ, государство. Внѣ соціальной революціи — нѣтъ свободы для широкихъ слоевъ крестьянства. Мы ихъ зовемъ въ ряды *борющихся* за справедливость, и мы увѣрены, что общинныя формы оно, трудовое крестьянство, пойметъ, полюбитъ и приметъ, такъ какъ эта форма выгоднѣе, удобнѣе и больше въ ней гарантій справедливости. Если мы рисуемъ черными красками трудовое, мелкими участками владѣющее, крестьянство, то мы, съ другой стороны, не идеализируемъ, не видимъ въ одномъ лишь розовомъ свѣтѣ общину.

ОБЩИНА.

Вопросъ сложный. Споры относительно роли общины были долги и страстны. Спорили въ правящихъ сферахъ. Въ своихъ докладныхъ запискахъ царю одинъ министръ называлъ общину опорой царскаго престола, плотиной, мѣшающей волнѣ соціализма проникнуть въ патріархальную Россію; другой видѣлъ въ общинѣ колыбель революціонности, самороднаго анархизма и соціализма, сулилъ горе и бѣдствіе царю и богатѣямъ.

Спорили и соціалисты. Одни говорили (марксисты): община тормозитъ развитіе культуры; отсталыми формами хозяйства питается и отсталый, дикій, самодержавный строй, и туманное, рабское сознаніе массъ.

Народники говорили: пусть такъ; печально данное состояніе общины, но въ ней — залогъ народной правды; здѣсь — въ общинѣ — не нарушенъ принципъ правильнаго распредѣленія; боритесь съ государствомъ; боритесь вмѣстѣ съ крестьянами общинниками за экспропріацію земли. Подымется техника; подымется культура; и расцвѣтъ культуры не будетъ купленъ дорогой цѣной — нарушеніемъ принципа равенства въ распредѣленіи благъ жизни; новая культура выраститъ на почвѣ равенства народнаго... *).

Прошло много лѣтъ. Капитализмъ народился на Руси. Русскій пролетаріатъ удивилъ міръ своими грандіозными всеобщими забастовками. Но крестьянство по прежнему играетъ колоссальную роль. Община не разрушена. Какъ мы относимся къ общинѣ?

Такъ: никто и ничто не докажетъ, что община будетъ разрушена окончательно, что капитализмъ поглотитъ общину. Если такъ, то она — важный факторъ соціальной революціи, за общину надо бороться; община будетъ бороться за землю и волю; община сдѣлается важнымъ, хоть и не единственнымъ, органомъ въ дѣлѣ укрѣпленія равенства и организаціи общества на высшихъ братскихъ началахъ.

Но мы не закрываемъ глазъ и видимъ, что внутри общины борются различныя силы. Часть богатѣевъ хочетъ выдѣлиться, дабы разрушенная община перестала ихъ связывать своими уравнительными порядками. Эти хищники ищутъ добычи, они хотятъ разложенія общины. Другая часть богатѣевъ (правда, меньшая) хочетъ сохраненія общины, но не потому, что въ общинѣ воплощены начала равенства; ихъ, богатѣевъ, радуетъ, что эти начала уже кое-гдѣ и кое въ чемъ нарушены, что можно, оставаясь среди своихъ же братьевъ, эксплуатировать, угнетать; имъ важна не община, а язва общины, они цѣнятъ раны ея, и, когда выпьютъ всю кровь, барышники уйдутъ и еще надругаются надъ трупомъ общины... Различны также мотивы, по которымъ крестьяне выдѣляются. Выдѣляются не только богатѣи; выдѣляются отчасти тѣ, которые скорбятъ душой, видя недостатки общины; они уходятъ не потому, что они не общинники, а потому, что видятъ неправду и зло данной общины. Залѣчить раны — они безсильны. Быть зрителями смерти той общины, въ которой такъ много элементовъ правды народной, они не могутъ. Выходитъ, что не всѣ остающіеся въ общинѣ — ея друзья, не всѣ уходящіе — ея враги. Вотъ почему мы, безусловные сторонники общины, должны имѣть въ виду этотъ разладъ, этотъ пестрый составъ уходящихъ и остающихся, чтобъ не впасть въ ошибку. Надо помнить, что вообще въ общинѣ выражена не только *воля* народа; къ ней присосалось и государство въ своихъ денежныхъ цѣляхъ. Государство нуждалось въ круговой порукѣ, дабы быть увѣреннымъ, что община уплатитъ подати за малоимущихъ. Требуется знать общину; надо изучать; надо вдуматься въ ея составъ. Это необходимо для того, чтобы правильно служить интересамъ самой общины.

УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ.

Но, быть можетъ, указъ 9 ноября сдѣлалъ то, чего не сдѣлало развитіе капитализма? Да, безъ отвѣта на этотъ вопросъ трудно опредѣлить свое отношеніе къ общинѣ. Выходъ крестьянъ массами изъ общины — фактъ. Успѣхъ сначала оказался ослѣпительнымъ. И Столыпину, разрушителю общины, было чему радоваться. Но въ дальнѣйшемъ торжество это значительно омрачилось. Землеустроительныя комиссіи должны были признать, что народъ проявилъ гораздо большую силу сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Открылась страшная, мрачная картина: землеустроительныя комиссіи превратились въ полицейскіе участки. Крестьянъ, боровшихся съ выдѣленіемъ, сажали въ тюрьмы, преслѣдовали, из-

---

*) Оцѣнкѣ этихъ мнѣній мы посвятимъ статьи въ ближайшихъ № № «Рабоч. Міра».

дѣвались, надругались надъ ихъ достоинствомъ, раззоряли. Это одна изъ самыхъ страшныхъ страницъ царствованія убитаго временщика-кровопійцы Столыпина — позоръ и проклятье памяти его! Это дошло до того, что сенатъ буквально заваленъ жалобами на насилія и раззоренія со стороны погромщиковъ-землеустроителей. И даже Сенатъ, это скопище лакеевъ царя и помѣщиковъ, призналъ часть жалобъ правильными. Затѣмъ и количество выдѣлившихся стало падать. Участились признанія, что крестьяне на «хуторахъ» чувствуютъ себя отчаянно: сѣро, скучно, одиноко... Всѣ ихъ презираютъ, о какой-нибудь культурѣ, о благосостояніи не можетъ быть и рѣчи. Одинокое, запуганное, жалкое прозябаніе... А тутъ еще общинники не дремлютъ: «красный пѣтухъ» — частый гость. Если же припомнить признанія нѣкоторыхъ землеустроителей, что переходъ — часто фикція, одна лишь видимость, то станетъ яснымъ, что законъ 9 ноября безсиленъ сломить общину. Какъ это ни странно, но пишущій эти строки увѣренъ, что законъ 9 ноября будетъ имѣть, возможно, даже положительное значеніе: останутся элементы наиболѣе однородные, для которыхъ общинная жизнь — не внѣшняя традиція, не привычка, а цѣнность народная; эти элементы любятъ и цѣнятъ ту реальную справедливость, которая воплощена, хоть и не всегда цѣльно и послѣдовательно, въ общинѣ.

ПРОПАГАНДА.

Наша пропаганда среди крестьянъ должна быть проста, ясна; это достигается не замалчиваніемъ глубокихъ основъ міросозерцанія, а ясностью и цѣльностью изложенія. Помочь крестьянамъ организоваться въ коммуну безъ власти и государственнаго насилія — это будетъ понятно и близко крестьянству. Полемика съ другими народническими организаціями не нужна только тогда, когда это связано съ реальнымъ *дѣломъ*. Такъ: надо совѣтовать крестьянамъ не посылать въ Думы, не надѣяться на депутатовъ. Надо имъ просто и толково указать на вредъ централизма, на опасность вѣры въ буржуазную республику. Надо развить особенно сильную агитацію противъ военщины. Необходимо было бы созданіе спеціальной крестьянской литературы для пропаганды отказа доставки рекрутовъ. Это важная, неотложная задача. Быть можетъ, планомѣрная агитація въ духѣ антимилитаризма среди подлежащей отбыванію воинской повинности молодежи дастъ больше результатовъ, чѣмъ пропаганда въ арміи. Что касается изложенія теоретическихъ основъ міровоззрѣнія, то оно *безусловно* необходимо. Среди крестьянъ сильна потребность въ міровоззрѣніи, жива потребность дать нравственную санкцію своему поведенію, осмыслить нравственно человѣческую жизнь.

Великое, глубокое броженіе идетъ среди массъ. Великія думы и тревоги обременяютъ душу народа. Тихо извнѣ, — мучительное, страстное исканіе внутри. Слѣдите за нарожденіемъ сектъ; развѣ не мечется народъ, не ищетъ путей? Но мы этого не знаемъ. Знаемъ такъ, по наслышкѣ. Мы намалевали много програмъ, разработали въ кабинетѣ техническія детали, а какъ мы далеки отъ деревни! Какъ убоги наши знанія и связи съ ней! Безъ знанія души народной не будетъ плодотворной и наша обыденная, практическая работа. Безъ глубоко продуманнаго міросозерцанія не утолить намъ запросовъ народной совѣсти и мысли. Еще — надо остерегаться отвлеченныхъ «лозунговъ». Надо всегда помнить реальную, унылую, простую деревню съ ея волостью, колокольней, убогими хатами. Надо представить себѣ реально, какъ данный лозунгъ осуществить *на практикѣ*; а для этого необходимо быть связанными съ деревней, не ограничиваться разсылкой агитаторовъ; необходимо быть связанными съ народомъ постоянно и прочно. Большую услугу можетъ оказать, несомнѣнно, деревенская интеллигенція. Надо бросить глупые, антиинтеллигентскіе предразсудки: работа среди народныхъ учителей и учительницъ, учениковъ землемѣрныхъ и агрономическихъ училищъ — нужна и плодотворна. Она можетъ помочь народу углубить движеніе, придать ему большую планомѣрность. Наши принципы близки народу. Парламентаріи несравненно меньше будутъ поняты. Мы только должны сумѣть быть практиками, сумѣть подойти просто къ жизни крестьянъ. И успѣхъ нашъ обезпеченъ. А *нашъ* успѣхъ — это успѣхъ правды народной.

Рощинъ.

Теорія и практика пролетарской борьбы.*)

I.

Слово «ревизіонизмъ», въ переводѣ на русскій языкъ означающее «пересмотръ», звучитъ непріятно для каждаго, считающаго себя революціоннымъ, соціалиста. Объясняется это тѣмъ, что у насъ до послѣдняго времени почти не было предпринято съ *лѣвой* отъ соціальдемократіи стороны теоретическаго пересмотра тѣхъ основъ, изъ которыхъ современная соціальдемократія выводитъ свои предсказанія о будущемъ и тактику для настоящаго времени. Пересмотръ, отцомъ котораго считается Бернштейнъ, шелъ справа и, беря свое начало изъ никогда не бывшихъ революціонно-пролетарскими, а всегда лишь радикально-буржуазными, тактическихъ положеній соціальдемократіи, онъ естественно предназначался къ еще большему приниженію революціонныхъ лозунговъ пролетаріата, къ возможно большему согласованію его политическихъ дѣйствій съ политическими дѣйствіями демократической части буржуазіи.

Но вотъ изъ нѣдръ болѣе сознательной части рабочихъ массъ выростаетъ новое теченіе, также «пересматривающее» теоретическія и тактическія положенія соціальдемократіи. Это теченіе — *революціонный синдикализмъ*. Однако, въ отличіе отъ идущаго справа бернштейновскаго пересмотра, революціонный синдикализмъ является пересмотромъ слѣва. Въ связи съ этимъ и цѣли его противоположны: его цѣлью является не приниженіе революціонныхъ лозунговъ, а обостреніе ихъ. Разница между обоими пересмотрами съ внѣшней и внутренней стороны заключаются въ томъ, что ревизіонизмъ признаетъ свою законную связь съ соціальдемократіей, революціонный-же синдикализмъ враждебенъ ей, какъ и всякому другому государственному ученію. Революціонный синдикализмъ объявилъ такую же войну соціальдемократіи, какъ и всему буржуазно-капиталистическому обществу. Наравнѣ съ соціальдемократіей онъ стоитъ на *классовой* точкѣ зрѣнія. Но въ противоположность ей онъ — *аполитиченъ*. Соціальдемократія, наравнѣ со всѣми буржуазными партіями, теченіе государственное. Революціонный синдикализмъ — *антигосударственъ*.

Изъ этихъ основныхъ противоположеній вытекаетъ и разница въ тактическихъ лозунгахъ. Революціонный синдикализмъ, отрицая цѣлесообразность *сотрудничества* классовъ и стоя на точкѣ зрѣнія классовой *борьбы*, опредѣляемой *непримиримостью* классовыхъ противорѣчій, тѣмъ самымъ отрицаетъ государство, парламентскую и конституціонную «работу», и ведетъ борьбу внѣ тѣхъ или иныхъ государственно-правовыхъ организацій и *независимо* отъ нихъ, перенося всю тяжесть ея на *непосредственное дѣйствіе*, на исключительно классовыя *пролетарскія* организаціи.

Революціонный синдикализмъ выводитъ свои тактическія построенія изъ того положенія, что *для пролетаріата* безразлично, въ какихъ государственныхъ формахъ — монархическихъ, конституціонныхъ или республиканскихъ — ему приходится бороться противъ буржуазіи. Онъ доказываетъ, что никогда ни одинъ изъ конфликтовъ, назрѣвшихъ въ буржуазномъ обществѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, не получалъ разрѣшенія ни черезъ монархію, ни черезъ парламентъ, если предметъ конфликта не опирался на непосредственное дѣйствіе класса пролетаріата или на близкую возможность такого дѣйствія — *на организованную реальную силу*.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что въ послѣднее время изъ рядовъ соціальдемократіи, въ наиболѣе острые моменты всегда идущей въ хвостѣ рабочаго движенія, раздаются отдѣльные голоса въ пользу правильности основныхъ тактическихъ положеній революціоннаго синдикализма. Объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе факты, какъ исключеніе доктора Фридберга изъ германской партіи, выступленіе Панекука въ защиту всеобщей стачки, обвиненіе Розой Люксембургъ центральнаго комитета германской партіи въ «парламентско-реформаторскомъ кретинизмѣ» по поводу запрещенія дискутировать въ Vorwaerts'ѣ вопросъ о всеобщей стачкѣ и т. д.

Синдикалистовъ обвиняютъ, что они иногда злоупотребляли революціонными методами. Допустимъ на минуту, что это такъ. Но у нихъ нѣтъ *теоретическихъ* колебаній, какъ въ «единой и нераздѣльной». Напримѣръ, по вопросу о голосованіи за бюджетъ южно-германскіе соціальдемократы находятъ, что съ точки зрѣнія марксизма голосовать за бюджетъ нужно и можно, а сѣверо-германскіе — что нельзя и вредно. Одни считаютъ всеобщую стачку иногда необходимой и дискуссію о ней полезной, Vorstand германской партіи воспрещаетъ ее. Бернштейнъ, Давидъ и многіе другіе — сторонники колоніальной политики, «ортодоксы» враждебны ей. Одни за соблюденіе придворнаго церемоніала и за хожденіе ко двору, другіе — противъ.

Въ Россіи одна часть соціальдемократіи считаетъ возможнымъ участвовать въ эпоху контръ-революціи въ легальныхъ организаціяхъ, другая — вреднымъ. Одни за участіе въ Государственной Думѣ безусловно, другіе — за условное участіе, третьи — противъ участія. Одни — за избирательные блоки и соглашенія съ буржуазіей, другіе — противъ.

Во Франціи, Италіи, Бельгіи, однимъ словомъ всюду, гдѣ существуютъ министерства и соціальдемократы, вопросъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ раздираетъ «единую и нераздѣльную» на рядъ враждующихъ теченій. И все это — съ точки зрѣнія одного и того же критерія, марксизма. Выражаясь фигуральнымъ опредѣленіемъ профессора Антоніо (не Артуро!) Лабріола, каждый изъ нихъ, считающій свою непогрѣшимость значительно выше папской, претендуетъ на признаніе себя чѣмъ-то вродѣ «вице-оберъ-унтеръ Маркса», марксистомъ «божіей милостью». Въ дѣйствительности-же каждый изъ этихъ «носителей божественнаго начала» создалъ себѣ чучело собственной работы, которое почему-то окрестилъ во имя Маркса. Марксисты... отъ чучела.

Въ революціонномъ синдикализмѣ нѣтъ теоретическихъ колебаній, онъ отъ начала до конца — стройная теорія, послѣдовательно опредѣляющая логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы. Призванный къ жизни обостреніемъ антагонизма классовъ и будучи самымъ послѣдовательнымъ выразителемъ непримиримости классовыхъ противорѣчій, онъ является *исторической необходимостью*, какія всегда выдвигаются Исторіей на смѣну стараго, отжившаго.

Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen...

II.

Развитіе тактическихъ построеній непосредственно вытекаетъ не только изъ различія въ теоретическихъ предпосылкахъ. Этими послѣдними опредѣляется лишь разница въ принципіальныхъ положеніяхъ о логикѣ классовой борьбы, о ея демократическомъ или аполитическомъ содержаніи, отдѣляющая революціонный синдикализмъ отъ соціальдемократіи. Тактическіе-же лозунги, безусловно находясь въ тѣсной связи съ принципіальной концепціей, зависятъ не только отъ теоріи, но и отъ событій. Принципіальная концепція лишь направляетъ, лишь наводитъ на то или иное отношеніе къ событіямъ.

Ближайшее событіе, стоящее передъ всякимъ и, въ частности, передъ россійскимъ пролетаріатомъ — Революція. Будетъ ли она пролетарской или буржуазной? Каковы ея перспективы, размахъ, этапы? Каково соотношеніе враждующихъ силъ? Каковъ вѣроятный исходъ?

Когда-то эти вопросы ставила себѣ и соціальдемократія. И какъ всегда, когда дѣло касается дѣйствія они разбили «единую и нераздѣльную» на нѣсколько діаметрально противоположныхъ направленій, изъ которыхъ болѣе рѣшительное провозгласило, — впрочемъ, довольно нерѣшительно, — лозунгъ о диктатурѣ пролетаріата, другое говорило о его гегемоніи, а третье — о гегемоніи буржуазіи. Это былъ споръ о максимальныхъ и минимальныхъ лозунгахъ. Въ настоящее время вопросъ о диктатурѣ пролетаріата окончательно изъятъ изъ соціальдемократическаго обихода, дискутируется лишь вопросъ о гегемоніи.

Къ диктатурѣ мы перейдемъ позже, сейчасъ же постараемся раскрыть значеніе лозунга «гегемонія». Гегемонія означаетъ: предводительство, руководительство. Такъ какъ рѣчь идетъ о *современной* Революціи, носящей классовый характеръ, то, въ приложеніи къ ней, гегемонія означаетъ совмѣстное участіе въ ней *нѣсколькихъ* классовъ подъ предводительствомъ какого-нибудь одного класса. Предводительство должно выражаться въ томъ, что лозунги, выдвигаемые во время и во имя борьбы этимъ классомъ, становятся лозунгами еще и другихъ элементовъ населенія, въ этотъ классъ не входящихъ, воспринимаются ими. Такимъ образомъ, классовыя различія и противорѣчія, какъ таковыя, во время борьбы фактически должны перестать существовать, — иначе немыслимо единообразное (совмѣстное) дѣйствіе нѣсколькихъ различныхъ категорій. Вслѣдствіе этого *гегемонія пролетаріата* во время революціи означаетъ: воспріятіе лозунговъ революціоннаго пролетаріата буржуазіей, т. е. отказъ буржуазіи, хотя бы и на короткое только время, — на время борьбы, — отъ ея собственныхъ классовыхъ лозунговъ.

Установивъ это, изслѣдуемъ тѣ объективныя условія россійской дѣйствительности, которыя должны привести насъ къ признанію или отрицанію правильности соціальдемократическаго положенія о *гегемоніи пролетаріата*.

Общественная структура Россіи внутренне представляетъ такую картину: въ нѣдрахъ феодальнаго строя зародилась буржуазія промышленная; за время, прошедшее съ раскрѣпощенія крестьянъ, буржуазія эта окрѣпла, выросла количественно и качественно, сорганизовалась въ классъ. Наступила стадія развитія, такъ опредѣляемая Коммунистическимъ Манифестомъ: «Феодальная организація, феодальныя отношенія производства оказались несовмѣстимыми съ вновь народившимися производительными силами... они стали цѣпями производства... эти цѣпи нужно было разбить». Другими словами, наступилъ моментъ конфликта между формами производства и производительными силами. Буржуазія въ цѣляхъ самосохраненія и для обезпеченія дальнѣйшаго развитія производства, возстаетъ противъ старыхъ политическихъ формъ, тормазящихъ развитіе и устраняющихъ ее отъ активнаго вмѣшательства въ политическую жизнь. Ея классовые интересы требуютъ участія въ законодательной работѣ, она сама должна направлять внутреннюю и внѣшнюю политику. Ей необходимы все новые рынки, внутренніе и внѣшніе, нужно оградить свое отечественое производство отъ губительнаго вліянія иностранной конкурренціи. Для этого она должна имѣть и создавать таможенные тарифы вести захватную и завоевательную колоніальную политику, обезпечивать бюджетъ, соотвѣтствующей системой налоговъ, различными культурными мѣропріятіями поднять производительныя и покупательныя силы страны и т. д., и т. д.

Степень участія буржуазіи въ государственной власти очень различна въ разныхъ странахъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ея экономической величины. Рамки буржуазнаго господства естественно имѣютъ тенденцію къ постоянному расширенію. Выраженіемъ наибольшей экономически-политической мощи буржуазіи является демократическая республика, т. е. такая разновидность государственной власти, при помощи которой она можетъ въ наиболѣе законченной формѣ выразить свое господство.

Производство — основа общества (Марксъ). Во имя производства феодально-монархическій строй вынужденъ уступить мѣсто конституціонному, иначе современное производство должно погибнуть, общество — придти въ упадокъ. Декадансъ общества всегда идетъ объ руку съ декадансомъ производства.

Конфликтъ, образовавшійся между феодальными или монархически-конституціонными формами производства и переросшими ихъ производительными силами теоретически можетъ быть ликвидированъ двояко: мирнымъ путемъ или революціонно. Это зависитъ какъ отъ остроты его, такъ и отъ соотношенія силъ. Практически же успѣшное, т. е. вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе его почти всегда является результатомъ насильственнаго, т. е. революціоннаго измѣненія строя.

Таковы причины, вслѣдствіе которыхъ и наша буржуазія «революціонизировалась», очутилась передъ необходимостью

*) Препровождая въ редакцію «Рабочаго Міра» настоящую статью, я считаю необходимымъ указать, что она является отчасти воспроизведеніемъ моей статьи, напечатанной лѣтомъ 1911 г. въ «Парижскомъ Вѣстникѣ». Но имѣя въ виду во-первыхъ новую, исключительно рабочую аудиторію, во-вторыхъ рядъ статей о «Недостаткахъ синдикализма», печатаемыхъ въ настоящее время товарищемъ Оргеіани въ нью-іоркскомъ «Голосѣ Труда», я считаю неотложно нужнымъ именно теперь еще разъ развить и дополнить изложенныя мною тогда положенія. А. Г.

— въ виду несговорчивости самодержавнаго правительства — насильственнаго измѣненія формы правленія.

Такъ было, такъ будетъ.

Однако, могутъ — и справедливо — задать намъ вопросъ: если революція въ послѣфеодальную эпоху всюду обусловливалась одинаковыми причинами, то почему же ни о диктатурѣ *пролетаріата*, ни о гегемоніи его никогда не возникало принципіальнаго вопроса: ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни гдѣ бы то ни было?

Тутъ мы вплотную подходимъ къ тому, что насъ интересуетъ. Дѣло въ томъ, что русская буржуазная революція отличается отъ предшествовавшихъ ей по времени революцій другихъ странъ наличностью въ ней, какъ *крупной активнойсилы, сознательнаго* пролетаріата. Революціи на Западѣ происходили значительно раньше, когда промышленность и производство еще находились преимущественно въ стадіи мануфактуры и ремесла. Пролетаріата почти не было какъ *самостоятельной* силы, — какъ *сознательный же классъ* онъ не существовалъ совсѣмъ. Вотъ почему и не могло быть рѣчи ни о *классовыхъ* лозунгахъ пролетаріата, ни о его гегемоніи. Сознательно-активнымъ элементомъ въ западно-европейскихъ революціяхъ была буржуазія. Она давала свои лозунги, которые подхватывались «чернью», трудовымъ народомъ, и борьба шла за *эти буржуазные* лозунги. То была совмѣстная борьба всего «народа» подъ эгидой буржуазіи противъ общаго врага, — была *гегемонія буржуазіи*.

Но съ тѣхъ поръ прошло много времени. Условія производства претерпѣли коренныя видоизмѣненія. Мануфактура и ремесло замѣнены машиной и фабрикой. Въ результатѣ измѣненія условій производства — быстрое нарожденіе новаго класса, пролетаріата, увеличивающагося одновременно съ расширеніемъ производства. *Русская революція совершается въ такое время, когда измѣнившіяся условія производства уже дифференцировали собственную структуру.* Соціальная структура Россіи въ моментъ революціи оказалась иной, чѣмъ структуры населеній западно-европейскихъ государствъ 60—100 лѣтъ тому назадъ. Тамъ буржуазія и «народъ» боролись вмѣстѣ, подъ одними знаменами, противъ одного и то же общаго врага. У насъ же активныхъ элементовъ въ борьбѣ уже не два, а три: 1) поддерживаемое крупной (феодальной) буржуазіей самодержавное правительство, 2) либеральная буржуазія различныхъ оттѣнковъ и 3) пролетаріатъ. Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ *свои отдѣльные лозунги*, вытекающіе непосредственно изъ сознанныхъ классовыхъ интересовъ. При этомъ классовые интересы буржуазіи непримиримы съ классовыми интересами пролетаріата. Положеніе же ея, какъ производителя, непримиримо съ настоящими формами производства — политическимъ строемъ. Такимъ образомъ, буржуазія въ россійской революціи занимаетъ очень своеобразное и въ то же время вполнѣ естественное при данныхъ условіяхъ производства среднее положеніе: она вынуждена бороться одновременно противъ правительства и противъ пролетаріата. Ей, конечно, очень выгодно было бы воспользоваться силами пролетаріата, ей очень хотѣлось бы заставить его забыть о его лозунгахъ, послать его въ огонь за буржуазными каштанами. Но въ 1905—1906 гг. она убѣдилась въ невозможности этого. Въ красные дни пролетаріатъ не только не воспринялъ лозунговъ либеральной буржуазіи, а выставилъ свои собственные, идущіе значительно дальше буржуазныхъ, угрожающіе уже не только самодержавному строю, но *и ея, буржуазіи*, классовымъ интересамъ. Тогда она рѣзко повернулась спиной къ «красной тряпкѣ», съ которой сначала заигрывала, и начала искать союза съ вчерашнимъ врагомъ, правительствомъ, для совмѣстной борьбы противъ общаго и для обоихъ большаго врага, — пролетаріата. Наша буржуазія имѣетъ передъ западно-европейской буржуазіей то громадное преимущество, что она можетъ оперировать на сознательномъ учетѣ классовыхъ интересовъ и противорѣчій.

Для иллюстраціи непримиримости лозунговъ буржуазіи и пролетаріата достаточно будетъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ, произвольно выхваченныхъ изъ исторіи 1905—1906 гг.

1) Во время проекта булыгинской Думы и, далѣе, во время выборовъ во первую Думу пролетаріатъ выдвинулъ лозунгъ бойкота. Буржуазія участвовала въ Думѣ.

2) Во время функціонированія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ пролетаріатъ шелъ подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія. Буржуазный «Союзъ союзовъ» пригласилъ Сов. Раб. Деп. прислать делегатовъ на собраніе, имѣющее цѣлью обсудить вопросы въ связи съ характеромъ (!) и предѣлами Учредительнаго Собранія. Ясно, что лозунги не совпадали

3) На «Выборгскомъ Собраніи», послѣ разгона первой Думы, буржуазія, скрѣпя сердце, рѣшилась призвать къ пассивному сопротивленію. Пролетаріатъ призывалъ къ активности. Лозунги не только не совпадали, но и діаметрально расходились.

Изъ этихъ примѣровъ видно, насколько интересы русской буржуазіи отличались въ своемъ проявленіи, — въ лозунгахъ, — отъ интересовъ пролетаріата въ моментъ наивысшаго подъема революціи. Они отличались настолько, что буржуазія, испугавшись размаха пролетарской Революціи, поспѣшила предать анаѳемѣ «красную тряпку» и бросилась въ объятія правительства для совмѣстной съ нимъ борьбы противъ Революціи.

Такимъ образомъ, гегемонія пролетаріата въ россійской революціи оказалась невозможной именно во время максимальнаго напряженія революціонной энергіи: буржуазія не только не восприняла пролетарскихъ лозунговъ, а, наоборотъ, боролась *противъ* нихъ, противопоставляя имъ свои лозунги. Для того, чтобы воспринять пролетарскіе лозунги, буржуазіи нужно было бы очень «полѣвѣть», — полѣвѣть до того, чтобы забыть о своихъ классовыхъ интересахъ. И русская соціальдемократія, провозглашая положеніе о «гегемоніи пролетаріата», положила въ основу его именно миѳъ о возможности «полѣвѣнія» буржуазіи, независимо отъ ея классовыхъ интересовъ, въ исключительной зависимости отъ пролетарскаго давленія на нее («толкать буржуазію влѣво»). Мысль эта, съ марксистской точки зрѣнія, неизмѣримо абсурдна и, будучи примѣняема на практикѣ, ведетъ къ бездонному оппортунизму. «Лѣвость» буржуазіи опредѣляется отнюдь не внѣшнимъ факторомъ, — давленіемъ со стороны пролетаріата, — а внутренними условіями производства въ связи съ политическими условіями даннаго времени. Совсѣмъ наоборотъ, исторически доказано, что буржуазія *правѣетъ* каждый разъ, какъ только пролетаріатъ начинаетъ выставлять свои классовыя требованія. На практикѣ это поправѣніе выражается въ блокахъ съ клерикалами, монархистами и прочими реакціонными элементами въ цѣляхъ совмѣстной борьбы противъ пролетаріата. Какъ разъ послѣднее время особенно чревато подобными фактами и показываетъ, что развитіе капитализма осуществляется именно въ направленіи, предсказанномъ Лассалемъ: подъ знакомъ интенсификаціи объединенія *всѣхъ* буржуазныхъ партій противъ рабочаго класса.

Изъ вышесказаннаго ясно, что гегемонія пролетаріата въ россійской революціи вообще абсурдъ, ибо буржуазія *никогда* не пойдетъ въ борьбу за пролетарскіе лозунги.

Но возможно ли у насъ обратное явленіе: революція подъ знакомъ *гегемоніи буржуазіи*, какъ то имѣло мѣсто въ Западной Европѣ? Г. В. Плехановъ полагаетъ или, по крайней мѣрѣ, въ 1906 году полагалъ, что гегемонія буржуазіи у насъ возможна. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ его лозунгъ «полновластная Дума». Разверните его и вы увидите, что онъ означаетъ ничто иное, какъ только призывъ къ гегемоніи буржуазіи. Онъ относился — ко второй Думѣ. Вторая Дума, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ, была кадетской. Облечь кадетскую Думу полнотою власти — значитъ впередъ обязаться признать результаты дѣятельности ея, значитъ, — сказать пролетаріату: ты проливалъ кровь, боролся, а теперь, неудачникъ, возьми то, что захочетъ дать тебѣ добрая буржуазія. А что могли дать сознательные кадеты? Или Плехановъ, можетъ быть, думаетъ, что «полнота» власти лишила бы ихъ сознанія? Ясно, что вся дѣятельность кадетской Думы была бы... кадетской, т. е. враждебной раб. классу, ибо другой она по существу своему, по внутренней логикѣ вещей, и не могла-бы быть. Поэтому лозунгъ «полновластная Дума», подаренный намъ Г. В. Плехановымъ, означалъ призывъ къ гегемоніи буржуазіи. По отношенію къ революціи это былъ лозунгъ оппортунистическій, ибо онъ скрывалъ въ себѣ приглашеніе «не отпугивать» буржуазіи противопоставленіемъ ея требованіямъ пролетарскихъ требованій, признать за ней естественное право на законодательствованіе и поддерживать ее въ ея требованіяхъ.

Мы превосходно знаемъ судьбу, постигшую плехановскій лозунгъ: онъ, отставъ отъ вѣка минимумъ на полстолѣтія, удостоился очень быстрыхъ и пышныхъ похоронъ при дружномъ участіи всего пролетаріата. И лишь кадеты, привѣтствовавшіе его появленіе на свѣтъ, искренно скорбѣли на похоронахъ.

Гегемонія пролетаріата, равно какъ и гегемонія буржуазіи (поскольку она должна относиться къ пролетаріату) являются утопіями. Первая основана на миѳѣ о «полѣвѣніи» буржуазіи, вторая — на неправильномъ учетѣ пролетарскаго сознанія въ данной фазѣ развитія производственныхъ отношеній. Пролетаріатъ, выросшій и сформировавшійся въ громадный классъ, сознающій свои интересы и строящій свое будущее на конфликтахъ, вытекающихъ изъ постояннаго обостренія классовыхъ противорѣчій, можетъ только отрицательно, враждебно относиться къ буржуазно-классовымъ лозунгамъ. Воспринять ихъ онъ уже не можетъ. Поэтому буржуазіи и пролетаріату *никогда* уже не придется сражаться подъ однимъ знаменемъ въ революціи. Они всегда будутъ стоять другъ противъ друга, какъ *враждующія* стороны. Освобожденіе рабочихъ — дѣло рукъ самихъ рабочихъ.

III.

Опредѣливъ, что «современная государственная власть — ничто иное, какъ исполнительный комитетъ по дѣламъ класса буржуазіи», Марксъ указалъ также, что демократія старается замѣнить соціальнымъ миромъ борьбу классовъ, примирить классовыя противорѣчія. Но онъ-же отмѣтилъ, что классовыя противорѣчія, слѣдовательно и антагонизмъ классовъ, должны, въ силу естественнаго закона развитія, постоянно расти.[1]

Этимъ онъ подчеркнулъ несостоятельность, нежизненность демократическаго принципа, гибель котораго явится слѣдствіемъ побѣды пролетаріата надъ буржуазіей. Дѣйствительно, сопоставляя первыя два опредѣленія съ третьимъ, мы не можемъ не придти къ выводу, что въ результатѣ обостренія классоваго антагонизма неизбѣжна будетъ борьба пролетаріата также и съ демократіей, какъ одной изъ формъ государственности.

Производство — основа буржуазнаго общества.

Если преобразованіе монархическаго строя въ строй конституціонный или республиканско-демократическій неразрывно связано съ развитіемъ производства, вытекаетъ изъ него; если, слѣдовательно, демократизація государства необходима для буржуазіи, — то значитъ ли это, что она необходима также и для пролетаріата, для его классовой борьбы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ опредѣленія самой структуры современнаго общества.

Задачей объективнаго изслѣдованія всегда и раньше всего является — разложить объектъ изслѣдованія на составляющіе его основные элементы, отдѣливъ явленія послѣдующія отъ явленій причинныхъ.

А формы государственности — представляютъ-ли онѣ, какъ и самъ принципъ государственности, причинное или послѣдующее явленіе?

Несомнѣнно послѣдующее. Всякая государственная власть, всякая форма ея — юридическая надстройка, предназначенная для закрѣпленія существующихъ капиталистическихъ отношеній, для охраны и огражденія частной собственности. Слѣдовательно, *бороться за измѣненіе государственныхъ формъ значитъ въ то-же время вести борьбу за сохраненіе частной собственности.*

Задача же борьбы пролетаріата лежитъ какъ разъ въ обратной плоскости: *въ уничтоженіи частной собственности*, въ борьбѣ съ причиннымъ явленіемъ — капитализмомъ.

Поэтому логика пролетарской борьбы заключается не въ установленіи вмѣсто одной государственной формы, охраняющей частную собственность, какой-нибудь другой, которая тоже должна охранять ее; не въ томъ, чтобы активно содѣйствовать буржуазіи въ разрѣшеніи процессовъ, которые до извѣстнаго этапа сами разрѣшаются, ибо вытекаютъ изъ сущности капитализма. Классовыя требованія пролетаріата не находятся ни въ какой связи съ высшими формами государственности, наоборотъ, — они зависятъ исключительно отъ капиталистическихъ условій производства. *Поэтому борьба пролетаріата не можетъ имѣть политическихъ тенденцій, она направляется непосредственно противъ буржуазіи, т. е. противъ капитала.* И вовлекать пролетаріатъ въ политическую борьбу равносильно отвлеченію его отъ непосредственныхъ классовыхъ задачъ, совращенію его на путь содѣйствія буржуазіи, на путь классоваго сотрудничества для укрѣпленія капитализма путемъ созданія для него новыхъ политическихъ рамокъ, въ которыхъ онъ удобнѣе могъ-бы существовать.

Итакъ, ростъ промышленности влечетъ за собою ростъ классоваго антагонизма. Антагонизмъ этотъ, въ своемъ развитіи, долженъ будетъ послужить причиною паденія всякихъ государственныхъ формъ, до демократической, которая задается несбыточной цѣлью нивеллировать классовыя противорѣчія, включительно. Это — законъ развитія. Логическій выводъ изъ этого — отрицательное отношеніе пролетаріата ко всякой демократіи, соціальной также какъ и буржуазной. И революціонный синдикализмъ — выразитель этой концепціи; вотъ почему онъ антигосударственъ и аполитиченъ.

Революціонные синдикалисты превосходно знаютъ, что, кромѣ вопросовъ принципіальнаго характера, существуетъ еще рядъ вопросовъ тактики, цѣлесообразности. Но и подъ угломъ зрѣнія цѣлесообразности отрицательное отношеніе ихъ къ парламентаризму блестяще оправдывается. Для синдикалистовъ, разъ навсегда установившихъ, что монархія и демократія являются въ одинаковой мѣрѣ орудіями угнетенія рабочаго класса, представляя собою лишь различныя внѣшнія формы организаціи буржуазіи, т. е. капитала, возникъ вопросъ: *можно ли считать парламентъ орудіемъ борьбы пролетаріата?*

Еще Марксъ указывалъ на то, что въ Англіи вопросъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ получилъ разрѣшеніе не черезъ парламентъ, а благодаря непосредственному дѣйствію массъ. Вандервельде, этотъ ортодоксальнѣйшій изъ ортодоксальныхъ оппортунистовъ, въ силу своего соціальдемократизма, логически пришедшій къ признанію необходимости для соціальдемократовъ участвовать въ буржуазныхъ правительствахъ, въ свою очередь констатируетъ независимость пролетарской борьбы отъ формъ государственности, въ частности отъ парламентаризма. «Вся исторія пролетарскаго движенія, — пишетъ онъ въ «Peuple», — указываетъ, что рабочіе всегда вырываютъ у буржуазнаго парламента реформы не иначе, какъ посредствомъ самостоятельной борьбы... Безъ кампаніи типографовъ Брюсселя и гентскихъ ткачей еще и теперь въ Бельгіи требовали бы отмѣна закона объ ассоціаціяхъ». Наконецъ, вся исторія парламентаризма, въ частности же исторія германской соціальдемократіи, на которую такъ любятъ ссылаться наши «ортодоксы» и «блестящія побѣды» которой[1] на поприщѣ абсолютистскаго парламентаризма не даютъ имъ спать, насъ приводитъ къ совершенно обратнымъ выводамъ. А внѣпарламентскія организаціи, какъ пролетаріата, такъ и буржуазіи въ классическихъ странахъ парламентаризма, — Франціи, Англіи и С.-А. С. Штатахъ, — только укрѣпляютъ насъ въ справедливости нашихъ выводовъ, наглядно свидѣтельствуя, что какъ разъ въ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью вся дѣйствительная борьба ведется не въ парламентѣ, а во внѣпарламентскихъ организаціяхъ, — синдикатахъ, — и не путемъ краснорѣчивыхъ преній и голосованій, а исключительно путемъ непосредственныхъ дѣйствій стоящихъ другъ противъ друга противниковъ, дѣйствій, опирающихся на сорганизованную, собранную въ этихъ синдикатахъ, *реальную* классовую силу.

Что для пролетаріата безразлична форма государственности, развѣ не доказывается также одинаковымъ отношеніе къ нему буржуазіи, независимо отъ формъ правленія? Развѣ конституціонная Англія и демократическая Франція не ведутъ колоніальныхъ войнъ съ бурами, въ Индіи и Марокко, какъ самодержавная Россія съ Японіей? Развѣ возставшая толпа на улицахъ самодержавной Москвы разстрѣливается по менѣе конституціонному способу, чѣмъ стачечники на улицахъ конституціоннаго Рима? Или, быть можетъ, конституціонные пулеметы смертоносны менѣе самодержавныхъ? А развѣ въ демократической Франціи или въ ультра-демократической Швейцаріи отмѣнена смертная казнь. Или демократическая веревка удушиваетъ съ лучшими результатами, чѣмъ столыпинскій галстухъ?

На вопросъ о томъ, можно ли разсматривать парламентъ какъ орудіе борьбы пролетаріата самъ собою вытекаетъ отрицательный отвѣтъ. Единственное орудіе борьбы для пролетаріата — его реальная физическая сила, пользуясь которой и постоянно нарушая производство, онъ насильно вырываетъ у буржуазіи удовлетвореніе своихъ требованій.

Каждый разъ, когда пролетаріатъ накладываетъ руку на производство и прибѣгаетъ къ непосредственному дѣйствію, онъ является диктующей условія наступательной стороной. Каждое непосредственное выступленіе его *является осуществленіемъ его диктатуры*. Правда, это не есть еще та окончательная диктатура, которая осуществитъ уничтоженіе

1, Коммун. Маниф., гл. III: «Развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности».

1. А что скажутъ они послѣ «побѣды», вынесенной соціальдемократіей въ рейхстагѣ по вопросу о страхованіи рабочихъ, несмотря на свои «нѣсколько милліоновъ голосовъ»? Развѣ возможно представить себѣ болѣе полное пораженіе.

частной собственности и переходъ къ коллективизму. Но все же это — составная часть ея, *одна изъ формъ пролетарской власти, — той власти, которая, по мѣрѣ роста классоваго самосознанія пролетаріата и накопленія силъ, приведетъ къ окончательному торжеству его.*

Александръ Ге.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Молотъ», органъ группы вольныхъ соціалистовъ. (Предварительное извѣщеніе).

Мы съ удовольствіемъ прочли «предварительное извѣщеніе». Намъ бросилось въ глаза благожелательное отношеніе къ анархистамъ. Намъ захотѣлось выяснить физіономію группы. И вотъ наше мнѣніе: никакой физіономіи нѣтъ...

Робкій, недоговоренный безгосударственный соціализмъ какъ-то стушевывается, отодвигается передъ принявшей уродливо-громадные размѣры *технической* задачей — подготовкой вооруженнаго возстанія. Если бы органъ ставилъ себѣ *только* одну цѣль — обсужденіе боевого вопроса технически, идейное обслуживаніе «боевыхъ организацій» — физіономія была бы опредѣлена. Понятно было-бы заявленіе редакціи (стр. 1): «мы вооруженный блокъ революціонеровъ-соціалистовъ». Понятно было бы тогда, почему группа вольныхъ соціалистовъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы въ ихъ рядахъ были товарищи, исповѣдующіе другіе, чѣмъ они, соціалистическіе принципы: вѣдь ихъ объединяетъ лишь вооруженное возстаніе. Конечно, и органъ по вопросамъ боевой техники будетъ полезенъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ насъ научитъ не такимъ шаблоннымъ истинамъ вродѣ того, что передъ баррикадами необходимо устраивать проволочныя загражденія. (стр. 44). Въ той же статьѣ Меоре сообщаетъ (44): «очень невредно (?) осыпать наступающія войска изъ оконъ верхнихъ этажей всякими тяжелыми предметами — камнями, кусками желѣза, всякаго рода мебелью, что значительно деморализуетъ (?) аттакующихъ». Для сообщенія такихъ наивныхъ свѣдѣній нѣтъ надобности въ спеціальномъ органѣ. Врядъ-ли такія общія мѣста нужны «боевымъ организаціямъ», о которыхъ говоритъ «Молотъ». Кстати: можетъ быть, «Молотъ» объяснитъ намъ, о какихъ такихъ «боевыхъ организаціяхъ» идетъ рѣчь? Надо думать, что эти *боевыя* организаціи кого-нибудь да *бьютъ*, что это не техническія комиссіи, которыя этакъ годиковъ 5—6 занимаются собираніемъ «тяжелыхъ предметовъ»...

Подъ знаменемъ такихъ боевиковъ могутъ сорганизоваться элементы съ весьма своеобразной психологіей, люди, которые, выражаясь словами редакціи, «были-бы довольны отсрочить массовыя выступленія до того времени, когда возраститъ численность нашихъ боевыхъ организацій».

Разумѣется, мы ничего не *утверждаемъ*, а просто просимъ разъясненія...

Во всякомъ случаѣ, смыслъ «техническаго» журнала ясенъ; задачи группы, издающей его, ясны. Но въ томъ-то и дѣло, что «Молотъ» этой технической задачей не ограничивается. Въ статьѣ «Не дайте обмануть себя» «Молотъ» горячо борется со всякой *программой-минимумъ*; ратуетъ за захватъ земли, фабрикъ, заводовъ... Задачи будущаго рисуетъ чуть-ли не «по Кропоткину». Для того, чтобы пролитая рабочими кровь не была «тучнымъ удобреніемъ буржуазной нивы, на которой рабочіе и сѣютъ и жнутъ, но урожай собираютъ въ чужіе закрома», необходимо не дать себя въ обманъ. Обманъ этотъ состоитъ въ томъ, что рабочіе могутъ подумать, будто нужна только *буржуазная* революція, только политическое освобожденіе, а послѣ лишь — экономическое. Кто-же вводитъ рабочихъ въ заблужденіе? Да «демократическія» партіи — «кто сознательно, кто по неволѣ»... Но позвольте, господа, вы значитъ не просто блокъ вооруженныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, *вы — враги* той части соціалистовъ-демократовъ, которая то «сознательно», то «по неволѣ» способствуетъ тому, чтобы кровь рабочихъ послужила «тучнымъ удобреніемъ» буржуазной нивы!..

И какой смыслъ имѣютъ ваши ламентаціи, наивныя и до невѣроятности простоватыя заявленія о томъ, что вы бы всей душой хотѣли въ блокъ со всѣми, въ томъ числѣ съ анархистами? Вы ссылаетесь на интернаціоналъ, но умалчиваете о томъ, что принципы, скомкано и какъ-то конспиративно исповѣдуемые, и вамъ послужили поводомъ къ расколу!

Въ «боретесь» съ демократіей и одновременно наивно заявляете, что вы съ соціалистами-демократами «не вступаете въ борьбу». Нѣтъ, господа, бросьте эту вольность. Какъ приличный и умный буржуа ужъ не говоритъ о тождествѣ интересовъ капитала и труда, такъ и умный, хотя бы трижды «вольный», соціалистъ не можетъ говорить о гармоніи, о блокѣ соц.-демократовъ и революціонеровъ анархистовъ-коммунистовъ.

Мечта о единой рабочей боевой арміи — великая мечта, но не техническая подготовка вооруженнаго возстанія явится вѣстникомъ воплощенія. Ваша двойственность, вашъ робкій максимализмъ и всеобъединяющая «техника» васъ обезсилятъ, сдѣлаютъ безцвѣтными и наложатъ печать *фальши*. И, когда вы, максималисты, съ великолѣпнымъ объективизмомъ заявляете, что, молъ, ничего не имѣете противъ присутствія въ вашихъ рядахъ членовъ другихъ организацій, то рабочимъ этотъ умѣстный въ археологіи объективизмъ покажется *безпринципностью*.

Отмѣтимъ и обратимъ вниманіе товарищей на помѣщенные въ «Молотѣ» «Манифестъ юнты вольной мексиканской партіи» и «Провозглашеніе коммунизма въ государствѣ Коагуила (Мексика). Это — *драгоцѣнные документы*!

Утопистъ.

«Хроника» по недостатку мѣста не могла быть помѣщена въ этомъ номерѣ. *Ред.*

Поступили въ редакцію брошюры: «Анархія» П. Кропоткина, «Борьба съ властью и капиталомъ» М. Корнъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы помѣстимъ подробный отзывъ. Ред. «Рабочаго Міра» привѣтствуетъ несомнѣнно полезное и нужное начинаніе. Желательно, чтобы издательская группа позаботилась объ изданіи цѣлаго ряда этюдовъ, разрабатывающихъ философскія и соціологическія основы анархическаго міровоззрѣнія. Надѣемся, что товарищи всячески поддержатъ «Издательскую группу».

КО ВСѢМЪ ТОВАРИЩАМЪ!

Цюрихская группа анархистовъ-коммунистовъ, издающая «Рабочій Міръ», обращается ко всѣмъ товарищамъ съ просьбой оказать этому листку матеріальную и литературную поддержку. Нашъ листокъ не является органомъ какой-либо фракціи. Мы взяли на себя лишь иниціативу изданія, имѣя въ виду помощь другихъ группъ и отдѣльныхъ товарищей. Уже ощущается необходимость расширить нашъ листокъ. Мы будемъ привѣтствовать идею превращенія нашего листка въ органъ федеративно-связанныхъ заграничныхъ группъ.

Товарищи, ждемъ вашей помощи!

Редакція.

Адресъ для корреспонденцій и для денегъ:

Zürich, Poste Banhof, Postfach 15496.

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ“.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.

БАКУНИНЪ.

Годъ I. 1-ое Ноября 1912 г. № 3.

На очереди.

Еще разъ о нашихъ лозунгахъ въ грядущей русской революціи.

У насъ нѣтъ коллективнаго творчества. Нѣтъ умѣнія учесть, использовать опытъ, накопившійся за годы революціи. Сидитъ себѣ каждый въ своемъ уголку, копошится надъ отдѣльнымъ вопросикомъ и съ этой узенькой провинціальной точки зрѣнія судитъ обо всемъ...

Вопросикъ исчерпанъ, человѣкъ выбираетъ другой тоже частный «спеціальный», — и все это безсистемно, хаотично, неорганизованно.

Нерѣдко, впрочемъ, встрѣтитъ человѣка другого склада. Онъ неуравновѣшенъ, лихорадочно возбужденъ; онъ ищетъ «цѣлаго», стройнаго міросозерцанія, которое помогло бы ему освѣтить широко всѣ вопросы, стоящіе «на очереди». Спору нѣтъ: отрадный фактъ это исканіе. Но если вы видите нудную, безсистемную суету, если «ищущій» уподобляется Плюшкину — тащитъ въ свою умственную «кучу» всѣ попадающіеся «вопросы» и дѣлаетъ это такъ, что изъ-за «кучи» человѣка не видать, согласитесь, что такое «исканіе» ужъ очень неплодотворно...

Особенность этого типа людей — отсутствіе опредѣленнаго настроенія, истерическое колебаніе между ни на чемъ не основанной очарованностью и нудной, скучной столь же мало обоснованной разочарованностью. Говорятъ: рѣзкое колебаніе кривой температуры больного — вѣрный признакъ роковой развязки. Вѣчное колебаніе духовной температуры — вѣрный признакъ духовной смерти.

Худшимъ слѣдуетъ считать тотъ исходъ, при которомъ человѣкъ впадаетъ въ туповатый нигилизмъ...

Усталъ человѣкъ, не справился со сложностью задачи. Что-же? Можно было бы только пожалѣть «изнемогшихъ на пути». Но бываетъ случай, когда сожалѣніе переходитъ въ законное отвращеніе: это тогда, когда «бывшій» начинаетъ «хихикать». Появляется гаденькая усмѣшечка: обоснованіе міровоззрѣнія, всеобъемлющая работа мысли, широкіе горизонты, открывающіеся лишь при свѣтѣ идеала, надъ всѣмъ этимъ обанкротившійся малый посмѣивается... Иногда, впрочемъ, духовная смерть наступаетъ не сразу; появляется только частичный параличъ души. Выражается онъ въ томъ, что человѣкъ не видитъ животворящей связи между теоріей и практикой. Онъ преисправно пожираетъ желуди, но парализованный бѣдняга не въ состояніи поднять вверхъ голову и убѣдиться, что эти желуди на зеленѣющемъ деревѣ воли-мысли растутъ...

Ихъ много, этихъ полумертвецовъ, полу-паралитиковъ!.. Было бы однако непростительнымъ легкомысліемъ, если бы мы ограничились однимъ только отрицательнымъ отношеніемъ къ людямъ вышеприведеннаго типа. Конечно, «мертвый, въ гробѣ мирно спи», но, вѣдь, надо же позаботиться о томъ, чтобы духовная смерть не такъ уже обильно косила «жатву жизни». Вѣдь, если мы кого нибудь изъ нихъ позовемъ «да разспросимъ, какъ дошелъ онъ до жизни такой», то передъ нами откроется печальная картина: работалъ человѣкъ въ революціи; составилъ себѣ болѣе или менѣе цѣльное міровоззрѣніе; революція побѣждена; открылись новыя области жизни; упрощенная схема дала трещину; человѣкъ искалъ, но вокругъ кипучей интеллектуальной жизни не было. Скученько каждый чинитъ свой, порядкомъ бурей помятый, челнокъ, а до другого человѣка ему дѣла нѣтъ; развѣ только въ качествѣ слушателя; надо же кому нибудь изложить свои «мысли»... Коллективнаго творчества нѣтъ, а оно могло бы спасти многихъ колеблющихся, растерявшихся, искренне искавшихъ идейной опоры. Возможно, что среди насъ этихъ колеблющихся меньше, чѣмъ среди сторонниковъ другихъ направленій революціонной мысли; но ихъ могло бы быть еще меньше, они могли бы принести пользу общему дѣлу, если бы не указанное идейное кустарничество.

А общее дѣло нуждается въ услугахъ всѣхъ и каждаго. Говорятъ: много званныхъ да мало избранныхъ. Здѣсь при обсужденіи недочетовъ прошлаго, задачъ будущаго, всѣ званные — избранные, ибо у каждаго есть свои думушки, свой опытъ и все это цѣнно и нужно. Намъ необходимъ коллективный трудъ. На очереди стоятъ неотложные вопросы: 1) отношеніе къ демократіи; 2) отношеніе къ революціонному синдикализму; 3) формы рабочей организаціи; 4) организація идейныхъ группъ; 5) безгосударственный минимализмъ и др. Послѣдній вопросъ былъ затронутъ въ первомъ же № «Рабочаго Міра»: «Наши задачи въ грядущей русской революціи»*).

Тамъ указывалось, что мы въ революціи лишь словесно отмежевывались отъ демократовъ-минималистовъ; что формулировка нашихъ лозунговъ была до того широка, что изъ нея свободно можно было выкроить два лозунга, минималистическій и максималистическій; что эта «широта» не давала твердой точки опоры, устойчивости. Статья вызвала, какъ мы въ этомъ успѣли убѣдиться изъ частныхъ бесѣдъ, кое-какія недоразумѣнія. Нѣкоторые поняли, будто мы опредѣленной фракціи приписываемъ упомянутое колебаніе между минимализмомъ и максимализмомъ. Это не такъ.

Въ этой же статьѣ было указано, что раздвоенность была присуща всѣмъ фракціямъ, но не въ одинаковой степени.

Потому то мы призываемъ всѣхъ товарищей преодолѣть эту двойственность, добиться синтеза вмѣсто, какъ намъ кажется, царящей смѣси разнородныхъ лозунговъ.

Что минимализмъ не грѣхъ той или иной фракціи, что онъ, увы, дитя, хотя неблагодарное, всего историческаго процесса — объ этомъ мы говорили въ статьѣ: «передъ выборами» («Рабочій Міръ», № 2).

*) Къ сожалѣнію, въ статью вкрались досадныя опечатки, порой искажающія даже смыслъ статьи.

Мы подчеркивали, что «всегда въ народѣ боролись и борются двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ». Мы указывали, что «въ этой двойственности — проклятіе и трагедія исторіи освобожденія».

Да, минимализмъ — дитя народа, хотя народъ въ минуты просвѣтлѣнія могъ бы повторить по адресу минимализма слова короля Лира, обращенныя къ неблагодарной дочери: «ты все таки плоть и кровь моя, или скорѣе, недугъ мой, язва злая, которую я признаю своей».

Ясно, до чего глубоки корни минимализма, и что дѣло не въ ошибкѣ лишь той или иной фракціи...

Больше: мы даже не утверждали, что минимализмъ анархическій ошибоченъ. Желательно только, чтобы онъ выступилъ открыто, оформленно, если онъ жизнеспособенъ и обладаетъ силой и волей къ жизни; ибо этотъ минимализмъ всего вреднѣе, когда онъ гнѣздится въ подпольи мысли и чувства; онъ вреденъ, какъ топъ, ибо «дѣлаетъ» скверную, грубую, негармоничную «музыку».

Если народный минимализмъ — факторъ въ исторіи, то вѣдь факторомъ, хотя менѣе очевиднымъ, но безусловно существующимъ, является и максимализмъ.

Ведетъ ли игнорированіе то жалобы, то бурнаго гнѣва народнаго противъ всякой тираніи, всякой формы гнета къ менѣе роковымъ ошибкамъ, чѣмъ игнорированіе минимализма?

Развѣ изъ того факта, что «вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ» слѣдуетъ, что масса только о хлѣбѣ единномъ помышляла, а забота объ освобожденіи отъ всѣхъ формъ тираніи ей чужда была? — Нѣтъ, это — не вѣрно. И мы попытаемся въ этой статьѣ (крайне бѣгло) отмѣтить, какъ вліяетъ на постановку практическихъ задачъ правильное учитываніе максимализма.

Возможна троякая оцѣнка прогресса вообще и факта замѣны самодержавія народоправленіемъ — въ частности. Либеральная оцѣнка такова: прогрессъ — переходъ отъ худшаго къ лучшему. Передъ нами самодержавіе. Оно должно быть устранено и замѣнено народоправленіемъ. Въ этомъ и заключается прогрессъ. Либералъ знаетъ только исходную точку отрицанія — самодержавіе. Конечный пунктъ — народоправленіе. Средство — революція или уступка сверху — это безразлично. Рѣзко отличается отъ буржуазной — оцѣнка соціалистовъ-демократовъ. Соціалисту-демократу далеко не безралично, какъ народъ добылъ свободу — революціоннымъ или мирнымъ путемъ. Но главное: ему мало одного факта — замѣны самодержавія республикой. Для соціалистовъ республика — только этапъ къ соціализму; а потому для нихъ важенъ не только результатъ, но и уровень классоваго сознанія и степень организованности борющихся массъ. Для нихъ, какъ и для насъ, важны количество и качество идей, пущенныхъ въ массовый оборотъ въ періодъ народнаго подъема. Всестороннее подчеркиваніе недостаточности демократіи, вниманіе къ уровню сознанія и степени организованности массъ отличаетъ соціалистовъ минималистовъ отъ либераловъ.

Какова-же наша оцѣнка демократіи? Отличаемся ли мы отъ демократовъ только лишь содержаніемъ антигосударственнымъ нашей пропаганды? Отсутствіемъ лишь теоретической вѣры въ неизбѣжность «минималистической» революціи? Отвѣтъ на вопросъ въ значительной степени зависитъ отъ того, какой изъ двухъ лозунговъ указанныхъ въ статьѣ «Наши задачи» („Р. М.“ № 1) мы примемъ. Позицію многихъ товарищей мы въ указанной статьѣ формулировали такъ: „Республика, конечно, лучше самодержавія; кое-какія выгоды она народу даетъ. Но буржуазная республика не идеалъ, она сохраняетъ ту-же эксплуатацію массъ подъ другой лишь формой“. Разумѣется, никто изъ товарищей, строго говоря, никогда никакой программы минимумъ не выставлялъ.

Вотъ почему мы говоримъ о тайномъ минимализмѣ, о наличности шатанія. Но все же есть утвержденіе, что народоправленіе „кое-въ чемъ лучше самодержавія“! Хорошо. Но вѣдь преимущества демократіи — реальнаго, практическаго характера. Совершенно при этомъ безразлично, о какого рода преимуществахъ идетъ рѣчь.

Считаемъ-ли мы, что переходъ къ демократіи показатель и одновременно и возможность дальнѣйшаго подъема культурнаго уровня въ томъ числѣ и трудящихся массъ? Считаемъ-ли мы, что демократія устраняя коекакія болѣе «грубыя» препятствія даетъ возможность употреблять освободившуюся энергію на борьбу съ другими преградами? — Все равно. Важно, что эти преимущества признаются. И вотъ еще, что слѣдуетъ помнить: быть анти-демократомъ — вовсе не легкая вещь. Демократія не случайная гостья въ исторіи. У нея блестящее героическое прошлое. Не менѣе блестящая, глубокая теорія. О, не вся, но много страницъ человѣческой исторіи повѣствуютъ о борьбѣ за демократію: она воодушевляла народы; она имѣетъ своихъ мучениковъ, пророковъ, вождей, пѣвцовъ.

Не легко быть антидемократомъ. Мы, анархисты знаемъ, что демократія — вредна; что принципы ея — ложь, но, конечно, фактовъ то забывать не слѣдуетъ: давленіе демократіи — громадно, гипнозъ ея силенъ; у нея есть своя тенденція подчинить и использовать воли и силы. И вотъ мы признаемъ практическія преимущества ея. Допустимъ, что мы свободны отъ гипноза, что не подъ его вліяніемъ мы заговорили о преимуществахъ. Но эти преимущества — не нѣчто застывшее, разъ навсегда данное. Ихъ можетъ быть больше или меньше. Больше: въ республиканской Франціи; меньше: въ монархической, конституціонной Германіи. Помните: въ дни битвъ народныхъ важны не теоретическія толкованія; толкованія и слова гибнутъ, а факты остаются. Фактъ признанія реальныхъ преимуществъ гонитъ насъ дальше къ признанію большаго или меньшаго количества ихъ; и такимъ образомъ мы незамѣтно, но вѣрно, и неумолимо, передвигаемся на демократическую плоскость.

Политически не зрѣлые люди часто упрекаютъ насъ въ томъ, что мы строимъ тактику, линію поведенія на принципѣ отмежеванія отъ демократіи, отмежеванія во что бы то ни стало, и противъ этой выдумки глубокомысленно возражаютъ. Это — вздоръ. Отмежеваніе съ безпощадной и жестокой необходимостью вытекаетъ изъ основныхъ положеній міросозерцанія и тактики.

Разъ признано, что мы, вѣрные формальнымъ основамъ міровоззрѣнія, антидемократы; разъ признано, что по содержанію своему демократія не годится, какъ орудіе классовой борьбы; разъ признано, что наши лозунги въ періодъ революціи не могутъ быть демократическими, то вопросъ объ отмежеваніи, о предѣлахъ его, формахъ, стоитъ и долженъ стоять неотвязно. Тогда вопросъ объ устраненіи двойственности, безсознательнаго совмѣщенія противорѣчивыхъ началъ есть жгучая, реальная потребность жизни. Рѣшайте его какъ угодно, но ужъ, пожалуйста, не говорите, что вопросъ самъ по себѣ не существуетъ вовсе! Мы сейчасъ не будемъ говорить о томъ реальны ли, фиктивны ли указанныя преимущества. Мы лишь посмотримъ, какія открываются перспективы, если мы признаемъ, что народный максимализмъ способенъ сдѣлаться самостоятельнымъ факторомъ въ революціи. Мы бы сказали такъ: анархистъ раньше всего отрицаетъ то положеніе, что всякій переходъ отъ худшаго къ лучшему есть прогрессъ.

Или, еще точнѣе, не всякій переходъ отъ одной формы правленія къ другой есть переходъ къ лучшему. Надѣюсь, никто насъ не пойметъ въ томъ смыслѣ, что признаемъ принципъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Это отжившая схема, она когда то имѣла свой смыслъ, теперь это — пустая фраза. Еще въ меньшей степени есть основаніе опасаться, что кто либо упрекнетъ насъ въ минимализмѣ на выворотъ: будто

мы признаемъ преимущества самодержавія передъ демократіей.

Мы хотимъ лишь сказать вотъ что: либералъ, какъ мы уже указывали, видитъ двѣ полоски: черную — самодержавіе и ало-розовую — демократію. Третьей инстанціи нѣтъ. Отсутствіе этой третьей инстанціи и рѣшаетъ вопросъ. Анархистъ же видитъ эту третью инстанцію: максимализмъ народный. Да, крикъ: «всѣмъ воли и всей воли» порой заглушается криками: «1¼ фунта хлѣба на брата». Но все же максимализмъ — фактъ и факторъ въ психологіи народной. И этотъ то максимализмъ — самостоятельная цѣнность и сила въ исторіи.

И только такой переходъ будетъ считаться переходомъ отъ худшаго къ лучшему, прогрессомъ, который фактами закрѣпитъ народный максимализмъ. Чѣмъ отличается революціонное время отъ мирнаго? Главнымъ образомъ тѣмъ, что въ революціонное время мы можемъ нашу честную мысль, нашу разумную рѣчь въ кровь претворить и плотью облечь». А если нѣтъ? А если демократія позаботится о томъ, чтобы даже во время революціи максималистическое слово не претворилось въ кровь, а питало бы «плоть» демократіи же? А если демократія увѣритъ насъ, что вовсе не необходимо намъ закрѣпить дѣломъ максимализмъ народный? Достаточно, молъ, съ насъ, если сумѣемъ подкрѣпить демократическое дѣйствіе идейной анархической пропагандой? Тогда что? Неужели и тогда не ясно для всѣхъ, что мы окажемся рабами «чуждаго намъ духа» — демократіи?

И если демократіи удастся помѣшать воплощенію народнаго максимализма — а это одна изъ ея задачъ — то будемъ ли мы и тогда повторять словеса о «преимуществахъ» демократіи.

Ало-розовая полоска либерализма не почернѣетъ и тогда, когда убѣдимся, что благодаря хитрости враговъ и нашей оплошности народный максимализмъ былъ проданъ грядущему хаму-демократіи?

Примите положеніе о реальности максимализма, и неизбѣженъ слѣдующій выводъ: борятся не самодержавіе и демократія; происходитъ борьба самодержавія и демократіи съ максимализмомъ народнымъ. И тогда вы цѣните демократію не по тѣмъ признакамъ, по которымъ она отличается отъ самодержавія: осуждаете ее не за то, что она «недостаточно» воплощаетъ «преимущества». Нѣтъ, демократія — палачъ максимализма народнаго; она, еще не укрѣпившись, уже возвела на эшафотъ пытавшуюся воплотиться мечту народную о настоящей свободѣ. Если же вы не видите самостоятельной цѣнности въ одной только попыткѣ реальнаго воплощенія вашего идеала, если максимализмъ для васъ только «надстройка» надъ минималистическими требованіями, о, тогда минимализмъ государственный или антигосударственный неизбѣженъ! Тогда нѣтъ резона концентрировать свое вниманіе только на указанной цѣли и на этой то цѣли рѣзко и непримиримо отмежеваться отъ минималистовъ!

Вотъ почему мы опять повторяемъ: необходимо принять или максимализмъ или минимализмъ. Возможенъ-ли синтезъ — не знаю, пока его нѣтъ. Представьте себѣ, на самомъ дѣлѣ, что вы нецѣльно стали на точку зрѣнія максимализма, что вы одновременно проклинаете палача-демократію и все-же благословляете ее, какъ вѣстницу упомянутыхъ «преимуществъ».

Получается путанница, невольно сбиваются въ кучу различные лозунги.

Благопріятное ли это условіе для дѣятельности? Мы не говоримъ объ отдѣльныхъ «широкихъ», всеобъемлющихъ людяхъ. У нихъ, точно у некрасовскаго дѣдушки Якова, «добра есть про всякаго». Не говоримъ, ибо этихъ «недоктринеровъ» убѣдить нельзя: у нихъ есть панцырь-оговорочки. Попытайтесь добиться опредѣленной формулировки отъ подобныхъ людей и вы убѣдитесь, что это безплодно: изо всѣхъ щелей, точно тараканы выползутъ оговорочки. Еще... еще и еще... «Точно листья въ ноябрѣ». Я говорю о людяхъ дѣла, реальной жизни, которыхъ это та жизнь заставляетъ выйти изъ подъ густой тѣни оговорочекъ. О, ихъ положеніе тяжелое: во всемъ чувствуется раздвоенность, колебаніе, и для нихъ, практиковъ, это колебаніе «смерти подобно».

Маркисты намъ часто говорятъ: вы, анархисты, не хотите считаться съ объективными условіями, а сами дѣлаетесь рабами этихъ же объективныхъ условій. Не хотите подчиняться логикѣ исторической стихіи, и стихія овладѣваетъ вами. Здѣсь есть условная доля правды. Никакой къ минимализму обязывающей «исторической стихіи» нѣтъ. Но чтобы овладѣть всякой стихіей надо цѣльно выразить свою классовую индивидуальность; хотя бы въ дни великаго подъема народнаго надо смѣть хотѣть всей свободы. Во всякомъ случаѣ надо выбрать опредѣленную позицію. Люди же типа дѣдушки Якова всегда будутъ на побѣгушкахъ у исторіи; ими будутъ пользоваться для усиленія того или иного теченія, а ихъ «лицо» всегда остается закрытымъ. О, они конечно, будутъ агитировать-кричать: «да здравствуетъ анархія!» но эхо отвѣтитъ: да здравствуетъ конституція! вѣдь она все же «лучше самодержавія»...

Намъ остается разсмотрѣть еще кое-какія могущія возникнуть недоразумѣнія. Скажутъ: принятіе максималистической позиціи — не является ли оно возвращеніемъ къ утопизму? Не приведетъ ли логика вещей къ тому, что начнемъ «вѣщать»: «часъ приближается», станемъ увѣрять рабочихъ, будто, по велѣніямъ какихъ нибудь «законовъ» должна быть соціальная революція? Не выродится ли наша пропаганда въ пророчество дурного вкуса? Долженъ, по правдѣ сказать, что не вижу основанія для опасенія подобнаго рода. Извратить можно какой угодно лозунгъ; впасть въ тонъ лжепророка можетъ и минималистъ и максималистъ... Если среди насъ есть вѣрующіе въ непреложность догмата — неизбѣжности стадіи историческаго развитія, — если эти товарищи думаютъ, что только при опредѣленной, скажемъ, степени развитія производительныхъ силъ, возможна успѣшная атака твердынь современнаго общества, тогда, конечно, другое дѣло. Эти товарищи и примутъ первую, минималистическую антигосударственную платформу. (См. «Р. М.» № 1, «Наши Задачи»).

Остается только сказать, что эти товарищи догматизируютъ минимализмъ въ несравненно большей степени, нежели это дѣлаютъ эсдеки. Даже среди нихъ, твердокаменныхъ, возникло максималистическое теченіе. И ихъ либералъ писалъ, что не надо ждать Россіи развитія производительныхъ силъ, чтобы сдѣлалась возможной соціалистическая революція. Но если, среди насъ догматиковъ минималистовъ нѣтъ, если вы считаете возможнымъ концентрировать волю и сознаніе массъ вокругъ лозунговъ: — земля и фабрики народу, вмѣсто централизованнаго государства, тогда нѣтъ мѣста лже-пророчеству! Будто ни мы, ни массы народныя не знаютъ, что потребуется, быть можетъ, цѣлый рядъ революцій, серій великихъ возстаній для завоеванія свободы. Мы лишь указываемъ, что даже неудачная революція, но пролетарская, совершающаяся подъ знаменемъ равенства не пропадетъ даромъ. Но гдѣ же здѣсь посулы, обѣщанія, догматизмъ? Да никто и не требуетъ этихъ догмъ! Знаетъ народъ, что мы не религіозная секта, что мы не вѣщаемъ, а обсуждая дѣйствуемъ. Ясность цѣли, не связанная воля — вотъ что нужно народу!

Среди революціонеровъ до сихъ поръ господствуетъ вредный предразсудокъ, тѣсно связанный съ неправильнымъ пониманіемъ идеи прогресса вообще и роли внѣшнихъ условій, необходимыхъ для побѣды трудящихся, въ частности. Утвержденіе, что будто бы, чѣмъ дальше, тѣмъ внѣшнія условія, технически благопріятны соціальной революціи, ни на чемъ не основано. Внѣшнія условія для освобожденія были, быть можетъ, въ

средніе вѣка лучше, чѣмъ теперь, — а также лучше тѣхъ, которыя будутъ черезъ сто лѣтъ. Переходъ отъ низшей степени развитія техники, къ высшей не является одновременно переходомъ отъ худшихъ условій для соціальной революціи къ лучшимъ. Всякое измѣненіе во внѣшнихъ условіяхъ сулитъ намъ не только выгоды, но и потери, создаетъ не только плюсы, но и минусы. И нѣтъ и не будетъ такой внѣшней обстановки, которая была бы цѣликомъ, вся, всѣми своими сторонами только благопріятна борьбѣ.

Наоборотъ, ясная трудовая цѣль даетъ вамъ возможность учесть благопріятныя и неблагопріятныя условія всякой среды, всякой исторической обстановки. Максимализмъ совмѣстимъ со строгимъ реализмомъ. *)

Перехожу еще къ одному, на видъ болѣе существенному, возраженію. Скажутъ: вы утверждаете. что минимализмъ и максимализмъ «равноправные» братья исторіи. Какъ же тогда быть? Не неизбѣжна-ли двойственность въ нашихъ лозунгахъ, разъ двойственность основа, или, по крайней мѣрѣ, фактъ исторіи? И какъ это вы умудряетесь призывать къ борьбѣ съ двойственностью, а предварительно «помѣщаете» раздвоенность въ сердцѣ исторіи»? Отвѣтимъ коротко: ясность лозунга потому именно и нужна, что исторія — не гладенькая вымощенная дороженька, обсаженная акаціями. Это тяжелый путь: бездны, утесы...

Ясность принципіальной позиціи нужна именно потому, что по извилистой дорогѣ приходится пробираться въ черную, осеннюю ночь, когда свободно «рыщетъ звѣрь», а человѣкъ «бродитъ» боязливо...

Исторически запутанныя, противорѣчивыя условія — фактъ. Смѣшно охать и хныкать по поводу того, что передъ пролетаріатомъ, какъ предъ іудеями, бродившими въ пустынѣ, не движется огненный столбъ, не освѣщаются пути...

Противорѣчивыя данныя нужно учесть, но это не значитъ, что ихъ нужно воспроизвести, что лозунги противорѣчивые дѣйствительности должно копировать; зачѣмъ тогда «идеологія»? Труденъ путь: крутизны, обвалы...

Но если при этомъ нашъ компасъ перестаетъ дѣйствовать, если нами же зажженный огонь будетъ то вспыхивать, то угасать. то чего добраго начнемъ сомнѣваться въ достижимости конечной цѣли, пожалуй начнемъ думать, что

«Сбились мы, что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
И кружитъ по сторонамъ»!...

Спору нѣтъ. Само по себѣ, указаніе на наличность минимализма и максимализма въ исторіи — даетъ не много. Это указаніе нуждается раньше всего въ историческомъ освѣщеніи.

Работа эта, поистинѣ, громадная. Уже одна задача распознанія этихъ элементовъ — сложное и трудное дѣло. Требуется не только величайшая осторожность, но и особый складъ души, умѣнье войти въ душу массъ, возсоздать изъ обломковъ былого душу народную... Роль минимализма и максимализма въ душѣ и исторіи народовъ и индивидуума не изучена. Да гдѣ ужъ намъ? Мы не справляемся съ болѣе скромными задачами... Развѣ однѣ только практическія задачи стоятъ на «очереди»? Развѣ мало не разработанныхъ теоретическихъ проблемъ ждутъ не дождутся своей «очереди». **)

Философско-историческое освѣщеніе роли минимализма и максимализма не является исключеніемъ, но вѣдь нами поставленный вопросъ носитъ практическій характеръ. Онъ стоитъ такъ: во время революціи какая стихія беретъ верхъ: максималистическая или иная.

Ясно: если мы даже въ періодъ революціи не надѣемся на возможность побѣдить внутреннія и внѣшнія препятствія къ максимализму, то когда-же? Или насъ смущаетъ то обстоятельство, что народъ во время револю

*) Намъ бы хотѣлось подробнѣе остановиться на вопросѣ: пріемлемо ли провозглашеніе максималистическаго лозунга въ періодъ русской революціи для *анархиста*, сторонника революціоннаго синдикализма. Но наша статья и безъ того черезчуръ разрослась. Скажемъ свое мнѣніе: нѣтъ никакихъ основаній думать иначе: быть революціоннымъ синдикалистомъ, значитъ ли утверждать, что нельзя выставлять нашего идеала тамъ, гдѣ по историческимъ условіямъ отсутствуютъ рев. синдикалисты? Это заблужденіе, понятное въ устахъ «чистаго синдикалиста»-реформиста... *анархо-синдикализмъ совмѣстимъ съ максимализмомъ*.

**) Вотъ краткій перечень *насущныхъ* теоретическихъ проблемъ, которыя ждутъ и не дождутся своей постановки и разработки.

1) Намъ необходимо дать въ концѣ концовъ точный исчерпывающій отвѣтъ: *что же такое міросозерцаніе?* Марксисты увѣряютъ, что ихъ міровоззрѣніе строго научно, ибо въ ихъ рукахъ единственно революціонный *методъ — діалектическій*, при этомъ, конечно, марксисты не сомнѣваются въ томъ, что ихъ выводы строго научны; правда, другіе этого не признаютъ, но «другимъ» видите-ли мѣшаетъ буржуазная или мелко-буржуазная психологія.

Было-бы печально, если-бы и мы застыли «на марксизмѣ»; если-бы стали увѣрять, что наше міровоззрѣніе научно, *ибо* мы примѣняемъ естественно-научный методъ; что правильное примѣненіе естественно-научнаго метода въ соціологіи привело-бы *всѣхъ* къ научному оправданію анархизма; да бѣда лишь въ томъ, что буржуазная психологія изслѣдователей мѣшаетъ послѣдовательному примѣненію этого естественно-научнаго метода. Такой взглядъ, *ошибочный самъ по себѣ*, мѣшаетъ правильному учету тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ своеобразное цѣлое, именуемое *міровоззрѣніемъ*

2) Намъ необходимо опредѣлить, какое мѣсто въ нашемъ міровоззрѣніи занимаетъ пониманіе *основъ человѣческой природы*.

Плехановъ и др. насъ часто упрекаютъ въ утопизмѣ на томъ основаніи, что мы-де базируемъ на *свойствахъ* человѣка.

Этихъ упрековъ намъ бояться не слѣдуетъ.

Я бы сказалъ въ отвѣтъ на такіе упреки: да, мы базируемъ на свойствахъ человѣческой природы. *Своеобразное пониманіе и учетъ этихъ свойствъ* — отличительная черта анархизма, Но эта «база» не мѣшаетъ, а помогаетъ намъ правильно учесть всѣ безличные факторы исторіи.

3) Въ связи съ вышесказаннымъ выступаетъ настойчиво необходимость въ психилогическомъ основаніи многихъ сторонъ міровоззрѣнія. Что же касается проблемы теоріи познанія, то мы, въ качествѣ профана, позволимъ себѣ одно лишь замѣчаніе. Спору нѣтъ: старый философскій матеріализмъ *ошибоченъ*: онъ умеръ и не воскреснетъ вновь. Но это еще не значитъ, что идущія ему на смѣну модныя философскія теченія по существу стоятъ выше матеріализма. Плодотворной лишь будетъ та философская система, которая избѣгаетъ методологической ошибки матеріализма. А методологическая ошибка матеріализма заключается въ попыткѣ: выводить, сводить, уподобить мышленіе другому процессу — физіологическому. Въ самомъ уподобленіи — корень зла, а не въ томъ, что мышленіе уподоблялось физіологическому процессу. И вотъ: если критика ограничивается тѣмъ, что ставитъ на мѣсто физіологіи — біологію, самъ-же методологическій пріемъ — уподобленіе мышленія другому процессу остается. то для насъ профановъ возникаетъ вопросъ: выше-ли *по существу* «новая» философская система? Эти вопросы гносеологіи насъ должны интересовать главнымъ образомъ потому, что они связаны съ четвертой, самой насущной проблемой:

4) Необходима тщательная разработка философіи исторіи анархизма. Это — вершина анархическаго пониманія. Элементы, хотя и не всѣ, даны, но ихъ нужно разработать, организовать.

Разумѣется, намъ и въ голову не приходитъ мысль о томъ, что во *всѣхъ* этихъ вопросахъ мы должны быть «новаторами». Нѣтъ, учитывая все, что даетъ намъ опытъ, знаніе, изученіе ошибокъ прошлаго мы все же главнымъ образомъ, черпаемъ у своихъ учителей — Прудона, Бакунина, Кропоткина, я охотно добавляю — Толстого и Н. К. Михайловскаго.

Нисколько не боясь, если это нужно, безпощадной критики каждаго изъ нихъ, мы одновременно должны всѣ помнить, что «Иваны, не помнящіе родства», никогда ничего не создадутъ. Залогъ успѣха въ идейной преемственности.

ціи какъ бы побѣждаетъ самого себя, «свой» же минимализмъ? Но вѣдь это не ново для насъ. Всегда мы говоримъ народу: вы куете цѣпи для себя; будьте кузнецами своей свободы... Вѣдь каждая побѣда надъ внѣшнимъ препятствіемъ есть въ сущности побѣда надъ внутреннимъ препятствіемъ къ свободѣ. Одни видятъ лишь внѣшнія препятствія, мѣшающія людямъ жить свободно. Другіе — этическій анархизмъ Толстого — внутреннія препятствія къ той же свободѣ (хотя къ самому Толстому это не совсѣмъ примѣнимо). Я лично безусловно предпочту односторонность этическаго анархизма односторонности тѣхъ, которые видятъ лишь однѣ внѣшнія препятствія. Но если мы, не углубляясь, примемъ то положеніе, что существуетъ параллелизмъ между внѣшними и внутренними условіями, то тогда отвѣтъ на вопросъ ясенъ: народъ можетъ и долженъ торжествовать не только надъ внѣшними, но и надъ внутренними препятствіями.

И въ этой двухсторонней побѣдѣ — залогъ прочности ея внутренняго смысла. Именно такой переходъ отъ худшаго къ лучшему и является прогрессомъ.

Мы старались устранить препятствія, часть неосновательныхъ возраженій. Но это не значитъ, что мы считаемъ невозможнымъ послѣдовательный-же безгосударственный минимализмъ.

Мы даже не исчерпали, конечно, вопросовъ, связанныхъ съ принятіемъ максималистическаго лозунга. Мы не касались вопросовъ: 1) Организаціонныхъ. 2) Мы не выяснили какую роль и значеніе играетъ требованіе уравнительной справедливости въ исторіи русской культуры. 3) Мы не анализировали классоваго состава Россіи, того соотношенія силъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать. Объ этихъ вопросахъ я быть можетъ побесѣдую въ другой разъ.

Рощинъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВ. А. ГЕ. *)

Такъ часто и такъ много приходилось писать о синдикализмѣ, что боюсь, какъ бы за мной не укрѣпилась репутація присяжнаго писателя по синдикализму. Роль присяжнаго писателя меня не соблазняетъ, но судьба, точно на зло, настойчиво эту роль мнѣ навязываетъ: почти во всѣхъ анархическихъ органахъ моя первая статья посвящена вопросу о синдикализмѣ. И «Рабочій Міръ», какъ видите, не составляетъ исключенія. Обязанъ я этимъ товарищу Ге, высказавшему въ предыдущемъ номерѣ «Рабочаго Міра» взгляды, которые, по моему, безъ возраженій оставить нельзя.

Синдикалистомъ можно быть различно. Есть синдикалисты, которые превращаютъ синдикализмъ въ нѣчто самодовлѣющее; для нихъ, естественно, анархизмъ поневолѣ дѣлается какимъ то тягостнымъ приложеніемъ. Синдикализмъ — все; анархизмъ же хранится про запасъ, такъ, на всякій случай.

Есть среди насъ и такіе анархисты, которые анархизма не забываютъ но они «*прежде всего*» синдикалисты и лишь потомъ анархисты»; есть, наконецъ, синдикалисты, къ нимъ примыкаю и я, которые думаютъ, что синдикализмъ является лишь *одной изъ главъ* нашего *соціально-политическаго* міровоззрѣнія; такой взглядъ на синдикализмъ нисколько не умаляетъ его значенія.

Синдикализмъ есть и долженъ остаться лишь формою рабочей организаціи и способомъ рабочей борьбы. Въ этомъ и заключается все значеніе и все величіе *революціоннаго* синдикализма. Борьба, которую ведутъ революціонные профессіональные союзы, есть непосредственная борьба противъ *капитала*, противогосударственной она становится лишь въ самомъ процессѣ борьбы. Происходитъ это лишь тогда, когда организованныя въ революц. синдикаты рабочіе сталкиваются съ организованной волей господствующихъ классовъ — съ государствомъ. Отсюда мы дѣлаемъ слѣдующій выводъ: если револ. синдикализмъ будетъ все упорнѣе и настойчивѣе вести *наступательную* непосредственную экономическую борьбу, то онъ неизбѣжно столкнется съ *государствомъ*, неизбѣжно завяжется упорная борьба противъ всего современнаго общества, противъ всѣхъ его устоевъ. Это и дастъ намъ возможность утверждать, что синдикализмъ въ своемъ развитіи все больше и больше приближается къ анархизму. Но синдикализмъ не есть анархизмъ. Какъ синдикализмъ не можетъ брать на себя отвѣтственности за анархизмъ, такъ и анархизмъ не можетъ брать на себя отвѣтственности за весь синдикализмъ. Повторяю еще разъ, я ничуть не желаю умалять значенія синдикализма, я по прежнему остаюсь его вѣрнымъ сторонникомъ, ибо быть сторонникомъ синдикализма, отнюдь не значитъ для меня въ чемъ либо исказить свое міровоззрѣніе или смягчать свои убѣжденія. Наоборотъ, въ синдикализмѣ я нахожу еще одно лишнее подтвержденіе тѣхъ пріемовъ борьбы и той формы организаціи, которые мы всегда защищали. Мы цѣнимъ синдикализмъ, цѣнимъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ есть и «капля нашей крови»: когда онъ только собирался стать на ноги, мы ему служили подпорой. Теперь синдикализмъ окрѣпъ; въ «физической подпорѣ» не нуждается; въ «духовной» же поддержкѣ онъ, какъ и всякое другое важное движеніе, ставящее себѣ цѣли, будетъ нуждаться всегда. Скажу тутъ же для успокоенія анти-интеллигентской совѣсти нѣкоторыхъ нашихъ товарищей, что эту «духовную поддержку» могутъ оказать сами же рабочіе. Рабочее движеніе выдвинуло цѣлый рядъ рабочихъ пропагандистовъ, которые любого интеллигента за поясъ заткнутъ. Интеллигентамъ же остается развѣ одно утѣшеніе: лучшіе французскіе и швейцарскіе дѣятели революціоннаго синдикализма воспитались главнымъ образомъ на писаніяхъ Бакунина и Кропоткина.

* * *

Единство синдикализма возможно лишь постольку, поскольку онъ, *какъ цѣлое, какъ организація*, не только *аполитиченъ* но и *атеоретиченъ*. Въ тотъ день, когда синдикализмъ захочетъ имѣть единную общеобязательную теорію, ему, какъ революціонному синдикализму, будетъ конецъ (по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь *). Надо помнить, что революціонный синдикализмъ вовсе не неизбѣжная историческая необходимость, вызванная существованіемъ капиталистическаго общества.

Жизненность и неизбѣжность въ капиталистическомъ обществѣ ремесленныхъ организацій и ихъ конфликты съ хозяевами — вотъ что является исторической необходимостью, а не революціонный синдикализмъ.

Ремесленные союзы и ихъ формы конфликта съ хозяевами — вотъ что является исторической необходимостью. Что борьба съ хозяевами можетъ принять и другой нереволюціонно-синдикалистскій характеръ, объ этомъ явно свидѣтельствуетъ рабочее движеніе, напримѣръ, въ Германіи и Америкѣ. Стало быть, объ исторической необходимости приходится говорить тутъ лишь въ крайне ограниченномъ смыслѣ. Вспомните судьбу Интернаціонала! Пока онъ былъ обще-

*) См. № 2 «Рабочій Міръ».

*) Мы, конечно, не говоримъ о томъ случаѣ, когда единство теоріи установится само собой въ результатѣ медленнаго творчества массъ.

ствомъ, боровшимся противъ капитализма на экономической почвѣ, а также обществомъ сопротивленія и самозащиты рабочаго класса, пока въ немъ всѣ соціалистическія теченія имѣли одинаковое право на существованіе, интернаціоналъ росъ и развивался, хотя составъ его былъ сравнительно съ современнымъ революціонно-профессіональнымъ движеніемъ, разнообразнѣе. Но какъ только марксистская клика захотѣла навязать сверху внизъ, декретомъ, одну общеобязательную для всѣхъ, доктрину, громадное общество, наводящее страхъ на весь буржуазный міръ, распалось, раскололось на нѣсколько самостоятельныхъ и враждебныхъ другъ другу частей. Вспомните также примѣръ международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ; пока на нихъ допускалась свобода мнѣній, признавалось право за каждымъ направленіемъ — жить и развиваться, пока признавалось право идейной критики, съѣзды эти, дѣйствительно, являлись международными съѣздами соціалистовъ всѣхъ толковъ и направленій, но когда соціальдемократы, опираясь на «компактное большинство», провозгласили парламентаризмъ общеобязательной догмой, двери этихъ съѣздовъ навсегда закрылись для анархистовъ.

* * *

«Въ революціонномъ синдикализмѣ нѣтъ *теоретическихъ колебаній, онъ отъ начала до конца—стройная теорія*, послѣдовательно опредѣляющая логику, *содержаніе и конечныя цѣли* пролетарской борьбы» (курсивъ мой. К. О.) такъ увѣряетъ товарищъ Ге.

Такъ ли это? Во первыхъ можно ли говорить о единствѣ логики, когда рѣчь идетъ о безпартійной, хотя бы и наилучшей формѣ, организаціи, какимъ является профессіональный союзъ? Не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ самыми разнообразными формами мышленія, не имѣемъ ли дѣло съ нѣкотораго рода компромиссомъ? Чѣмъ же, если не компромиссомъ является аполитизмъ для убѣжденнаго парламентариста? Тутъ не единство логики, а сдѣлка съ логикою — съ цѣлью достиженія опредѣленнаго практическаго результата. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я вожусь съ синдикализмомъ и никакой стройной отъ начала до конца теоріи не замѣтилъ въ немъ. Наоборотъ, я видѣлъ, что въ синдикализмѣ представлены различныя теченія, что каждое изъ этихъ теченій опирается на опредѣленныя теоріи, но у всѣхъ одна общая *платформа* — борьба на экономической почвѣ, не законодательнымъ, а непосредственнымъ путемъ, что не всегда удается логически примѣнить на практикѣ, именно, благодаря тому разнообразію элементовъ, которые представлены въ синдикализмѣ, ибо, какъ я указывалъ въ другомъ мѣстѣ, *) разнообразія эти не одного и того же порядка, а разнаго, противорѣчиваго. На самомъ дѣлѣ, въ синдикализмѣ представлены четыре теченія: 1) реформистское, 2) политико-синдикалистское, 3) чисто-синдикалистское, которому больше, чѣмъ безразличны Марксъ и Бакунинъ и, наконецъ, 4) революціонно-синдикалистское въ подлинномъ значеніи этого слова — сознательные антипарламентаристы и въ громадномъ своемъ большинствѣ такіе же сознательные антигосударственники.

Какимъ же образомъ выходитъ, что синдикализмъ все таки «отъ начала до конца стройная теорія, послѣдовательно опредѣляющая логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы»?

Если тов. Ге излагаетъ намъ *свой* синдикализмъ, какимъ этотъ послѣдній долженъ былъ бы быть по его мнѣнію, я, пожалуй, могу согласиться съ нимъ и то лишь послѣ того, какъ онъ укажетъ мнѣ мѣсто анархизма въ этой стройной теоріи, «опредѣляющей логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы»; если же тов. Ге говоритъ о существующемъ синдикализмѣ, то это — сплошное недоразумѣніе, ни о какой стройной теоріи, «опредѣляющей логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы», не можетъ быть и рѣчи.

* * *

Синдикализмъ имѣетъ свои реальныя достоинства, которыя отличаютъ его отъ другихъ профессіональныхъ союзовъ, — отъ нѣмецкихъ, англійскихъ и еще больше американскихъ. Французскій синдикализмъ, за крайне рѣдкимъ исключеніемъ, сплошь соціалистиченъ.

Въ области практической онъ провозглашаетъ необходимость самодѣятельности рабочаго класса, тактика его есть тактика непосредственнаго дѣйствія, и *постольку, поскольку* рѣчь идетъ о *революціонномъ синдикализмѣ*, дѣйствіе это совершается помимо и противъ государства, противъ всей системы капиталистической; онъ признаетъ всеобщую стачку, враждебно относится къ законодательной власти, совершенно индеферентенъ къ парламентаризму, рѣзко враждебенъ идеѣ захвата власти; въ немъ помѣщается, крайне ясно, стремленіе взять на себя иниціативу грядущаго общественнаго переворота; его концепція переворота гласитъ: соціальная революція должна быть совершена самой рабочей массой. Революціонный синдикализмъ враждебенъ идеѣ диктатуры. Вотъ достоинства, за которыя мы высоко цѣнимъ синдикализмъ, и развитію котораго наши товарищи, участвующіе въ французскомъ рабочемъ движеніи, содѣйствуютъ всѣми силами. Вотъ эти то черты синдикализма давали намъ возможность сказать, что синдикализмъ, если онъ будетъ логически послѣдовательно развиваться, сдѣлается дѣйствительно цѣльнымъ движеніемъ. И тогда, если какой-либо теоріи суждено лечь въ основу, то этой теоріей можетъ быть только анархизмъ.*)

Если синдикализмъ представляетъ «отъ начала до конца стройную теорію, опредѣляющую логику, содержаніе и конечныя цѣли пролетарской борьбы», то существованіе анархизма, *какъ стройной теоріи, опредѣляющей логику содержаніе и конечныя цѣли* пролетарской борьбы, становится совершенно безсмысленнымъ; если въ *синдикализмѣ дано все, что можетъ требовать послѣдовательный соціалистъ, которыми-претендуемъ быть и мы*, то спрашивается, кому же нужно наше особое существованіе? Почему намъ не раствориться въ синдикализмѣ? Почему не сказать, что существованіе синдикализма дѣлаетъ совершенно ненужнымъ существованіе анархизма? Вѣдь не ради слова — анархизмъ — ратуемъ мы, а ради содержанія, а разъ содержаніе анархизма исчерпано синдикализмомъ, то и самъ анархизмъ теряетъ право на существованіе.

Нѣтъ, мы отъ своего анархизма не отказываемся, никакою стройною теоріей анархизма не замѣнить, ничего изъ своего міровоззрѣнія выкинуть не намѣрены. И въ тотъ день, когда на наше міровоззрѣніе поднимутъ руку, хотя бы во имя ста тысячъ рабочихъ съѣздовъ, мы скажемъ: «руки прочь!», потому что рѣшеніе задачи, поставленной передъ міромъ сфинксомъ всѣхъ революцій — полное раскрѣпощеніе человѣческой личности, какъ отъ экономическаго, такъ и политическаго гнета, дается лищь анархизмомъ, а потому онъ есть для меня та высшая цѣнность, безъ которой все остальное безцѣнно, тускло и безсмысленно.

* * *

Въ заключеніи всего нѣсколько словъ. Я указывалъ, что по стольку, поскольку рѣчь идетъ о революціон-

*) См. мои статьи въ «Голосѣ Труда» за этотъ годъ.

*) См. Изидинъ: «Революціонный синдикализмъ», изданіе листковъ «Хлѣбъ и Воли».

номъ синдикализмѣ, мы имѣемъ дѣло съ такимъ движеніемъ, которое стремится къ революціи, совершаемой всею рабочею массою, а не какой-нибудь диктаторской властью. Въ статьѣ же, которая насъ занимаетъ, мы встрѣчаемъ благія пожеланія грядущей *диктатурѣ* пролетаріата, хотя эта диктатура толкуется своеобразно — не по соціалдемократически. Тутъ-же выставляетя, какъ объектъ этой диктатуры, т. е., какъ конечная цѣль рабочаго движенія, «переходъ къ коллективизму». Все это въ *«анархической»* газетѣ, какъ хотите, немного конфузно. Будьте синдикалистами, но такъ, чтобы не мѣшать и другимъ тоже быть ими.

К. Оргеіани.

По недосмотру въ № 2 «Рабочемъ Мірѣ» не была помѣщена оговорка о томъ, что редакція не раздѣляетъ многихъ положеній, развиваемыхъ въ статьѣ тов. Александра Ге.

Редакція.

РОКОВОЙ ЧАСЪ...

Опять война.

Болгарія, Сербія, Греція, Черногорія образовали союзъ. Коалиція требуетъ отъ Турціи автономіи для Македоніи.

Черногорія уже «приступила». Главная же «зачинщица»,—Болгарія, молчитъ, войны еще не объявляетъ, но и на «представленія» великихъ державъ отвѣта не даетъ.

Пахнетъ кровью...

Опять крестьяне и рабочіе Болгаріи, Сербіи, прольютъ свою кровь въ борьбѣ съ турками...

Конечно, Великія Державы играютъ роль «примирителей». Г. Сазоновъ, русскій министръ, «не хочетъ войны». Онъ, видите-ли, даже повліялъ на французскаго премьера Пуанкаре, чтобы тотъ поторопился своими увѣщаніями на два фронта: Турція должна ввести немедленно — почти подъ контролемъ Европы — реформы; коалиціи совѣтуютъ воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, благо «великія» державы не допустятъ территоріальныхъ измѣненій...

О, г. Сазоновъ не хочетъ войны.

И корреспонденту французской газеты онъ сообщаетъ вотъ что: Россія знала, что идутъ переговоры между вступившими въ соглашеніе славянскими державами.

Больше. Россія способствовала устраненію конфликтовъ между братьями славянами.

Но — Россія неповинна въ агрессивныхъ выступленіяхъ этихъ державъ...

Странное доказательство миролюбія!

Вѣдь разногласія-то касались участи Македоніи. Турція именно пользовалась *этими* разногласіями. Болгарія считала Макодонію почти своей. Сербія требовала львиной доли себѣ. Греція, какъ дважды два четыре, доказывала, что ей-то большой «кусокъ» принадлежитъ по праву... ужъ не знаемъ, по какому праву. Эти-то разногласія и мѣшали коллективному выступленію противъ Турціи.

Оказывается, русская дипломатія способствовала устраненію конфликтовъ, т. е. того, что мѣшало выступленію противъ Турціи.

И — г. Сазоновъ наивненько заявляетъ, что Россія миролюбива!...

«Миролюбива» и Австрія.

Только вотъ: въ морскомъ арсеналѣ происходятъ спѣшныя работы.. Да кредитъ и испрошенъ немалый.

Австрійская печать жалѣетъ о неискренности Россіи. Вотъ она, Австрія, цѣльно за миръ стоитъ. Конечно, если будутъ затронуты ея «жизненные интересы, ну хотя-бы вторженіемъ сербовъ въ Санджакъ, тогда другое дѣло»... Но бѣда въ томъ, что «жизненные интересы» Австрій повсюду на Балканахъ. Ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: «Австрія миролюбива»...

Какъ-то странно, поведеніе мистера Грея, англійскаго министра.

Г. Сазонову, прибывшему спеціально въ Лондонъ хотѣлось побесѣдовать со своимъ коллегой по поводу состоянія дѣлъ на Балканахъ. Но мистеръ Грей какъ-то все время не былъ настроенъ бесѣдовать на эту тему... Ему о Персіи поговорить хотѣлось. Положеніе дѣлъ на Балканахъ? — О нихъ бесѣдовалъ онъ неохотно; еле-еле, съ большимъ трудомъ, удалось Пуанкаре добиться соглашенія Грея на «представленіе», дѣлаемое Турцію. Согласился англійскій министръ, но все это онъ дѣлалъ съ видомъ человѣка, ужасно занятаго важными мыслями, хотя-бы объ участи той же Персіи.

О чемъ-же говорить? — Все ясно: Англія, какъ и другія державы, миролюбова..

И оттого, что такъ много буржуазныхъ «миротворцевъ», земля все чаще и обильнѣе орошается кровью..

Было время: буржуазія считала себя носительницей мира. Это-де феодализмъ господствовалъ, опираясь на силу меча... Но буржуазія — нѣтъ; ея основа — успѣхи техники, промышленности. Ея мечъ — наука, знаніе. И вотъ наука празднуетъ побѣду: человѣчество завоевало воздухъ.

А военные подсчитываютъ, какъ и сколько людей и кораблей можетъ истребить ядро, брошенное «сверху»... А безпощадно жестокія, изнурительныя войны — часто подъ видомъ экспедиціи въ «дикія» страны — опустошаютъ міръ...

Конечно, и война на Балканахъ, какъ и всякая война, имѣетъ свою идеологію, окружена ореоломъ: борьба за освобожденіе изъ подъ турецкаго ига...

Господствующіе классы и Государство организуютъ войны, а историки, поэты, святые отцы доказываютъ одураченному народу историческую и нравственную необходимость войны...

Вотъ: если бы оскорбленные, изнуренные непосильнымъ трудомъ крестьяне Болгаріи, Сербіи соединились съ угнетенными турками для борьбы противъ «внутреннихъ» турокъ — противъ крупныхъ помѣщиковъ, противъ Государства, — о, съ какимъ скрежетомъ зубовнымъ культурная Европа встрѣтила бы *такую* коалицію!

Исчезла бы любовь къ угнетеннымъ братьямъ—славянамъ... Исчезло-бы миролюбіе. Немедленно-бы образовалась контръ-коалиція... И съ разрѣшенія господствующихъ классовъ, возстаніе было бы потоплено въ крови. Съ дикой яростью банда «культурная» истребляла-бы все, что напоминаетъ о движеніи народа, о борьбѣ за лучшую долю, за свѣтъ и счастье. Развѣ буржуазія не превратилась въ какую-то дикую орду отравленныхъ злобой чудовищъ, когда удалось задавить коммуну? Развѣ богатѣи и господствующіе слои Болгаріи оказались-бы «патріотичнѣе» русскихъ помѣщиковъ, угрожавшихъ призвать нѣмцевъ, съ цѣлью подавленія русской революціи?..

Но незачѣмъ говорить о тѣхъ ужасахъ, которые могли-*бы* быть. Достаточно того, что происходитъ сейчасъ.

И невольно возникаетъ вопросъ: удастся ли локализовать войну? Не находимся ли мы наканунѣ всеевропейскаго столкновенія? Мыслимо ли, что бы Австро-Венгрія спокойно смотрѣла на разгромъ Турціи въ томъ случаѣ, если «коалиція» побѣдитъ? Вѣдь знаетъ же Австрія, что побѣда славянскихъ государствъ — есть побѣда Россіи, даже въ томъ случаѣ, если удастся сохранить status quo... И кто поручится за то, что сама коалиція не распадется при дѣлежѣ?

Пахнетъ кровью... Приближается *роковой* часъ... Мы всѣ знаемъ, кто настоящій, послѣдовательный врагъ войны: сознательная часть трудовыхъ массъ!

Только она можетъ «локализовать» войну. Она — авангардъ человѣчества можетъ, если *захочетъ* — положить предѣлъ кровавому безумію; лишь она можетъ вырвать съ корнемъ это дерево смерти — войну.

Захочетъ-ли она? Хватитъ ли у пролетаріата *воли*, сознанія на то, что-бы выполнять великую задачу? *Захочетъ-ли* пролетаріатъ противопоставить свою желѣзную волю слѣпымъ и злымъ силамъ, управляющимъ буржуазнымъ міромъ?

Если да, то часъ роковой войны можетъ сдѣлать роковымъ для буржуазнаго міра... Можно-ли на это надѣяться?

— Увы, сомнѣнія отравляютъ и эту надежду. Ядъ буржуазнаго шовинизма просачивается порой въ души массъ, отуманиваетъ сознаніе революціонеровъ.

Протестовали-ли *всѣ* итальянскіе соціалисты противъ войны въ Триполи?

А возрастающій во Франціи шовинизмъ не завлекъ развѣ въ свои сѣти и никогда непримиримаго антимилитариста Эрве?

Кто поручится за то, что Эрве не повліяетъ на часть рабочихъ?

И все таки: только пролетаріатъ, трудящіеся могутъ остановить войну!

Они могутъ образовать «*коалицію*» *труда противъ капитала и государства*. И *эта* коалиція принесетъ человѣчеству свѣтъ и свободу.

«Коалиція»-же, вродѣ Балканской, фатально сѣетъ лишь мракъ и неволю...

ХРОНИКА.

Рабочее движеніе не смотря на сильныя репрессіи, все таки не подавлено; этотъ фактъ вынуждены признать даже враги рабочаго класса: «за послѣдніе шесть мѣсяцевъ бастовало 600 т. рабочихъ» пишетъ въ своихъ отчетахъ союзъ фабрикантовъ и заводчиковъ, то же самое сообщаютъ и отчеты фабричныхъ инспекторовъ.

Если мы присмотримся къ рабочему движенію въ Россіи, то должны будемъ констатировать одинъ чрезвычайно важный фактъ; время реакціи и подавленности было капиталистами превосходно использовано: они съумѣли создать сильныя организаціи, которыя должны защищать ихъ «священныя права». Время, когда рабочему приходилось боротся съ *отдѣльнымъ* капиталистомъ, отстаивавшимъ только свой пятакъ, миновало, и теперь рабочій въ экономической борьбѣ сталкивается съ врагомъ прекрасно организованнымъ и дисциплинированнымъ, защищающимъ и отстаивающимъ привиллегіи и господство своего класса. Разумѣется, что и государство не остается въ роли зрителя: начиная съ демократической Швейцаріи и «свободолюбивой» Англіи и кончая самодержавной Россіей власть исполнительная и законодательная ретиво охраняютъ интересы капиталистовъ отъ «бунтовщиковъ» рабочихъ.

Особенно своеобразна эта защита у насъ: аресты и обыски сыплются на головы бастующихъ рабочихъ, какъ изъ рога изобилія; профессіональные союзы закрываются, кассы конфисковываются, а правленія союзовъ, редакторы и издатели профессіональныхъ органовъ высылаются въ Сибирь десятками.

Лишь недавно былъ закрытъ въ Петербургѣ самый большой профессіональный союзъ металистовъ, насчитывающій нѣсколько тысячъ членовъ.

Забастовку на пріискахъ «Ленскаго Товарищества» выигралъ, конечно, господинъ Гинзбургъ. Не помогла рабочимъ и командированная самимъ «его Величествомъ» сенаторская ревизія, обладавшая «чрезвычайными полномочіями». Очевидно и сенаторы не остались глухими къ пріятному звону золота, хоть и добытаго цѣной жизни сотенъ разстрѣлянныхъ и тысячъ замученныхъ въ тайгѣ рабочихъ, добывшихъ это золото.

Однако, и въ лагерѣ побѣдителей не все обстоитъ благополучно. Въ рядахъ арміи и флота, призванныхъ защищать «устои» отъ внуренних и внѣшнихъ враговъ, замѣчается солидное «недовольство». Лишь недавно было разстрѣляно 15 человѣкъ солдатъ «за подстрекательство къ бунту» саперовъ въ Туркестанѣ, теперь сообщаютъ о преданіи военному суду въ Севастополѣ 150 матросовъ. Господину Коковцеву не даютъ успокоиться лавры Столыпина. Число повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ за послѣдній годъ на много превосходитъ таковое за предыдущій. Наше «правосудіе» тоже старается не отставать отъ общаго курса: имъ во чтобы то ни стало хочется доказать, что кровопійцами являются не только они, но... и «жиды». Съ этой цѣлью засадили въ кіевскую тюрьму еврея Бейлиса по обвиненію въ *ритуальномъ убійствѣ* русскаго мальчика Ющинскаго. Уже скоро два года, какъ тянется эта гнусная исторія: убійцы мальчика извѣстны всему городу, исключенія не составляютъ ни прокуратура, ни слѣдственныя власти, ни судъ, но дѣйствительныхъ убійцъ взяли подъ свое покровительство министръ юстиціи Щегловитовъ и «Союзъ русскаго народа». Нечего пояснять, что при такомъ высокомъ покровительствѣ убійцамъ опасаться нечего, а обвиненіе еврея въ употребленіи человѣческой крови можетъ облегчить предвыборныя махинаціи Пуришкевичамъ, Марковымъ и Замысловскимъ.

Изъ Кутомарской каторжной тюрьмы приходятъ столь частыя за послѣдніе годы вѣсти о массовыхъ истязаніяхъ политическихъ заключенныхъ и о единственномъ въ ихъ положеніи возможномъ отвѣтѣ — массовыхъ же самоубійствахъ. Впрочемъ, политическимъ каторжанамъ не зачѣмъ прибѣгать къ такимъ энергічнымъ «мѣрамъ», ихъ друзья и бывшіе товарищи усиленно о нихъ думаютъ, и... готовятся къ выборамъ въ 4-ую Думу!

Но не одни «революціонеры» готовятся къ выборамъ, этимъ дѣломъ довольно усердно и не безуспѣшно занялись и попы, которымъ до сихъ поръ удалось провести въ выборщики около семи тысячъ человѣкъ.

Есть еще одинъ на нашъ взглядъ довольно отрадный фактъ: массы рабочихъ и крестьянъ отказываются принимать участіе въ этой мерзкой комедіи. Меньше 10% рабочихъ, имѣющихъ право выбирать, это право использовали. Для соціалдемократовъ урокъ не изъ пріятныхъ.

ОТЧЕТЪ.

Членскіе взносы	75 fr.	20 c.
Собрано по подписнымъ листамъ	56 »	25 »
Выручено отъ продажи литературы	75 »	45 »
Прислано тов. изъ Парижа	10 »	
Отъ товарищей, сочувствующихъ изданію «Р. М.»	124 »	40 »
Отъ рефератовъ	60 »	85 »
Приходъ	402 fr.	15 c.
На изданіе 1-го и 2-го № №	197 fr.	
Экспедиція и почтов. расходы	26 »	80 c.
Групповые расходы	33 »	75 »
За локалы	61 »	75 »
Расходъ	319 fr.	30 c.
Остатокъ	82 fr.	85 c.

Адресъ для корреспонденцій и для денегъ:
Zürich, Poste Banhof, Postfach 15496.

6

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ“.

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 9-ое Декабря 1912 г. № 4.

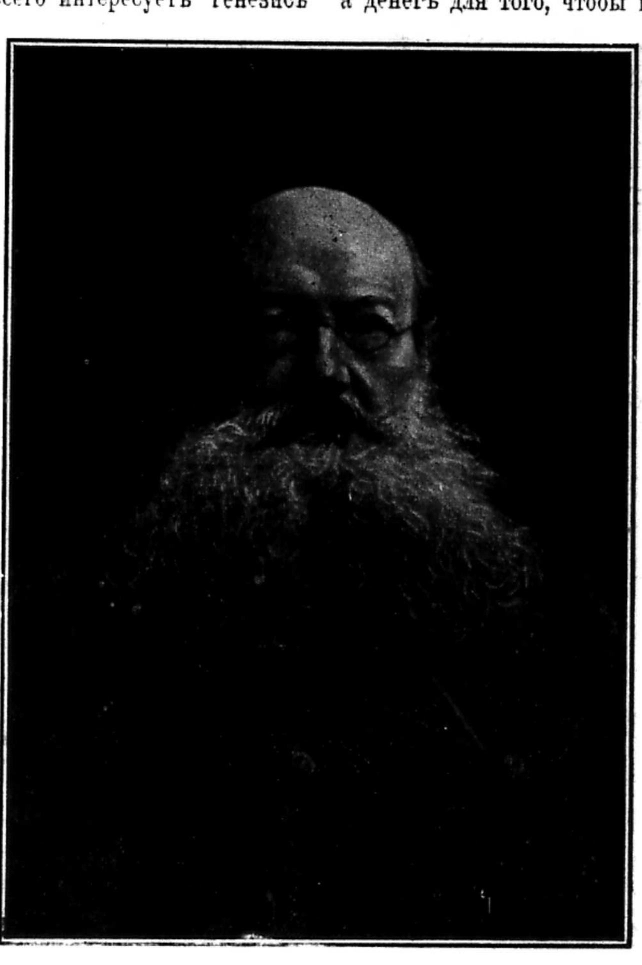
Петръ Кропоткинъ.

Біографическій очеркъ.

9 декабря текущаго года исполнится 70 лѣтъ со дня рожденія создателя теоріи современнаго коммунистическаго анархизма Петра Алексѣевича Кропоткина.

Когда мы останавливаемся на личности крупнаго мыслителя, насъ всегда прежде всего интересуетъ генезисъ его міровоззрѣнія, происхожденіе его системы. Но въ умственной и духовной эволюціи *каждаго* мыслителя несомнѣнно играютъ большую роль внѣшнія обстоятельства его жизни. Тѣмъ рѣзче приходится подчеркнуть эту зависимость, когда рѣчь идетъ о *соціальныхъ* воззрѣніяхъ *революціонера*, и въ особенности неразрывно связано теоретическое мышленіе съ личными переживаніями и жизненными впечатлѣніями Петра Алексѣевича Кропоткина.

Его этико-соціальная система — по преимуществу продуктъ размышленія надъ тѣмъ матеріаломъ, который давала ему его разнообразная и богатая соціальнымъ опытомъ жизнь. И потому, кто хочетъ знать Кропоткина-мыслителя, долженъ также внимательно читать «Записки революціонера», какъ и его теоретическія произведенія.



Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ родился 9 декабря 1842 года въ Москвѣ на Старо-Конюшенной. Родъ князей Кропоткиныхъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Россіи; онъ ведетъ свое происхожденіе отъ внука великаго князя кіевскаго Мстислава Удалого. Петръ Алексѣевичъ лишился матери въ раннемъ дѣтствѣ, и маленькій Петенька, вмѣстѣ съ братьями и сестрой, выросъ на попеченіи крѣпостной прислуги. «Что бы съ нами стало, — говоритъ П. А. въ «Запискахъ революціонера», — если бы насъ не окружала, въ лицѣ нашихъ крѣпостныхъ слугъ, атмосфера любви, столь необходимая дѣтямъ».

Въ 1857 году Петръ былъ помѣщенъ въ пажескій корпусъ. Въ 1861 г., въ качествѣ перваго ученика, былъ произведенъ въ фельдфебели пажскаго корпуса, что связано съ должностью камеръ-пажа императора. Это назначеніе могло имѣть большое значеніе для его карьеры, такъ какъ, благодаря должности камеръ-пажа, онъ сталъ лично извѣстенъ императору. Но молодой пажъ уже тогда не чувствовалъ влеченія къ военной или придворной карьерѣ. Онъ мечталъ о поступленіи въ университетъ, но такъ какъ отецъ никогда бы на это не согласился, а денегъ для того, чтобы начать новую самостоятельную жизнь взять было неоткуда, то Петръ Кропоткинъ, выпущенный въ 1862 году въ офицеры, рѣшилъ уѣхать, по крайней мѣрѣ, куда-нибудь подальше отъ двора Велико было удивленіе товарищей, когда Петръ Кропоткинъ, который могъ начать службу въ лучшемъ гвардейскомъ полку, выбралъ Амурскій конный казачій полкъ. Въ этомъ выборѣ вступавшій въ практическую жизнь юноша, руководился двумя соображеніями. Восточная Сибирь была въ то время очень мало изслѣдована, а его уже тогда тянуло къ географическимъ изслѣдованіямъ. Во-вторыхъ, Сибирь представляла собой «безконечное поле для примѣненія тѣхъ реформъ, которыя были выработаны или задуманы».

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, 19-тилѣтній офицеръ былъ назначенъ адъютантомъ начальника штаба Восточной Сибири, временно занимавшаго постъ губернатора Забайкальской области. До сибирскихъ администраторовъ въ то время еще не докатилась реакціонная волна, и они пытались провести въ жизнь начала «великихъ реформъ». Кропоткинъ сталъ секретаремъ двухъ комитетовъ: для реформы тюремъ и всей системы ссылки и для выработки проекта городскаго самоуправленія. Онъ ухватился за работу со всѣмъ энтузіазмомъ девятнадцатилѣтняго юноши, но разработанные имъ и его товарищами по службѣ проекты никогда не были проведены на практикѣ. Правительство послѣ польскаго возстанія 1863 года уже безудержно устремилось въ сторону реакціи.

Весной 1863 года Петръ Кропоткинъ поѣхалъ на Амуръ, въ качествѣ помощника начальника сплава продовольствія для войскъ и переселенцевъ въ низовьяхъ Амура. Вскорѣ онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, по казачьимъ дѣламъ. Такъ какъ эта должность отнимала мало времени, то Кропоткинъ получилъ возможность отдаться географическимъ изслѣдованіямъ въ Манчжуріи. Въ 1866 году онъ изслѣдовалъ западные Саяны, открылъ нѣсколько новыхъ данныхъ для построенія схемы орографіи Сибири и нашелъ другую важную вулканическую область на границѣ Китая. Въ 1866 году Кропоткинъ открылъ прямой путь съ Олекминскихъ пріисковъ на Забайкалье.

Занимаясь съ увлеченіемъ географическими изслѣдованіями, Петръ Кропоткинъ не превратился, однако, въ узкаго спеціалиста. Его интересовали не только горы и равнины, но и въ не меньшей, если не въ большей степени, и люди, которые ихъ заселяютъ, ихъ горе и нужда.

«Годы, которые я провелъ въ Сибири, — говоритъ П. А. въ «Запискахъ революціонера», — научили меня многому, чему я врядъ ли могъ бы научиться въ другомъ мѣстѣ. Я быстро понялъ, что для народа рѣшительно невозможно сдѣлать ничего полезнаго при помощи административной машины. Съ этой иллюзіей я распростился навсегда. Затѣмъ я сталъ понимать не только людей и человѣческій характеръ, но также скрытыя пружины общественной жизни. Я ясно сознатъ созидательную работу невѣдомыхъ массъ, о которыхъ рѣдко упоминается въ книгахъ, и понялъ значеніе этой построительной силы въ ростѣ общества. Я видѣлъ, напримѣръ, какъ духоборы переселялись на Амуръ; видѣлъ, сколько выгодъ давала имъ ихъ полукоммунистическая жизнь... «Я жилъ также среди бродячихъ инородцевъ и видѣлъ, какой сложный общественный строй выработали они помимо всякаго вліянія цивилизаціи»...

Изъ своего шестилѣтняго административнаго опыта Петръ Кропоткинъ вынесъ убѣжденіе въ ложности принципа дисциплины. «Дисциплина, — говоритъ онъ тамъ же, — хороша на военныхъ парадахъ, но ничего не стоитъ въ дѣйствительной жизни, гдѣ результатъ часто можетъ быть достигнутъ лишь сильнымъ напряженіемъ воли всѣхъ, направленной къ общей цѣли»... «Хотя я еще тогда не формулировалъ моихъ мыслей словами, заимствованными изъ боевыхъ кличей политическихъ партій, я все-таки могу сказать теперь, что въ Сибири утерялъ всякую вѣру въ государственную дисциплину; я былъ подготовленъ къ тому, чтобы сдѣлаться анархистомъ».

Въ 1867 году Петръ Кропоткинъ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ братомъ и его семьей поселился въ Петербургѣ. Онъ поступилъ въ университетъ на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета. Университетскія занятія, и научныя работы поглотили все его время въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Занимаясь математикой, Кропоткинъ часть своего времени удѣлялъ географіи. За это время онъ выполнилъ большую научную работу, которую онъ самъ считаетъ своимъ главнымъ вкладомъ въ науку.

Путешествія по Сибири убѣдили Кропоткина, что существовавшія въ то время карты по орографіи Азіи совершенно невѣрны, и онъ задался цѣлью составить новую карту по орографіи Сибири. Около пяти лѣтъ ушло у него на предварительную работу, и онъ намѣревался написать объемистую книгу, чтобы изложить ея результаты; но, когда Кропоткинъ въ 1873 г. увидѣлъ, что его скоро арестуютъ, онъ ограничился тѣмъ, что составилъ новую карту и приложилъ объяснительный очеркъ. Кропоткинская схема была принята впослѣдствіи большинствомъ картографовъ.

Кропоткинъ все больше и больше увлекался географическими работами. Онъ былъ секретаремъ отдѣленія физической географіи Географическаго Общества. Въ немъ зарождались новые планы научныхъ работъ, и въ особенности его увлекала мысль дать полное географическое описаніе всей Россіи. И для того, чтобы выполнить эту работу, онъ мечталъ о мѣстѣ секретаря Географическаго Общества, такъ какъ эта должность дала бы ему время и необходимую свободу для выполненія его плановъ. И вотъ, осенью 1871 года, Кропоткинъ получилъ предложеніе принять эту должность. «Мое желаніе, такимъ образомъ, осуществилось, — говоритъ П. А. — Но въ эту пору другія мысли и другія стремленія уже овладѣли мною, и, серьезно обдумавъ мое рѣшеніе, я телеграфировалъ въ отвѣтъ: «Душевно благодарю, но должность принять не могу».

Такимъ образомъ, Петръ Кропоткинъ отказался отъ своей завѣтной мечты. И причиной этого отказа было то, что къ этому времени уже болѣе или менѣе сложились его соціальные взгляды, и онъ считалъ преступнымъ отдаться всецѣло наукѣ, которая въ современномъ строѣ доступна лишь немногимъ. Онъ хотѣлъ отдать свои силы освобожденію трудящихся, чтобы и они могли современемъ испытать наслажденія, которыя наука и искусство даютъ въ настоящее время лишь избранному меньшинству.

Весной 1872 года Петръ Кропоткинъ впервые переѣхалъ границу. Одной изъ главныхъ цѣлей его поѣздки было ознакомленіе съ Интернаціоналомъ. Кропоткинъ направился сначала въ Цюрихъ, бывшій тогда однимъ изъ центровъ русской молодежи заграницей. Здѣсь Кропоткинъ погрузился въ изученіе соціалистической литературы того времени, но ему больше всего хотѣлось ознакомиться на практикѣ съ повседневной жизнью Интернаціонала. Для этого онъ направился въ Женеву, которая была однимъ изъ крупныхъ центровъ Интернаціонала.

Въ Женевѣ Кропоткинъ попалъ сначала въ кружокъ Николая Утина, но, ознакомившись съ тактикой марксистовъ, Кропоткинъ разочаровался въ нихъ и попросилъ Утина познакомить его съ бакунистами. Утинъ направилъ Кропоткина къ Николаю Жуковскому и при этомъ сказалъ: «да, вы больше не вернетесь къ намъ; вы у нихъ останетесь». Дѣйствительно, Кропоткинъ навсегда остался съ бакунистами.

Кропоткинъ поѣхалъ въ Юрскія горы, гдѣ въ Юрской Федераціи вырабатывались элементы новой соціальной системы, получившей впослѣдствіи названіе анархизма. Здѣсь онъ познакомился съ Джемсомъ Гильомомъ, Малономъ, Адэмаромъ Швицгебелемъ и другими дѣятелями лѣваго крыла Интернаціонала. Въ это путешествіе Петръ Кропоткинъ сдѣлался анархистомъ. Здѣсь, въ юрскихъ горахъ, завершилось развитіе взглядовъ, зародившихся въ немъ еще въ Сибири. Теоретическія положенія анархизма, развитыя Бакунинымъ и революціонный характеръ агитаціи среди юрцевъ окончательно склонили его въ сторону безгосударственнаго соціализма.

Выполнивъ задачи своей заграничной поѣздки, Кропоткинъ вскорѣ возвратился въ Россію. Онъ поспѣшилъ, конечно, подѣлиться съ друзьями привезенными имъ съ собой контрабанднымъ путемъ книгами и впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства съ Международнымъ Обществомъ Рабочихъ. Вскорѣ онъ вступилъ въ кружокъ Чайковскаго. Зимою 1872 года Кропоткинъ началъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, подъ именемъ Бородина. Полиція вскорѣ узнала о его лекціяхъ и усердно стала разыскивать Бородина, и, наконецъ, по указанію одного изъ знавшихъ его рабочихъ, его арестовали на улицѣ.

Кропоткинъ просидѣлъ два года въ казематахъ Петропавловской крѣпости. Въ началѣ 1876 года онъ, по болѣзни, былъ переведенъ въ Николаевскій госпиталь и оттуда бѣжалъ. Побѣгъ Петра Кропоткина подробно описанъ въ «Подпольной Россіи» Степняка, и онъ самъ художественно разсказываетъ о немъ въ «Запискахъ революціонера».

Послѣ удачно выполненнаго побѣга Кропоткинъ направился въ Западную Европу и черезъ нѣкоторое время очутился въ Лондонѣ, гдѣ познакомился съ Лавровымъ и другими членами группы журнала «Впередъ».

Но Кропоткинъ недолго оставался въ Лондонѣ. Его тянуло къ практической революціонной работѣ въ средѣ европейскаго пролетаріата, и онъ поспѣшилъ туда, гдѣ могъ съ наибольшимъ успѣхомъ приложить свои силы. Списавшись съ Джемсомъ Гильомомъ, онъ отправился въ Швейцарію къ бакунистамъ Юрской Федераціи.

Въ Швейцаріи Кропоткинъ нашелъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми онъ познакомился въ первую заграничную поѣздку, цѣлый рядъ новыхъ талантливыхъ и преданныхъ революціонному дѣлу товарищей. Между ними были — Элизе Реклю, Лефрансе, Поль Бруссъ, Каріеро, Малатеста... Большинство русскихъ примыкало къ марксистамъ, но одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ эмигрантовъ того времени Николай Жуковскій былъ съ бакунистами.

Для Кропоткина «началась жизнь, полная любимой дѣятельности». Больше всего члены Юрской Федераціи занимались пропагандой анархистскихъ идей на собраніяхъ, устраиваемыхъ ими, или ходили на собранія, созываемыя политическими партіями. Въ день годовщины парижской коммуны Кропоткинъ и его товарищи приняли участіе въ демонстраціи съ краснымъ флагомъ въ Бернѣ, на которой произошло вооруженное столкновеніе съ полиціей.

Эта работа въ средѣ швейцарскихъ пролетаріевъ дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію міросозерцанія Петра Кропоткина. «Главная наша дѣятельность, — пишетъ П. А., — состояла въ формулировкѣ соціалистическаго анархизма, въ теоріи и въ практическихъ его приложеніяхъ. И въ этомъ направленіи Юрская Федерація выполнила работу, которая не умретъ»...

«Что касается меня самого, — говоритъ онъ дальше, — то, находясь въ благопріятныхъ условіяхъ, я мало по малу пришелъ къ заключенію, что анархизмъ — нѣчто большее, чѣмъ простой способъ дѣйствія, или чѣмъ идеалъ свободнаго общества. Онъ представляетъ собою, кромѣ того, философію, какъ природы, такъ и общества, которая должна быть развита совершенно другимъ путемъ, чѣмъ метафизическимъ или діалектическимъ методомъ, примѣнявшимся въ былое время къ наукамъ, разсуждающимъ о человѣкѣ. Я видѣлъ, что анархизмъ долженъ быть построенъ тѣмъ же методомъ, какія примѣняются въ естественныхъ наукахъ; но не на скользкой почвѣ простыхъ аналогій, какъ дѣлаетъ это Гербертъ Спенсеръ, а на солидномъ фундаментѣ индукціи, примѣненной къ выработкѣ человѣчествомъ его учрежденій. И я сдѣлалъ все, что могъ въ этомъ направленіи».

Осенью 1877 года въ Бельгіи состоялись два конгресса: одинъ Международнаго Общества Рабочихъ въ Вервье, другой — интернаціональный соціалистическій конгрессъ въ Гентѣ. Кропоткинъ поѣхалъ на гентскій конгрессъ, и тамъ ему вмѣстѣ съ другими восемью анархистами удалось помѣшать осуществленію централистическихъ плановъ вожаковъ германской соціальдемократической партіи. Кропоткина чуть не арестовали въ Гентѣ, но ему удалось скрыться и уѣхать въ Англію. Изъ Англіи Кропоткинъ поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ къ тому времени стало замѣтно оживляться рабочее движеніе, раздавленное безпощаднымъ усмиреніемъ парижской коммуны. Здѣсь онъ нѣкоторое время работалъ въ средѣ парижскаго пролетаріата, основывая — вмѣстѣ съ Андреа Коста и Жюлемъ Гедомъ, бывшими тогда еще антипарламентаристами — первыя соціалистическія группы. Но въ апрѣлѣ 1878 года Коста былъ арестованъ. Кропоткинъ избѣжалъ ареста только вслѣдствіе ошибки полиціи. Черезъ мѣсяцъ онъ уѣхалъ въ Швейцарію, куда его вызвали товарищи.

Въ 1878 году, подъ вліяніемъ ряда покушеній на коронованныхъ лицъ, политическая реакція въ Европѣ приняла очень рѣзкія формы. Европейскія правительства напали на Швейцарію, считая, что она служитъ центромъ всѣхъ террористическихъ заговоровъ. Швейцарское правительство стало преслѣдовать революціонеровъ. Редакторъ газеты Юрской Федераціи «Avant-Garde» — Поль Бруссъ былъ приговоренъ къ долголѣтнему тюремному заключенію, и федерація осталась безъ органа.

Кропоткинъ, вмѣстѣ съ Дюмартрэ и Герцигомъ, основали въ Женевѣ двухнедѣльную газету «Le Revolté». Эта газета и до сихъ поръ выходитъ въ Парижѣ подъ названіемъ «Les Temps Nouveaux». Для «Revolté» Кропоткинымъ были написаны лучшія его агитаціонныя статьи, которыя впослѣдствіи были изданы Элизе Реклю отдѣльной книгой подъ заглавіемъ, имъ придуманнымъ —«Paroles d'un Revolté» —«Рѣчи Бунтовщика». Постепенно въ редакцію «Le Revolté» вошелъ и Элизе Реклю, а послѣ ареста Кропоткина онъ всецѣло отдался газетѣ.

Періодъ издательства «Revolté» былъ однимъ изъ самыхъ активныхъ въ жизни П. А. Кропоткина. Вотъ какъ рисуетъ его въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Вѣстн. Евр.», въ статьѣ «За рубежемъ», Л. Г. Дейчъ, встрѣтившійся съ нимъ въ это время въ Женевѣ:

«Ниже средняго роста, лѣтъ 35-ти на видъ, съ большой свѣтло-русой бородой, совершенно лысый, въ очкахъ, Кропоткинъ нисколько не напоминалъ революціонера-анархиста. Онъ былъ чрезвычайно подвиженъ, говорилъ быстро плавно и съ перваго раза производилъ очень благопріятное впечатлѣніе своей простотой, очевидной искренностью и добротой... Жилъ онъ очень скромно, занимая отъ хозяйки одну меблированную комнату (онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ), столовался въ той же демократической кухмистерской, какъ и всѣ несемейные эмигранты, и одѣвался не лучше — если не хуже любого европейскаго рабочаго. Кропоткинъ былъ всегда заваленъ работой, писалъ въ разные ученые органы, переводилъ для нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ съ иностранныхъ языковъ, которыхъ зналъ множество; но болѣе всего времени отнимали у него, кромѣ издаваемаго французскаго листка (Le Revolté), частыя выступленія на анархическихъ собраніяхъ. Онъ считался выдающимся ораторомъ. Дѣйствительно, Кропоткинъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для вліянія на массы: привлекательной внѣшностью, страстностью и пламенностью, хорошимъ голосомъ и дикціею. По всесторонности развитія онъ несомнѣнно стоялъ значительно выше всѣхъ тогдашнихъ послѣдователей Бакунина, не исключая и Реклю».

Объ ораторскомъ талантѣ Кропоткина много лѣтъ тому назадъ писалъ Степнякъ:

«Онъ замѣчательный агитаторъ. Одаренный отъ природы пылкой, убѣдительной рѣчью, онъ весь превращается въ страсть, лишь только всходитъ на трибуну. Подобно всѣмъ истиннымъ ораторамъ, онъ возбуждается при видѣ слушающей его толпы. Тутъ онъ совершенно преображается. Онъ весь дрожитъ отъ волненія; голосъ его звучитъ тономъ глубокаго, искренняго убѣжденія человѣка, который вкладываетъ всю свою душу въ то, что говоритъ. Рѣчи его производятъ громадное впечатлѣніе, благодаря именно силѣ его воодушевленія, которое сообщается другимъ и электризуетъ слушателей. Когда, по окончаніи рѣчи, блѣдный и взволнованный, Кропоткинъ сходитъ съ трибуны, вся зала гремитъ рукоплесканіями».

Пишущему эти строки впервые пришлось увидѣть П. А. Кропоткина въ 1907 году въ Парижѣ. Въ залѣ на Avenue de Choisy, отвѣчая на привѣтствія русской эмигрантской молодежи и французскихъ рабочихъ, П. А. Кропоткинъ произнесъ маленькую рѣчь. Петръ Алексѣевичъ, весь дрожа отъ волненія, говорилъ о русской революціи и о ея задачахъ, и волненіе это быстро охватило всѣхъ собравшихся. Никогда я не видалъ такого выраженія лицъ у слушателей, какъ въ этотъ памятный вечеръ. Мы услышали агитатора, какихъ немного рождается на свѣтѣ. И я вспомнилъ приведенную выше характеристику Степняка. Петръ Кропоткинъ остался тотъ же. Онъ состарился тѣломъ, но не духомъ. Все та же пламенная вѣра въ конечное торжество соціальной революціи звучала въ его голосѣ, какъ и много лѣтъ тому назадъ на собраніяхъ Юрской Федераціи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства Александра II, Петръ Кропоткинъ былъ изгнанъ изъ Швейцаріи. Въ это же время онъ узналъ о смертномъ приговорѣ, вынесенномъ ему «Священной Лигой». Онъ вмѣстѣ съ женой переѣхалъ въ Лондонъ, но, проживъ тамъ около года, онъ убѣдился, что въ Англіи рабочее движеніе переживало періодъ глубокой реакціи, и рѣшилъ переѣхать во Францію, въ городокъ Тононъ на берегу Женевскаго озера.

Въ это время анархическое движеніе во Франціи значительно разрослось. Въ концѣ 1882 году въ ліонскомъ округѣ въ производствѣ шелка свирѣпствовалъ кризисъ, и рабочіе все болѣе и болѣе озлоблялись противъ богатыхъ. Въ кафе театра Белькуръ взорвался динамитный патронъ, на слѣдующій день динамитный патронъ взорвался въ дверяхъ рекрутскаго присутствія,

и вдобавокъ пошли слухи, что анархисты намѣреваются взорвать статую Богородицы, близъ Ліона.

Ліонскія власти стали «принимать мѣры». Арестовано было 60 анархистовъ. Въ ночь на 21 декабря былъ арестованъ въ Тононѣ и Петръ Кропоткинъ; у него на рукахъ за 3 часа передъ арестомъ умеръ шуринъ.

Французское правительство не могло судить анархистовъ за взрывы, такъ какъ такія дѣла подлежали суду присяжныхъ. И поэтому арестованныхъ анархистовъ, на основаніи закона, изданнаго послѣ паденія коммуны, предали полицейскому суду за принадлежность къ Международному Союзу Рабочихъ.

Всѣ 52 анархиста были приговорены къ тюремному заключенію, причемъ четырехъ, въ томъ числѣ и Кропоткина, приговорили къ максимальному наказанію — къ пяти годамъ тюрьмы.

Въ срединѣ января 1886 года Кропоткинъ вмѣстѣ съ Луизой Мишель и еще тремя товарищами были амнистированы; другіе анархисты были освобождены нѣсколькими мѣсяцами раньше. Кропоткинъ уѣхалъ въ Парижъ, но, прочитавши лекцію объ анархизмѣ предъ публикой, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, оставилъ Парижъ и уѣхалъ въ Лондонъ, такъ какъ ему все-равно предстояла высылка.

Въ Лондонѣ П. А. Кропоткинъ усиленностalъ работать надъ разработкой теоріи коммунистическаго анархизма. Вмѣстѣ съ другими товарищами онъ основалъ на англійскомъ языкѣ анархическій еженедѣльный журналъ «Freedom», который живетъ и до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ посылать статьи въ «La Revolte» (продолженіе закрытаго «Le Revolté»). Эти статьи въ переработанномъ видѣ вышли впослѣдствіи подъ названіемъ «La Conquéte du Paine» («Хлѣбъ и Воля»). Въ журналѣ «Nineteenth Century» П. Кропоткинъ помѣстилъ рядъ статей по экономическимъ вопросамъ, которыя потомъ вышли отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: «Fields, Factories and Workchops». Затѣмъ П. А. приступилъ къ своему выдающемуся въ научномъ отношеніи, весьма важному для теоретическаго обоснованія коммунистическаго анархизма, труду: «Mutual Aid; a factor of Evolutin» (въ русскомъ переводѣ «Взаимопомощь среди животныхъ и людей»). Къ этому же періоду относятся его замѣчательныя работы: «Государство и его роль въ исторіи», «Справедливость и нравственность», «Современная наука и анархизмъ», «Анархія, ея философія, ея идеалъ» и «Анархистская этика». И, наконецъ, въ самые послѣдніе годы П. А. Кропоткинъ закончилъ свой трудъ по Исторіи французской революціи.

Семидесятилѣтній юбилей застаетъ Петра Алексѣевича въ полномъ расцвѣтѣ его творческихъ силъ, и мы вправѣ надѣяться, что и въ дальнѣйшіе годы своей жизни нашъ дорогой учитель своими новыми произведеніями будетъ содѣйствовать приближенію соціальной революціи, мечты всей его жизни.

М. Раевскій.

СПИСОКЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ П. А. КРОПОТКИНА.

Составленъ подъ редакціею М. Петлау.

Революціонныя произведенія.

Программа кружковъ Чайковцевъ, въ рукописи, которой имѣлось два экземпляра; оба отобраны русской полиціей. Нѣкоторыя выдержки цитированы въ обвинительномъ актѣ по процессу 193-хъ.

П. А. Кропоткинъ авторъ *конца* революціонной брошюры ***Пугачевщина***, печатанной въ Цюрихѣ, въ 1873 г. (Здѣсь П. А. говоритъ о будущемъ свободномъ обществѣ послѣ соціальной революціи въ Россіи.

Авторъ корреспонденцій озъ Англіи, о славянскомъ вопросѣ и русскомъ движеніи, а также нѣсколькихъ статей въ Bulletin de la Fédération jurassiene de l'Association internationale des Travailleurs. (1876—78).

Авторъ въ Avant-Garde, органѣ франц. федераціи Интернаціонала (Chaux-de-Fonds.), части докладовъ Ліонскому Конгрессу французскихъ рабочихъ 1878 г., относительно вопросовъ, поставленныхъ на очередь дня этимъ конгрессомъ.

Сотрудничалъ въ „Arbeiter Zeitung", первой анархической газетѣ на нѣмецкомъ языкѣ (Бернъ, 1876—77 г.) и въ „Mirabeau", органѣ бельгійскаго Интернаціонала, выходившемъ въ Вервье.

Съ 24 февраля, 1879 г. былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ въ „La Révolté" (Женева), затѣмъ сотрудничество его продолжалось въ „La Révolte" и „Les Temps Nouveaux", смѣнившихъ „Révolté".

По прибытіи въ Англію въ началѣ 1886 г. (послѣ послѣдняго тюремнаго заключенія въ Клерво), онъ непродолжительное время сотрудничалъ въ газетѣ „The Anarchist" (въ 1886 г.), а съ основаніемъ газеты „Freedom", выходящей понынѣ (октябрь, 1886 г.), принялъ дѣятельное участіе въ этой послѣдней: статьи его въ этой газетѣ безъ подписи.

[Б]ольшая часть брошюръ П. А. Кропоткина и книги *Рѣчи Бунтовщика* и *Хлѣбъ и Воля* составлены изъ статей, пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ имъ, напечатанныхъ въ вышеназванныхъ газетахъ, въ особенности въ „Le Révolté" и „La Revolte".

Paroles d'un Révolte. (Paris, 1885). Переведена на русскій и др. яз. На русскомъ яз. издана полностью и въ Россіи подъ заглавіемъ *Рѣчи Бунтовщика.* (Петербургъ, 1906). Многія главы этой книги отпечатаны отдѣльными брошюрами и переведены на многіе языки, такъ, напр., 6-я глава *Къ молодымъ людямъ* переведена на 16 языковъ.

La Conquête du Pain. (Paris, 1892), переведена на многіе языки. На русскомъ яз. существуетъ два изданія: *Хлѣбъ и Воля.* (Лондонъ, 1902), и *Завоеваніе Хлѣба.* (Петербургъ, 1905). Многія главы изданы отдѣльными брошюрами.

Le Procès Solovieff. (La vie d'un socialiste russe). Genève, 1879.

Idée anarchiste au point de vue de sa réalisation pratique. Conclusion d'un travail sur ce sujet par le comp. Levachoff à la réunion de la Fédéraiion jurassienne du 12 octobre, 1879.

La vérité sur les Exécutions en Russie, suivie d'une Esquisse biographique sur Sophie Perovskaja. Genève, 1881 г.

L'Anarchie dans l'Evotution socialiste. Переведена на 8 языковъ.

Les Prisons. „Révolté", августъ, 1886 г.

Influence morale des prisons sur les prisonniers, Conférence faite le 20 décembre 1887 à la salle Rivoli. „Révolté", декабрь, 1887 г. Отпечатано отдѣльной брошюрой, которая переведена на многіе языки.

In Russian and French Prisons. (London, 1887 г., Лондонъ, 1902. Издано также въ СПБ, 1906. Имѣется русскій переводъ.

The Paris commune. A speech delivered... at the commemoation at South Place (London) on the 17-th of March, 1887. „Freedom", апрѣль, 1887 г.

Past and Future (рѣчь), тамъ же, 1889 г.

The Commune of Paris (рѣчь, произнесенная въ 1891 г.). „Freedom", апр. 1891 г.

La Grande Révolution (брошюра, 1893 г.). Перевед. на мн. языки. Русскаго перевода не существуетъ.

Un siècle d'attente. Переведена на многіе языки, въ томъ числѣ на русскій: *Вѣкъ ожиданія*, Москва, 1907.

Le vingtieme siècle. (Рядъ статей изъ газ. „La Révolte").

La Morale anarchiste, 1891 г. Переведена на мн. яз.

Le Capital et la Révolution. (Статья изъ „La Révolte", 1891 г.).

Etude sur la Révolution. („La Révolte", іюль—ноябрь, 1891 г.).

Les Temps Nouveaux. (брошюра, 1894).

L'Anarchie, sa Philosophie, son Idéal, 1896. Перев. на многіе языки.

Memoirs of a Revolutionist. (Лондонъ, 1899). 2 тома. На русскій яз. переведена подъ заглавіемъ: *Записки Революціонера*, Лондонъ, 1902. Издано также въ СПБ, 1906.

Russian Literature. (Лондонъ, 1905). Перев. на русскій яз.

La Grande Révolution, 1789—1793. (Paris, 1909 г.). Перев. на итальянскій, нѣмец. и англ. яз. (Книга).

The Terror in Russia, an appeel to the British nation. (London, 1909 г.), перев. на франц. и др. яз.

Elisée Reclus (изъ „The Geographical Journal", Лондонъ).

Organisation de la Vindicte appelée Justice (Paris, 1900). Переведена на русскій яз. и помѣщена въ *Докладахъ международному революціонному Конгрессу 1900 г.* (Лондонъ, 1902 г.).

The State: its historie role („Freedom Pamphlet", № 11). Лондонъ, 1902 г.; русскій перев. подъ заглавіемъ *Государство и его роль въ исторіи.*

Современная наука и анархизмъ. (Лондонъ, 1901 г.). Перепечатана въ Москвѣ, 1906 г.

Moderne Science and Anarchism. (London, 1912).

Socialism and Politica. (Freedom Pamphlet, 14, 1903 г.).

The Coming Revival of Socialism. (Freedom Pamphlet, № 15, 1904 г.).

Русская Революція (брошюра, изъ газеты „Хлѣбъ и Воля", № 16).

Различныя письма, адресованныя въ разныя анархическія газеты, а также отчеты о многочисленныхъ рѣчахъ П. А. Кропоткина съ выдержками изъ этихъ рѣчей.

Статья Anarchism. („Encyclopædia Britannica", т. I, 1910 г.).

Статья Anarchisme для „Encyclopædie Syndicaliste". (Paris, 1912 г.).

Различныя *предисловія* къ книгамъ Степняка, Пужэ и др.

П. А. Кропоткинъ сотрудничалъ въ газетѣ „Хлѣбъ и Воля", издававшейся въ Женевѣ (1903 — 1905); въ „Листкахъ Хлѣбъ и Воля", издававшихся въ Лондонѣ 1906 — 1907); (въ этой газетѣ

онъ былъ главнымъ редакторомъ); въ журналѣ „Хлѣбъ и Воля" издававшемся въ Парижѣ въ 1910 г.

Революціи политическая и экономическая. Наше отношеніе къ крестьянскимъ и рабочимъ союзамъ. (Русская Рововлюція и Анархизмъ. Доклады, читанные на съѣздѣ коммунист.-анархистовъ, 1906 г. Подъ редакціей П. Кропоткина. Лондонъ, 1907 г.).

Парижская Коммуна. (Изд. листковъ „Х. и В.", № 2. Лондонъ, 1907 г.), написанная спеціально для русскаго изданія.

L'opera reazionaria della Democrazia sociale (брошюра, перев. изъ газ. „Temps Nouveaux", 1910 г.).

La Guerra. Causa ed effetti. Женева 1911 г.

Анархія. Изданіе листковъ „Х. и В.". № 6, 1912 г. Написана спеціально для этого изданія.

П. А. Кр. сотрудничалъ (1881 г.) въ „Newcastle Weekly Cronicle", Жозефа Коуэна; написалъ одну статью для Fortnightly Review, двѣ-три статьи для Pale Mall Gazette (о русскихъ крестьянахъ) и массу статей въ Nineteenth Century. Въ этомъ послѣднемъ журналѣ онъ пишетъ о Россіи.

Russian Prisons „Nineteenth Century", январь, 1883.

The Fortress Prison of St-Petersbourg (ib., іюнь, 1883).

Outcast Russia, 1. The Jorncy to Siberia (ib. декабрь, 1883 г.).

The Exile in Siberia (ib., мартъ, 1884 г).

The Scientific Basis of Anarchy (ib. февраль, 1887). Переведена на многіе европейскіе языки. Русскаго перевода не существуетъ.

The Breakdown of our industrial system (ib., апрѣль, 1888 г.).

The Coming Reign of Plenty (ib. іюнь, 1888).

The Industrial Village of the Future (ib. октябрь, 1888 г.).

Communist Anarchism. A speech delivered... at the Freedom Greup meeting, March 15-th 1888. „Freedom", Апрѣль, 1888 г.

Brain Work and Manual Work. ib. мартъ, 1890 г.

The Small Industriels of Britain. „Nin. Cent.", августъ, 1900 г.

Изъ этихъ статей П. А. Кр. сдѣлалъ потомъ книгу подъ заглавіемъ:

Fields, Factories and Workshops. (London, 1901 г.). Перев. на франц. языкъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года вышло второе изданіе этой книги, исправленной и дополненной авторомъ. (London, Thomas Nelson and Sons, 1912).

Intensive Agriculture. „The Forum", New-Iork, іюнь, 1891 г.

The Population of Russia „The Geographikal Journal". Августъ, 1897 г.

Co-operation in Russia. „The American Co-operative News". Boston, ноябрь, 1897 г.

Rnssia and the Students Riots. „The Outlook", New-York, апрѣль, 1091 г.

The Russians in Manchuria. „The Forum", New-York, май, 1901 г.

The Presnt Crisis in Russia. „The North American Review", New-York, май, 1901 г.

Russian Schools and the Holy Synod (ib., апрѣль, 1902 г.).

Maxim Gorky. „The Independent", New-York, декабрь, 1904 г.

Tolstoy's Influence in Russia (ib., декобрь, 1910 г.).

The New departure in Russia. „The Speacer", London, ноябрь, 1905.

The Revolution in Russia (ib. декабрь, 1905 г.).

Большое число писемъ, посланныхъ въ „Times", по поводу русскихъ событій, напр., 19 декабря 1906 г., 27 іюля 1909 г. и т. д.

Изъ статей, печатавшихся въ „Nin. Cent." въ періодъ отъ 1891 до 1896 г., подъ заглавіемъ: Mutual Aid among Animals, Mutual Aid among Savages, Mutual Aid among the Barbarians, Mutual Aid in the Medieval City, Mutual Aid among modern men, Mutual Aid among ourselves, составлена книга, исправленная и дополненная авторомъ, подъ заглавіемъ:

Mutual Aid, a factor of evolution. (London, 1902 г.). Перев. на многіе яз., въ томъ числѣ на русскій; подъ заглавіемъ: *Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи.*

Рядъ статей П. А. Кропоткина, въ томъ же „Nin. Cent.", за періодъ отъ 1904 по нынѣшній годъ:

The Ethical Needs the Present dog (апрѣль, 1904 г.).

The Morality of Nature (мартъ, 1905 г.).

The Theory of Evolution and Mutual Aid (январь, 1910 г.).

The Direct Action of Environment (іюль, 1910 г.).

The Response of the Animals to plants Environment (ноябрь и декабрь, 1910 г.).

The Inheritance of acqnired characters (мартъ, 1912 г.). Эти статьи пслужили основой двумъ новымъ книгамъ, которыя онъ готовитъ къ печати: *объ Этикѣ и о Взаимопомощи и борьбѣ за существованіе.*

Научныя произведенія.

Рабочій пролетаріатъ въ Англіи и во Франціи. (Первая статья, появившаяся въ печати; рецензія о статьяхъ Шелгунова въ „Современникѣ"). „Книжный Вѣстникъ", 31 декабря 1861 г. стр. 445. СПБ.

Корреспонденціи изъ Сибири. („Современная Лѣтопись", еженедѣльное прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", начиная съ августа или сентября мѣсяца 1862 года. Когда Катковъ сдѣлался реакціонеромъ, эти корреспонденціи стали печататься (въ 1863 г.) въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ".

Первая сельско-хозяйственная Забайкальская выставка. Чита, 1862 г., 8°; брошюра, которую теперь нельзя найти.

Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 году. „Записки Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества", книга VIII. стр. 1—120. Иркутскъ, 1864 или 1865 г. Статья о первой изъ этихъ поѣздокъ напечатана въ „Русскомъ Вѣстн.", 1864 или 65 г.

Tremblement de terre de 1862 dans les environs du lac Baïcal, по франц. „Rendiconti della R. Academia delle scienze fisiche e matematiche di Napoli", fasciculo 6, giugno 1865. Существуетъ отдѣльный оттискъ.

Поѣздка въ Окинскій Караулъ. „Записки Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва. Иркутскъ, 1865 г., стр. 94.

Предварительный отчетъ о Витимской экспедиціи 1866 г. „Записки Сиб. От. Рус. Геогр. О-ва". Иркутскъ, 1866 г.

Reise im Olekminsk — Witimschen Gebiete. Januar, 1866. Vorlaüfiger Bericht (на нѣм. яз.). „Petermann's Geographishe Mittheilungen, Gotha, 1867, стр. 161 — 166. Былъ также отдѣльный оттискъ.

Подробный отчетъ о процессѣ польскихъ революціонеровъ, взбунтовавшихся на байкальской дорогѣ, въ 1866 г. „Биржевыя Вѣдомости", въ концѣ 1866 или въ началѣ 1867 г.

Переводъ, совмѣстно съ Александромъ Кропоткинымъ (братомъ) книги: The philosophy of Geology by David Page (London, 1863). Издана въ Петербургѣ.

Естествознаніе. Рядъ статей о естественныхъ наукахъ; печатались въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (7 статей, отъ 28 октября 1867 г. по 22 іюня 1868 г. П. Кропоткина, а 8-я и послѣдняя Александра Кропоткина).

Цѣлый рядъ переводныхъ статей въ газетѣ „Дѣятельность", въ послѣдніе мѣсяцы 1868 г.

Geognostisches über den Kreis Mesche wsk im Gouvernement Kaluga. Moskau, 1870 г. Въ Бюллетенѣ „Общества Изслѣдователей Природы".

Русскій перезодъ книги Герберта Спенсера *Принципы біологіи.* (Зоологія). Боганика во 2-мъ томѣ и первый томъ переведены Александромъ Кропоткинымъ.

Докладъ комиссіи, избранной Географическимъ Обществомъ, по снаряженію экспедиціи въ сѣверныя моря. Составленъ П. Кропоткинымъ, совмѣстно съ нѣсколькими русскими учеными. Изданъ въ 1871 г. (91 страница, 8°).

Письма П. А. Кропоткина во время геологической поѣздки по Финляндіи и Швеціи. „Извѣстія Русскаго Географическаго Общества". СПБ. 1871 г. 5 частей.

П. А. Кропоткинъ сотрудничалъ въ этихъ „Извѣстіяхъ" въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Katalog der barometrisch bestimmten Hohen in Ostsibirien. По нѣмецки въ Geograph. Mittheilungen. Gotha, 1872 г.

Отчетъ о Олекминско-Витимской экспедиціи. „Записки Русскаго Географ. Общества", томъ III, 1873 г., XXX, 681 стр., карты и т. д.

Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ V, 1875 г., 42 страницы (изданный Алекс. Кропоткинымъ, такъ какъ П. А. сидѣлъ въ крѣпости).

Матеріалы для орографіи Восточной Сибири. Орографическій очеркъ Минусинскаго и Красноярскаго округ. Енисейской губерніи, съ географическими картами. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ V, 1875 г. (Изданъ Ал. Кропоткинымъ и И. Поляковымъ, редакторомъ „Записокъ").

Изслѣдованіе о ледниковомъ періодѣ. Въ тѣхъ же „Запискахъ", томъ VII, 1876 г. 717 и 70 стр. 8°. (Издан. Ал. Кр. и Поляковымъ).

The Orography of Asia, въ „The Geographical Journal, London, февраль и мартъ 1904 г. Вышло отдѣльнымъ изданіемъ, 61 стр. и карты.

The Desiccation of Eut-Asia. (ib., 1904 г., отдѣльное изданіе въ 20 стр.).

Orographie de la Sibérie. Bruxelles, 1904 г.

Докладъ, въ которомъ П. А. Кропоткинъ резюмировалъ свой трудъ о *Ледниковомъ періодѣ*, прочитанный имъ на собраніи British Association въ Торонто (Канада), въ 1897 г., и напечатанный въ отчетахъ этого собранія.

Онъ сотрудничалъ съ 1876 г., въ продолженіи 24 лѣтъ въ Nature (London) и также въ Geographical Journal (London), давая отчеты о русскихъ изданіяхъ.

On the teaching of Physiography, въ „The Geographical Journal", октябрь, 1893 г. Отдѣльный оттискъ въ 10 стр.

Съ 1880—1881 г. онъ сотрудничалъ въ l'Encyclopædia Britannica, десятое изданіе. Лондонъ. (Имъ составлены русскіе города, начиная съ Костромы; Россія, Сибирь, Польша, Туркестанъ и т. д.). Сотрудничество его для одиннадцатаго изданія (Cambridge 1910—1911) было прервано въ 1905 г.

Имъ же составлена большая часть статей объ Азіи, Франціи, Россіи въ Chambers Encyclopædia.

Онъ сотрудничалъ также въ Геогр. Словарѣ Secbohm'a, ставшимъ потомъ Times Gazetteer.

Л. И—ва.

НѢКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ МІРОВОЗЗРѢНІЯ П. А. КРОПОТКИНА.

Въ 1903 году наша женевская группа рѣшила издавать газету. Когда все было выяснено, финансовая и редакціонная сторона дѣла улажена, возникло вдругъ непредвидѣнное затрудненіе: какъ назвать газету? Всѣмъ хотѣлось такого названія для газеты, которое было бы въ то же время нашимъ лозунгомъ, нашей программой. Долго спорили и готовы были уже ухватиться за первое попавшееся названіе, какъ кто-то подсказалъ: «вѣдь, у насъ есть нашъ «Ветхій и Новый Завѣтъ» — такъ, въ шутку, мы называли *Рѣчи Бунтовщика* и *Хлѣбъ и Волю*, — почему не воспользоваться названіемъ одной изъ этихъ книгъ?» «Хлѣбъ и Воля»! — обрадованно воскликнули всѣ разомъ. Вотъ два слова, которыя резюмируютъ всѣ наши положительныя требованія!

Настоящей нашей статьѣ мы тоже хотѣли бы дать названіе, которое напоминало-бы какую-нибудь книгу или брошюру Петра Алексѣевича Кропоткина, или было-бы какой нибудь фразой, взятой изъ его сочиненій; но ничего подходящаго не могли придумать, а подсказать было некому. Самое неопредѣленное заглавіе, отрывочное, неполное изложеніе, вотъ вся наша статья.

I

Буржуазное общество, какъ устанавливаетъ нашъ «Ветхій Завѣтъ», стало невозможнымъ. Буржуазія, какъ классъ, давно сказала свое слово; больше того, что она дала, она дать не можетъ, она выдохлась; жизнь, жизнь внутренняя, которая раньше воодушевляла ее, толкала на великій подвигъ, хотя-бы въ интересахъ своего класса, покинула ее; она рожала героевъ, нынче родитъ пигмеевъ. Живетъ она по силѣ инерціи, по силѣ рутины и еще благодаря тому порабощенію, экономическому и духовному, въ которое она ввергла тѣ классы, надъ которыми она одержала побѣду. Она создала въ дни своего величія, рабовъ пугливыхъ, при помощи грознаго физическаго насилія; при помощи же Церкви, которою она всегда ловко пользовалась противъ народа, она создала рабовъ добровольныхъ, убѣдивъ ихъ въ святости и неизбѣжности тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется весь современный строй — собственность и власть. Она узаконила всякое насиліе, совершаемое въ ея интересахъ, и провозгласила варварствомъ и преступленіемъ всякое возстаніе противъ ея произвола и насилія. Ея дѣятельность не имѣетъ характера былой методичной, послѣдовательной дѣятельности. Она потеряла былую силу творчества, былую устойчивость стремленій и идеаловъ. «Она переходитъ отъ протекціонизма къ свободѣ торговли и отъ свободы торговли къ протекціонизму, отъ реакціи къ либерализму и отъ либерализма къ реакціи, отъ атеизма къ ханжеству и отъ ханжества къ атеизму».*) Но что-бы она ни дѣлала, видно, что она дѣлаетъ это безъ внутренней глубокой вѣры. Она чувствуетъ, что становится лишней, ненужной, что можно обойтись безъ нея; она чувствуетъ, что въ обществѣ пріобрѣтаютъ почву новые идеалы, что появляются новые сознательные факторы общественной жизни, которые предвидятъ будущее и не хотятъ мириться съ настоящимъ; но она все еще живетъ, живетъ механическою, нетворческою жизнью, крѣпко цѣпляясь за тѣ органы порабощенія, которые она создала въ дни своего величія; «но ея дальнѣйшая жизнь исключительно вопросъ времени, и это время можно считать уже не вѣками, а годами. Но если это вопросъ времени, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и вопросъ нашей собственной энергіи. Лѣнтяи не создаютъ исторіи, они пассивно терпятъ ее».**)

Старое должно погибнуть, оно должно быть разрушено, ибо перестало удвлетворять требованіямъ большинства человѣчества. Старое должно быть разрушено во имя новаго, во имя той новой формы общежитія, которая зародилась и развивается уже въ нѣдрахъ современнаго общества. Какова эта новая форма общежитія, не только желательная и нужная, но практически возможная? По мѣрѣ того, говоритъ П. А. Кропоткинъ, какъ человѣческій умъ освобождается отъ понятій, внушенныхъ ему господствующими и эксплуатирующими классами съ ихъ духовенствомъ, судебною властью, войскомъ, продажными учеными, продажной прессой, по мѣрѣ того, какъ онъ сбрасываетъ съ себя путы рабства, наложенныя на него рабскимъ прошлымъ, вырабатывается новое понятіе объ обществѣ, гдѣ ужъ не будетъ эксплуатаціи человѣка ни человѣкомъ, ни государствомъ, однимъ словомъ, вырабатывается «идеалъ такого общества, гдѣ каждымъ управляетъ исключительно его воля (которая есть, несомнѣнно, результатъ испытываемыхъ каждымъ индивидуумомъ общественныхъ вліяній); теперь только этотъ идеалъ является одновременно въ своей экономической, политической и нравственной формѣ, опираясь на необходимость коммунизма, который, въ силу чисто общественнаго характера нашего производства, становится неизбѣжнымъ для современныхъ обществъ.»*)

Если паденіе современнаго строя неизбѣжно, если необходимой экономической формой грядущаго общежитія является коммунизмъ, то каковы, съ одной стороны, тѣ факторы которые содѣйствуютъ этому паденію, а съ другой — та форма политической организаціи, которая соотвѣтствуетъ грядущему коммунизму? Это — создавшіяся и изо дня въ день созидающіяся общественныя силы, *способныя проявлять волю*: появляются цѣлыя группы, цѣлый классъ, который становится носителемъ новаго идеала, идеала свободы и равенства. Это — активный факторъ, та живая сила, которая въ концѣ концовъ должна подрыть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется старый строй. «Лѣнтяи исторіи не создаютъ», нужна живая, творческая сила для обновленія общества, и на подмогу этой творческой силѣ, творческой опредѣленно дѣйствующей волѣ приходитъ такая же опредѣленная *тенденція*, характеризующая современное общественное развитіе, которая выражается въ стремленіи къ уменьшенію власти, къ увеличенію компетенціи индивидуальнаго творчества, творчества свободныхъ группъ почти во всѣхъ областяхъ культурной жизни человѣчества. Личность начинаетъ *возставать*, она ищетъ для себя новыхъ формъ свободной жизни и дѣятельности и находитъ ихъ въ вольныхъ союзахъ, внѣ государства и, во многихъ случаяхъ, даже противъ государства. Такая же борьба противъ государства ведется цѣлымъ рядомъ свободныхъ учрежденій, ищущихъ возможностей для осуществленія свободно поставленныхъ ими себѣ цѣлей.» «Конечно, въ современномъ обществѣ, основанномъ на частной собственности, т. е. на грабежѣ и на узкомъ, слѣдовательно, на безсмысленномъ индивидуализмѣ, этого рода явленія должны быть очень ограничены.**) Но несмотря на то, что по самому характеру современнаго общества, количество фактовъ, подтверждающихъ вышеприведенное положеніе, должно быть ограничено, П. А. Кропоткинъ приводитъ все-таки такое количество этихъ фактовъ и значеніе ихъ таково, что въ нихъ нельзя не видѣть одной изъ характерныхъ чертъ современнаго общественнаго развитія. П. А. Кропоткинъ отмѣчаетъ еще

---

*) Рѣчи Бунтовщика.

**) «Анархія, ея философія, ея идеалъ.»

*) Тамъ-же.

**) «Хлѣбъ и Воля.»

одну крайне важную черту въ современномъ общественномъ развитіи, а именно, *исключительно* соціальный характеръ производства.

Нынче ужъ невозможно опредѣлить долю каждаго въ производствѣ, всѣ части котораго такъ тѣсно связаны и перепутаны между собою. Было время, когда эту долю можно было опредѣлить, можно было, напримѣръ, опредѣлить и дать расцѣнку труду землевладѣльца, мастера мелкой мастерской, производство которыхъ въ былое время имѣло характеръ самостоятельнаго законченнаго цѣлаго. Мастеръ самъ самостоятельно создавалъ продуктъ, онъ его начиналъ онъ-же и кончалъ. Но при теперешней сложности, переплетенности всѣхъ частей производства, при теперешнемъ преобладающемъ значеніи машиннаго производства, при которомъ всѣ производятъ лишь части цѣлаго, въ которомъ вложены усилія всѣхъ, выдѣлить трудъ каждаго, какъ самостоятельную цѣнность, и особо оцѣнить его, становится невозможнымъ. Производство *интегрируется*,*) *и этому интегрирующемуся производству можетъ соотвѣтствовать лишь коммунизмъ.* Все производится совмѣстными усиліями всѣхъ производителей, *все принадлежитъ всѣмъ*. Коммунизмъ наисовершеннѣйшая форма равенства. Коммунизмъ, если онъ дѣйствительно цѣльный, а не искаженный посторонними, для него не характерными примѣсями, не можетъ ни въ коемъ случаѣ примириться съ государственной организаціей; коммунизмъ, какъ мы сказали, есть осуществленіе полнаго равенства, государственная же организація немыслима безъ принципа власти, безъ подчиненныхъ, безъ управляющихъ и управляемыхъ; стало быть, привнесеніе государственническаго принципа въ коммунистическое общество равносильно коренному разрушенію принципа равенства.

Мы видѣли выше, что уже въ современномъ обществѣ зарождается сильное теченіе противъ государства, что личности, группы, классы и цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій, возникшихъ по частной иниціативѣ, враждебны государству и стремятся устроить свою жизнь помимо государства и, во многихъ случаяхъ, противъ государства. Значитъ, кромѣ извѣстныхъ *тенденцій*, характеризующихъ современное общественное развитіе, есть еще и *должна быть ясно выраженная воля, смѣлость не хотѣть и не терпѣть отжившихъ формъ, которыя стали тормазомъ для культуры, для личнаго творчества, для общаго блага, и общей свободы.*

«Или государство должно быть разрушено, и въ такомъ случаѣ новая жизнь возникнетъ въ тысячѣ центровъ, на почвѣ энергической личной и групповой иниціативы, на почвѣ вольнаго соглашенія. Или же государство раздавитъ личность и мѣстную жизнь; завладѣетъ всѣми областями человѣческой дѣятельности, принесетъ съ собою войны и внутреннюю борьбу изъ за обладанія властью, поверхностныя революціи, лишь смѣняющія тирановъ и, какъ неизбѣжный конецъ, — смерть».*)

Мы же боремся не для убіенія жизни, а ради ея торжества; интересы же всесторонне, гармонически *въ равенствѣ* развивающейся жизни не согласуемы съ государствомъ. Поэтому не естественно-ли, не *обязательно*-ли и не *необходимо*-ли предположить, что общество, освободившееся отъ путъ рабства, обобществившее производство и всѣ богатства, накопленныя трудами человѣчества, «должно будетъ искать новой политической организаціи, сотвѣтствующей новой хозяйственной жизни — организаціи, основанной на свободномъ союзѣ и вольной федераціи.

«Каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни.***)

Что это значитъ? Имѣетъ-ли это положеніе тотъ смыслъ, что между экономической и политической формами жизни существуетъ безусловный параллелизмъ? Или это все тотъ-же основной принципъ экономическаго матеріализма: экономика-фундаментъ, опредѣляющая политику-надстройку? Конечно, ни то, ни другое. Фактъ соотношенія между экономической или политической формами можно исторически доказать; можно доказать, напримѣръ, что рабству, феодализму и, наконецъ, капитализму соотвѣтствовали и соотвѣтствуютъ опредѣленныя политическія формы. Стало быть, тутъ мы имѣемъ дѣло съ историческими фактами, и положеніе П. А. Кропоткина есть обобщеніе *этихъ фактовъ*; дальше этого онъ не идетъ. Подтасовка историческихъ фактовъ начинается съ того момента, когда лже-ученые начинаютъ утверждать, что фундаментъ-экономика есть первичный единый факторъ, опредѣляющій политику-надстройку, *не только по формѣ и общему характру, но и во времени.* Этого параллелизма *и во времени* и существованіе единаго первичнаго фактора доказать нельзя. Одна форма не порождаетъ другую въ точно указанный, опредѣленный срокъ. Выше установленный параллелизмъ не является абсолютнымъ, такъ какъ параллели эти (тутъ рѣчь идетъ, конечно, не о геометрическихъ параллеляхъ) не являются силами, дѣйствующими обособленно, вдали отъ всякихъ условій, вдали отъ вліянія силъ, отличныхъ отъ нихъ, но дѣйствующихъ въ одной общей средѣ съ ними. Законъ воздѣйствія и противодѣйствія многихъ причинъ сохраняетъ всю свою силу, конечно, и тутъ. Разъ мы признаемъ дѣйствіе силъ, отличныхъ отъ параллелей и дѣйствующихъ въ одной общей средѣ съ ними, то мы должны признать, что эти силы могутъ воздѣйствовать на самую систему воздѣйствующихъ и противодѣйствующихъ силъ. Стало быть, двѣ параллельно развивающіяся силы будутъ видоизмѣнять, какъ свое направленіе, такъ и темпъ своего развитія, подъ вліяніемъ воздѣйствія и противодѣйствіи силъ другого характера. Исторія показываетъ, что это дѣйствительно такъ и бываетъ: въ процессѣ развитія то политическая форма общежитія отстаетъ отъ экономическихъ отношеній (Германія, Россія), то экономическія отношенія отстаютъ отъ сложившихся политическихъ формъ общежитія (южно-американскія республики, Либерія, Гаити и проч.). Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о безусловномъ совпаденіи во времени, въ опредѣленный срокъ экономическихъ и политическихъ формъ общежитія; что съ увѣренностью можно сказать, это, то, что всякому опредѣленному экономическому фазису *должна* соотвѣтствовать опредѣленная политическая форма; и, на самомъ дѣлѣ, исторически, рано или поздно, это совпаденіе осуществится, и опредѣленная экономическая форма общежитія должна дополниться опредѣленной политической формой и, такимъ образомъ, должно образоваться одно исторически доконченное цѣлое. Такъ, коммунизмъ, въ конечномъ счетѣ, обязательно долженъ облечься въ анархическую форму, иначе онъ никогда не достигнетъ той полноты и широты, которая требуется для созданія среды, годной для всесторонняго и гармоническаго развитія человѣческой личности.

* * *

Каковъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеръ тактическихъ пріемовъ борьбы, рекомендуемыхъ П. А. Кропоткинымъ противъ существующаго строя? Это — намъ всѣмъ хорошо извѣстная *тактика непосредственной борьбы.* «Станемъ организованной силой, способной показать зубы каждому, дерзнувшему посягать на наши права; *будемъ сильны*...»*)

Когда масса проникнется сознаніемъ своей силы, когда она будетъ объединена однимъ общимъ желаніемъ, однимъ общимъ стремленіемъ, когда она не захочетъ нести болѣе ярмо гнета, она тогда будетъ способна и пріобрѣтать и защищать свои права, тогда никто не дерзнетъ оспаривать у нея ея правъ. Когда масса привыкнетъ грозно заявлять свою волю,

---

*) «Les T·mps Nouveaux» (брошюра).

**) «Государство, его роль въ исторіи».

***) «Хлѣбъ и Воля».

*) «Рѣчи бунтовщика».

когда за этой волей будетъ стоять грозная сила «тогда и только тогда мы *завоюемъ* эти права, которыя мы тщетно *просили* бы десятки лѣтъ у какого бы то ни было конституціоннаго правительства, тогда они будутъ принадлежать намъ вѣрнѣе, чѣмъ если бы ихъ гарантировали писанные законы».

«Правъ не даютъ, они берутся».*)

II.

Какъ извѣстно, П. А. Кропоткинъ не принадлежитъ ни къ числу мыслителей, любящихъ думать антитезами, ни къ числу эклектиковъ. Онъ не любитъ также нагромождать кучу вопросовъ и затѣмъ оставлять ихъ на произволъ судьбы или на усмотрѣніе людей доброй воли; къ людямъ доброй воли онъ, конечно, обращается, ибо вопросы, которые ставитъ передъ нами все болѣе и болѣе усложняющаяся жизнь, не могутъ быть рѣшены однимъ человѣкомъ, «однимъ умомъ», какъ бы великъ онъ ни былъ, но свою лепту онъ вноситъ въ рѣшеніе каждаго вопроса; онъ не можетъ примириться, чтобы въ его міровоззрѣніи были «пустыя мѣста», онъ очень высоко ставитъ единство и цѣльность міровоззрѣнія. Между тѣмъ, есть критики, которые указываютъ на противорѣчія, якобы присущія его міровоззрѣнію. Посмотримъ, можетъ быть, тамъ, гдѣ поверхностный умъ видитъ дуализмъ и противорѣчіе, на самомъ дѣлѣ кроется широкое обобщеніе, которое устраняетъ всякій дуализмъ, всякое противорѣчіе.

Мы, конечно, не думаемъ — къ тому же въ газетной статьѣ это совершенно невозможно — разсмотрѣть все научное и философское міровоззрѣніе П. А. Кропоткина, мы хотимъ лишь слегка коснуться нѣкоторыхъ его философскихъ и историко-философскихъ взглядовъ.

Прежде всего, какъ онъ опредѣляетъ философію?

«...Мы не знаемъ и не видимъ возможности открытія какой-нибудь такой области, гдѣ бы тѣ простыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при паденіи камня, при ударѣ двухъ балліардныхъ шаровъ, или при химическомъ измѣненіи — явленія механическія — оказались бы недоступными для объясненія»...

«Естественно, что какъ только наука могла дойти до такихъ обобщеній, въ ней должна была зародиться мысль о *синтетической философіи*; то есть о такой философіи, которая, не разсуждая болѣе о «сущностяхъ», о «міровой идеѣ», о «назначеніи жизни» и тому подобныхъ символахъ, и отказавшись отъ очеловѣченія природы (антропоморфизаціи), представляла бы собою *сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ знаній* философіи, однимъ словомъ, которая, восходя отъ простого къ сложному, *давала бы ключъ къ пониманію всей исторіи, во всей ея жизни*, и тѣмъ самымъ дала бы орудіе и вѣрное средство изслѣдованія того, чего мы еще не знаемъ, и для открытія *соотношеній* (такъ-называемыхъ законовъ), нами еще не открытыхъ, — а также увѣренность въ справедливости нашихъ заключеній, какъ бы они ни расходились съ ходячими предразсудками».**)

Само собою ясно, что разъ философія опредѣляется, какъ сводъ и объединеніе всѣхъ нашихъ *знаній*, разъ она включается въ опредѣленныя рамки и строго ограничивается, то *такое* опредѣленіе, *такое* пониманіе задачъ философіи должно отразиться на постановкѣ всѣхъ философскихъ проблемъ. Ярче и рѣзче всего оно отражается на постановкѣ проблемы духа. Въ этой области, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ областяхъ, главнѣйшей заботой П. А. Кропонкина было ввести, включить всѣ явленія, въ томъ числѣ и сознаніе, въ такія рамки, которыя позволяли бы изучать всѣ явленія однимъ общимъ методомъ, чтобы, иначе говоря, не приходилось мѣнять метода, когда отъ міра физическаго переходишь къ міру психическому. Выше приведенная цитата ясно указываетъ на это.

Кажется, внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что жизнь вселенной характеризуется постоянными видоизмѣненіями при сохраненіи полной преемственности между видоизмѣняющимися явленіями; такъ что предыдущее состояніе, не будучи тождественнымъ съ послѣдующимъ, однако-жъ, предшествуетъ и подготовляетъ его. Явленія вселенной обусловлены, или еще яснѣе, обусловливаютъ другъ-друга. Никакая метафизика, за исключеніемъ грубо религіозныхъ, не отрицаетъ въ настоящее время этого детерминизма, пока, конечно, рѣчь не идетъ о «духѣ»; но какъ только рѣчь идетъ о человѣческомъ духѣ, детерминизмъ, которому подчиняются всѣ явленія природы, сразу теряетъ всю свою силу, духъ выдѣляется, изымается изъ пророды, къ нему общіе законы становятся непримѣнимыми, для него создается особое привилегированное положеніе. Начинается дѣленіе міра на двѣ рѣзко обособленныя части: міръ вульгарный, мертвой природы — матеріи, и міръ духовный, возвышенный, привилегированный. И вотъ тутъ-то и кроется величайшая заслуга матеріализма, который смѣло возсталъ противъ этой привилегіи, *втиснулъ*, можетъ быть, немного грубо, человѣческій духъ *въ природу* и подчинилъ его общимъ законамъ. Кромѣ того, онъ, именно онъ, оказалъ человѣческому духу неимовѣрную услугу, давъ ему увѣренность въ себѣ самомъ, ввелъ въ науку духъ критики, вызвалъ расцвѣтъ опытныхъ наукъ, освободилъ ихъ отъ гнета сверхъестественнаго. Подлинная заслуга матеріализма заключается въ этомъ, а не въ его наивномъ реализмѣ, который не устоялъ противъ той самой науки, расцвѣту которой онъ такъ сильно содѣйствовалъ. Самъ онъ былъ принужденъ эволюціонировать и принять формы, лучше соотвѣтствующія требованіямъ времени и состоянію опыта.

«Человѣкъ представляетъ собою теперь для психолога множество отдѣльныхъ способностей, множество независимыхъ стремленій, равныхъ между собою, функціонирующихъ независимо другъ отъ друга, постоянно *уравновѣшивающихъ* другъ друга, *постоянно находящихся въ противорѣчіи* между собою. Взятый въ цѣломъ, человѣкъ представляется современному психологу, какъ *вѣчно измѣняющаяся равнодѣйствующая всѣхъ этихъ разнообразныхъ способностей*, этихъ независимыхъ стремленій мозговыхъ клѣтокъ и нервныхъ центровъ. Всѣ *онѣ связаны между собою и вліяютъ другъ на друга*, но каждый и каждая живетъ своею независимою жизнью, не подчиняясь никакому центральному органу, никакой душѣ».*)

Сознаніе *едино*, но оно никогда не тождественно себѣ самому, какъ и всякое живое существо; впрочемъ, оно видоизмѣняется постоянно; характеръ единства сообщается ему постояннымъ взаимодѣйствіемъ, постояннымъ уравновѣшиваніемъ «множества отдѣльныхъ способностей». П. А. Кропоткинъ, не раздѣляя міра психическихъ явленій отъ міра физическаго, естественно долженъ искать единство въ ихъ воздѣйствіи и противодѣйствіи. Во всѣхъ вопросахъ міровоззрѣнія онъ избѣгаетъ односторонности; мы нигдѣ не встрѣчаемъ у него попытки свести все къ одному единому фактору. Наоборотъ, онъ стремится объяснять явленія, *всѣ явленія, всей суммой* воздѣйствія и противодѣйствія различныхъ причинъ. Слѣдовательно, понять и представить въ синтетико-научной формѣ всѣ явленія природы, въ томъ числѣ и сознаніе, является характерной чертой мышленія П. А. Кропоткина.

* * *

Мы, конечно, знаемъ, что, какъ психо-физическій параллелизмъ, такъ и всѣ теоріи близкія къ нему, подвергаются критикѣ. Это вполнѣ естественно: психологія лишь теперь складывается въ науку, ея построеніе далеко не закончено; быстрая смѣна теорій въ области научной психологіи является показателемъ того, что происходитъ глубокая работа, строится основаніе новой науки. Намъ важно знать въ какомъ направленіи критика ведетъ свою работу. Дѣлаетъ-ли она tabula rasa изъ всего того, что застала, и стремится построить все заново, или же работа ея сводится лишь къ тому, чтобы привести въ порядокъ все унаслѣдованное ею.

Отмѣтимъ прежде всего, что методъ изслѣдованія не измѣненъ; происходитъ лишь чистка стараго

*) Тамъ же.

**) «Современная наука и анархизмъ». Кромѣ словъ «синтетической философіи» все остальное подчеркнуто мною. К. О.

*) «Анархія, ея философія, ея идеалъ». Курсивъ нашъ. К. О.

матеріала и нахожденіе новаго, результатомъ чего явилось окончательное устраненіе того дуализма, который старый метафизическій раціонализмъ старался установить между духомъ и природой. Духъ окончательно включенъ въ природу, онъ сдѣлался достояніемъ опытнаго метода, какъ всѣ прочія явленія природы. Если матеріализмъ, въ лицѣ Фохта, облекъ свою гносеологію въ извѣстную грубую формулу: «человѣкъ мыслитъ точно такъ, какъ печень выдѣляетъ желчь», нужно признать, что эта грубость была необходима. Можно утверждать, — рискъ тутъ небольшой — что Фохтъ прекрасно понималъ, что выдѣленіе желчи и мышленіе не одно и то же, но чисто «педагогическія» соображенія заставили его облечь свою мысль въ грубую формулу. Нужно было развѣнчать возгордившійся «духъ», нужно было принудить его отказаться отъ своего привилегированнаго положенія и занять скромное мѣсто въ ряду другихъ явленій природы.

Далѣе, современная научная психологія отвергаетъ психологическій атомизмъ, также какъ ассоціанистскій эмпиризмъ и стремится строго установить преемственность сознанія. Слѣдствіе слѣдуетъ за причиной не какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, а какъ явленіе, которое превращается въ слѣдующее явленіе, и такъ безпрерывно.**) Она строится при помощи опытнаго метода — естественно-научнаго. Это вполнѣ понятно; можно-ли отказаться въ области психологіи отъ того метода, который далъ столь блестящіе результаты во всѣхъ другихъ областяхъ? Если что нибудь добыто въ смыслѣ *знанія*, добыто этимъ методомъ, ему же должно принадлежать рѣшающее слово и въ области изученія взаимоотношеній психическихъ и физическихъ процессовъ.

Наконецъ, что мы *знаемъ* о механизмѣ мышленія? Лищь то, что біологическіе и психологическіе процессы связаны цѣлой системой взаимоотношеній. Изученіе механизма мышленія превращается *въ его естественную исторію*. Все стало быть, и механизмъ мышленія долженъ изучаться въ одной плоскости со всѣми другими явленіями природы, могущими другъ друга взаимно обусловливать.*) Такимъ образомъ мы приходимъ къ изученію опыта, къ его чисткѣ, къ его критикѣ. Вотъ, что пока отвоевано у метефизики, и это не мало. Въ эту работу П. А. Кропоткинъ внесъ свою лепту.

«Какимъ образомъ благородный потомокъ Рюрика и Ростислава Мстиславовича Смѣлаго, великаго князя Кіевскаго, знатный баринъ, носящій гербъ княжества Смоленскаго съ шапкой Мономаха на горностаевомъ полѣ, сынъ князя Алексѣя Кропоткина, полковника и коменданта, владѣльца въ трехъ губерніяхъ тысячи двухъ сотъ душъ — не считая женщинъ — и обширныхъ пространствъ земли, хозяина пятидетяти слугъ въ городѣ и двадцати пяти въ деревнѣ; мальчикъ, котораго императоръ Николай I однажды поднялъ на руки и показалъ цесаревнѣ Маріи Александровнѣ, чтобы она подарила ему такого же красиваго и славнаго внука; подростокъ, воспитывавшійся въ знатномъ Пажескомъ Корпусѣ, при дворѣ, почти на глазахъ императорской фамиліи; юноша, который защитилъ бы императора собственнымъ тѣломъ, если-бъ видѣлъ, что ему грозитъ рука цареубійцы, и который бросился за нимъ, вопреки требованіямъ этикета, когда считалъ его въ опасности, за что получилъ неожиданную похвалу: «Ты здѣсь? Молодецъ...», какимъ образомъ усердный почитатель поэтовъ, самъ авторъ нѣсколькихъ повѣстей, любитель театральнаго искусства, настолько возгордившійся послѣ первыхъ аплодисментовъ, что нѣкоторое время мечталъ поступить на сцену; какимъ образомъ, путешественникъ, занятый географическими, этнографическими и этнологическими задачами, изслѣдователь Манчжуріи, членъ и секретарь Петербургскаго географическаго общества — сдѣлался впослѣдствіи анархистомъ Бородинымъ, котораго полиція заточаетъ въ Петропавловскую крѣпость, Левашевымъ, который высаживается въ Лондонѣ, чудеснымъ образомъ бѣжавъ изъ военнаго госпиталя, отъ штыковъ часовыхъ, агитаторомъ, котораго сажаютъ въ тюрьму во Франціи, странѣ самой широкой свободы, писателемъ, который называетъ оскорбительнымъ словомъ *аристократишки* людей, среди которыхъ родился и выросъ, и *берлогой* — дворецъ царя, которому служилъ и которого любилъ; авторомъ, наконецъ, *Рѣчей революціонера* и *Завоеванія хлѣба*!»*)

* * *

Да, какимъ образомъ П. А. Кропоткинъ совершилъ такой крупный поворотъ, какія мотивы, переживанія толкнули его на это? Развѣ это не сложная психологическая проблема? Не врожденныя же были тѣ свойства, которыя оказались у него впослѣдствіи. *Записки революціонера* отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Изъ этои книги мы узнаемъ, что душевный переворотъ готовился въ П. А. Кропоткинѣ мало по малу. Равновѣсіе нарушилось между нимъ и окружающею средою, эра страданія, исканія начались, выходъ въ ту или иную сторону долженъ былъ найтись. Все, что онъ видитъ вокругъ себя, не только неспособно возстановить нарушенное равновѣсіе и устранить переживаемые имъ душевные конфликты, но, наоборотъ усугубляетъ и обостряетъ ихъ. Полнѣйшее безсиліе сдѣлать что-нибудь такое, что могло бы удовлетворить его порывы, его стремленія, еще болѣе обостряетъ его желаніе найти выходъ. Среда, въ которой онъ живетъ, противустоитъ всѣмъ его порывамъ и мѣшаетъ ему жить и дѣйствовать «по своей мечтѣ». Чѣмъ ближе онъ подходитъ къ жизни, тѣмъ яснѣе видитъ передъ собою громадное дѣло, но способы, которые рекомендуются для его выполненія, безнадежно плохи, безсильны и безсмысленны; ни люди ни правительство, которыхъ онъ видитъ на дѣлѣ, не внушаютъ ему довѣрія; не то дѣлается, не то чувствуется, что нужно дѣлать и чувствовать. Что дѣлать, гдѣ и въ чемъ искать выходъ? При такихъ условіяхъ въ жизни человѣка наступаетъ такой моментъ острыхъ болѣзненныхъ ощущеній, что онъ долго въ нерѣшительности остаться не можетъ: гармонія нарушена, ее нужно возстановить. Способность къ дѣйствію въ такихъ случаяхъ, благодаря множеству и разнообразію воспринятыхъ ощущеній, увеличивается, вся нервная система находится въ до крайности напряженномъ состояніи, силы накоплены, сознаніе, какъ бы сказать, заряжено. Всѣ эти сгустившіяся внутреннія силы должны непремѣнно выявиться, для этого достаточенъ малѣйшій поводъ. Въ такомъ душевномъ состояніи П. А. Кропоткинъ, въ финляндскихъ глетчерахъ, встрѣчается лицомъ къ лицу съ безцвѣтной, полуголодной жизнью крестьянина; вся она предстала передъ нимъ со всей своей силой, со всей ясностью; и та картина жизни и труда народа, которую онъ видѣлъ тогда передъ собой, дала послѣдній толчекъ его мысли, его чувствамъ... Эволюція мало по малу дозрѣла, взрывъ не замедлитъ воспослѣдствовать. Естественнымъ процессомъ проблема *поставилась, обострилась*, она должна была быть или разрѣшена или устранена. Психологическую проблему о воздѣйствіи и противодѣйствіи системъ біологическихъ и психичеекихъ процессовъ П. А. Кропоткинъ иллюстрируетъ своею собственною духовною эволюціею. Доктрина и человѣкъ, тутъ, какъ вездѣ, составляютъ одно цѣлое.

* * *

Такою-же цѣльностью, такимъ-же синтетическимъ характеромъ отличаются взгляды П. А. Кропоткина на исторію, вообще, и на взаимоотношенія личности, группъ и массъ въ народныхъ движеніяхъ въ частности. Если мыслитель для объясненія историческаго вообще, и тѣхъ или иныхъ историческихъ событій въ частности, старается выяснить значеніе всѣхъ фактовъ, учесть значеніе всѣхъ условій, всѣхъ причинъ, это не значитъ «замазывать» противорѣчія. Наоборотъ, стремленіе къ опредѣленію *всѣхъ* условій, вызывающихъ данное явленіе и дающихъ ему то или иное направленіе, тотъ или иной характеръ и является залогомъ того, что противорѣчія въ толкованіи исторіи будутъ доведены до возможнаго минимума.

*) Ray. «La Philosophie moderne».

**) Тамъ же.

*) Де-Роберти. *Петръ Кропоткинъ (личность и доктрина)*.

«Я думаю, говоритъ Ковалевскій, что выражу не только кратко, но весьма опредѣленно мою завѣтную точку зрѣнія, сказавши, что соціологія значительно выиграетъ отъ того, если забота объ отысканіи фактора, да и вдобавокъ еще первичнаго и главнѣйшаго, постепенно исключена будетъ изъ сферъ ея ближайшихъ задачъ, если въ полномъ соотвѣтствіи съ сложностью общественныхъ явленій, она ограничится указаніемъ на одновременное и параллельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ». *)

Мы думаемъ, что выразимъ завѣтную точку зрѣнія П. А. Кропоткина, сказавши, что онъ всегда былъ противникомъ введенія, какъ въ соціологію, такъ и въ исторію такихъ однобокихъ концепцій, каковыми являются понятія первичныхъ и главнѣйшихъ факторовъ.

Намъ вспоминается рѣчь, сказанная П. А. Кропоткинымъ въ 1907 году въ Парижѣ. Его спросили, какъ онъ относится къ вопросу о монистическомъ пониманіи исторіи. Онъ въ своемъ отвѣтѣ, между прочимъ, привелъ слѣдующій примѣръ. Допустимъ, сказалъ онъ, что я изучаю жизнь растенія, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ влагу, питательныя вещества, просторъ, однимъ словомъ все за исключеніемъ лучей солнца. Я констатирую, что жизнь растенія течетъ ненормально, оно растетъ съ трудомъ, блекнетъ и, наконецъ, умираетъ. Свѣтъ, значитъ, для него необходимъ. Но что сказали-бы ботаники, если бы я отсюда вывелъ то заключеніе, что свѣтъ является первичнымъ и единымъ факторомъ въ жизни растенія? Они сказали-бы, и не безъ основанія, «заврался старикъ». То же самое продолжалъ онъ, сказали-бы они, если-бы я взялъ какой-нибудь другой элементъ, такъ же необходимый какъ и свѣтъ, и сталъ-бы утверждать, что онъ есть единый творецъ жизни растенія. Никакія явленія, тѣмъ паче такое сложное явленіе, какъ историческая жизнь народовъ, нельзя изучать однобоко; нужно наоборотъ, взять всѣ условія, всѣ причины, безъ какого-бы то ни было дѣленія на первичныя и главнѣйшія, всѣ вліянія, какими-бы незначительными они не казались, если мы желаемъ, что бы явленіе было изучено всесторонне, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, во всей своей сложности.

Эти слова намъ врѣзались въ память, намъ и раньше было извѣстно, что П. А. Кропоткинъ является сторонникомъ синтетическаго пониманія исторіи согласно со всѣмъ характеромъ его философскихъ взглядовъ; но этотъ примѣръ, по удивительной простотѣ и ясности своей, сдѣлался для насъ ключемъ къ пониманію его философіи исторіи. Намъ, однакожъ, приходилось слышать, что П. А. Кропоткинъ, въ свою очередь, то же пытается, молъ, установить іерархію фактовъ, сведя въ своей книгѣ *Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи* трагизмъ исторіи къ тремъ факторамъ: *борьбѣ, взаимопомощи* и *самоутвержденію личности.* **) Одинъ изъ этихъ трехъ факторовъ онъ изслѣдовалъ въ книгѣ *Взаимопомощь*, стоившей ему семи лѣтъ упорнаго труда. Но, вѣдь, каждый изъ этихъ факторовъ, до такой степени сложенъ, содержаніе ихъ настолько разнообразно, что и тутъ приходится остаться вѣрнымъ все той-же синтетической концепціи. Сама взаимопомощь среди животныхъ и людей настолько разнообразна по формѣ и содержанію, что ея однобокое освѣщеніе не могло бы создать того блестящаго труда, какимъ является «Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи».

* * *

Взаимная связь историческихъ событій, все ихъ глубокое и разнообразное содержаніе не могутъ быть объяснены единой причиной, единымъ факторомъ, хотя-бы главнѣйшимъ, если, конечно, этому единому творцу не приписать божеской силы, какъ это дѣлаетъ религія. Историческій процессъ не представляетъ собою нѣчто однородное, что можно было-бы объяснить такой-же однородной причиной. При объясненіи историческаго процесса мало даже такого широкаго мѣрила, какъ воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ, ибо и послѣ выясненія *многихъ* воздѣйствующихъ и противодѣйствующихъ причинъ, всегда останется цѣлый рядъ другихъ причинъ, которыя впослѣдствіи должны быть выяснены и изучены для болѣе яснаго и полнаго пониманія исторіи. *Научное* изученіе исторіи трудно потому, что ее въ лабораторномъ опытѣ не уловишь, не вмѣстишь въ реторту, она слишкомъ для этого сложна, нити, связывающія даже событія, которыя мы называемъ крупными, слишкомъ тонки. Историческій процессъ образуется изъ переплетенія безконечно малыхъ разнородныхъ элементовъ, складывающихся на тысячи ладовъ и, въ конечномъ счетѣ, дающихъ равновѣсіе или неравновѣсіе громадныхъ силъ, образующихъ исторію; тутъ, какъ мы видимъ, рѣчь идетъ не о воздѣйствіи и противодѣйствіи простыхъ силъ, а сложныхъ системъ силъ. Всякое продолжительно вліяющее условіе, всякое учрежденіе, по тѣмъ или инымъ причинамъ пріобрѣвшее значеніе въ исторіи, всякая энергія, независимо отъ формы, всякое преломленіе общественной энергіи, независимо отъ размѣровъ, имѣетъ свою собственную цѣнность, свое особое самостоятельное назначеніе.

Исторія должна повѣствовать и описывать; чѣмъ полнѣе повѣствованіе, чѣмъ полнѣе и подробнѣе освѣщены факты, тѣмъ легче дѣлается задача ихъ толкованія, обобщенія и приведенія въ связь этихъ толкованій, а также выясненія общаго значенія фактовъ; въ этомъ и только въ этомъ и заключается задача исторіи. Слѣдовательно, въ исторіи нѣтъ мелочей, которыя можно было бы оставить безъ вниманія, нѣтъ іерархіи фактовъ, а потому философія исторіи не хочетъ согласиться съ этимъ дѣленіемъ фактовъ на первичныхъ и главнѣйшихъ. Самый главнѣйшій изъ главнѣйшихъ факторовъ есть *сумма* дѣйствія безконечно малыхъ, складывающихся съ такими же безконечно малыми другого порядка и, въ концѣ концовъ, создающихъ ту причину, которая выдается за первичную и главнѣйшую и которая, на самомъ дѣлѣ, не есть ни первичная, ни главнѣйшая, а нѣчто производное.

То же самое можно сказать о роли личности въ исторіи, которая также рекомендуется за главнѣйшій и первичный историческій факторъ. Личность тоже есть сумма, въ только что указанномъ нами смыслѣ. Вѣра и убѣжденіе, идеалы и стремленія, страданіе и радость, борьба и миръ, побѣда и пораженіе, жизнь и трудъ личности — суть тѣ же безконечно малыя, которыя создаютъ ее — носителя жизнью опредѣленной воли. Личность тоже есть объективное данное, она вклеена въ объективный процессъ, но характерная черта ея дѣятельности заключается въ томъ, что она выявляетъ ходъ объективнаго процесса. Нуженъ же какой нибудь сосудъ, который воспринималъ-бы, всасывалъ и перерабатывалъ измѣненія, происходящія въ окружающей средѣ. Личность есть та часть объективнаго процесса, которая, выявляя этотъ процессъ, дѣлаетъ возможнымъ воздѣйствіе на него. Слѣдовательно, личность есть одна изъ безконечныхъ причинъ, создающихъ исторію. Она — живая энергія, подстрекатель, зачинщикъ болѣе широкой дѣятельности группъ и массъ. Великое широкое движеніе, всякая революція — не исключая и такъ называемыхъ стихійныхъ, которыя являются взрывами долго сдерживаемой энергіи, — начинается съ низовъ, съ личностей, первыхъ носителей духа возмущенія (l'esprit de révolte); если духъ возмущенія все растетъ и развивается, онъ выливается въ возстаніе, бунтъ (la révolte), который, въ свою очередь, если условія благопріятны, расширяются, углубляются и превращаются въ революцію — въ дѣйствіе массъ. Эта серія: духъ возмущенія, возстаніе, революція выдумана не нами, а принадлежитъ П. А. Кропоткину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность личности (носителя духа возмуще-

*) Максимъ Ковалевскій. «Современные соціологи», стр. XIV.

**) «Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи». Предисловіе.

нія, зачинщика и подстрекателя къ болѣе широкой дѣятельности), группъ, могущихъ сыграть роль иниціативнаго революціоннаго меньшинства, и массы, творца революціи, строго связаны между собою, и намъ трудно понять, какое противорѣчіе могъ усмотрѣть тутъ, историкъ Карѣевъ, посвятившій въ *Русскомъ Богатствѣ* подробную статью книгѣ П. А. Кропоткина: *Великая Революція*.

* * *

Опредѣленная идеологія, опредѣленныя стремленія не могутъ сразу, внезапно охватить массы; они зрѣютъ сначала въ отдѣльныхъ головахъ, крупныхъ и малыхъ и, наконецъ, даютъ въ своемъ синтезѣ духовное состояніе, вѣрованія и стремленія массъ, подъемъ духа, работу мысли; и, такимъ образомъ, подготовляютъ почву для героической и творческой дѣятельности, какъ личности, такъ и массъ. Изъ исторіи нельзя устранить элемента воли, она проявляется и должна проявляться, когда дѣятельность исторіи принимаетъ характеръ цѣлестремительности. Жизнь, конечно, должна предварительно опредѣлить волю личности, группъ и массы. Когда воля ихъ опредѣлена, тѣмъ самымъ опредѣлено и ихъ направленіе, энергія мало по малу накопляется и накопленная энергія рано или поздно должна выявиться.

Жизнь и дѣятельность такихъ людей, какъ П. А. Кропоткинъ, и служатъ тому, чтобы подготовить эти живые творческіе элементы, которые и дѣлаются творцами будущаго.

К. Оргеіани.

ПРИМѢНЕНІЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАГО МЕТОДА КЪ СОЦІОЛОГІИ ВЪ МІРОСОЗЕРЦАНІИ П. А. КРОПОТКИНА.

Во всѣхъ странахъ, на всѣхъ языкахъ, каждая группа, каждая газета на свой ладъ — повсюду товарищи чествуютъ 9-го декабря 70-лѣтіе нашего общаго друга и учителя, Петра Алексѣевича Кропоткина. Мы, «анархисты русскаго нарѣчія» — какъ выражались когда-то — можемъ и должны тоже сказать свое слово, и какъ члены великой интернаціональной семьи, и какъ дѣти той страны, которая дала намъ П. К. Кропоткина, была первымъ поприщемъ его общественной дѣятельности и — будемъ надѣяться — будетъ еще поприщемъ его дѣятельности въ будущемъ.

Для чествованія 9-го декабря издательская группа «Рабочаго Міра» обратилась къ сотрудничеству товарищей, принадлежащихъ къ разнымъ оттѣнкамъ анархической мысли и къ разнымъ группамъ русскаго анархическаго движенія. Всѣ они нашли возможнымъ сойтись на этомъ номерѣ, посвященномъ исключительно личности и идеямъ того, кому мы всѣ обязаны своимъ анархическимъ міросозерцаніемъ. И для тѣхъ, кто въ вопросахъ, еще недавно раздѣлявшихъ между собою различныя направленія, всего ближе стоялъ ко взглядамъ П. А. Кропоткина, особенно цѣнно и знаменательно это объединеніе вокругъ его имени.

* * *

Повсюду въ эту минуту мысль товарищей работаетъ надъ изложеніемъ, выясненіемъ, разборомъ разныхъ сторонъ того богатаго вклада, которымъ обязана и общественная, и научная мысль необыкновенно разносторонней и плодотворной дѣятельности П. А. Кропоткина. Посреди этихъ обширныхъ горизонтовъ мысли, каждому изъ насъ приходится поневолѣ выбирать какой-нибудь уголокъ и дѣлиться съ товарищами своими соображеніями лишь въ этой ограниченной области.

Въ этой статьѣ мы хотѣли бы остановиться на одномъ вопросѣ, имѣющемъ, по нашему мнѣнію, самое серьезное значеніе для всякаго, кто чувствуетъ потребность въ цѣльномъ міросозерцаніи, охватывающемъ всѣ области теоріи и практики: на примѣненіи метода, выработаннаго положительною наукою, къ спорнымъ и шаткимъ положеніямъ соціологіи — въ томъ видѣ, какъ это примѣненіе намѣчается въ произведеніяхъ П. А. Кропоткина. Само собою разумѣется, что ни о какомъ сколько-нибудь пространномъ изложеніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; да оно и не нужно: всѣ товарищи сами черпали изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ въ настоящую минуту черпаемъ мы. Все, что мы имѣемъ въ виду, это обратить ихъ вниманіе на нѣкоторыя, опредѣленныя стороны системы соціологическихъ взглядовъ П. А. Кропоткина.

П. А. Кропоткинъ самъ опредѣляетъ свое міросозерцаніе какъ построенное на естествознаніи, на примѣненіи методовъ мышленія, принятыхъ въ естественныхъ наукахъ, ко всѣмъ вопросамъ, философскимъ и соціальнымъ, теоретическимъ и практическимъ. Въ чемъ сказывается у него это приложеніе естественно-научнаго метода тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросахъ, составляющихъ основу соціологіи: о природѣ тѣхъ явленій, которыя мы опредѣляемъ какъ соціальныя, объ источникахъ и происхожденіи общественной связи, о факторахъ развитія общества и объ общемъ направленіи этого развитія?

Мы можемъ, мнѣ кажется, намѣтить въ соціологическихъ взглядахъ П. А. Кропоткина три основныхъ черты, находящихся въ прямой зависимости отъ этого общаго методологическаго принципа. Это, во первыхъ, преобладающая роль, которую играютъ у него т. наз. конкретныя науки объ обществѣ — этнографія, исторія культуры, исторія и т. д. — по сравненію съ апріорными соціологическими системами. Это, во вторыхъ, примѣненіе дедуктивнаго метода къ вопросу о томъ, съ чего должно начинаться изученіе жизни общества. Это, наконецъ, построеніе этики на основаніи результатовъ, добытыхъ естественными науками. *)

Конкретныя науки объ обществѣ, какъ извѣстно, родились и получили блестящее развитіе въ ту богатую умственною жизнью эпоху, когда умами овладѣла эволюціонная теорія, когда пропасть, существовавшая между человѣческимъ міромъ и міромъ другихъ органическихъ существъ, закрылась, и къ изученію перваго стали примѣнять тѣ самые пріемы, которые привели къ такимъ цѣннымъ результатамъ въ изученіи второго. Вся богатѣйшая литература, которая существуетъ теперь о жизни дикихъ народовъ и первобытнаго человѣка, объ ихъ культурѣ, объ исторіи религій, общественныхъ учрежденій, экономической жизни, техникѣ и т. д., и т. д., обязана своимъ существованіемъ торжеству эволюціонной точки зрѣнія въ біологіи. Эти изслѣдованія создали ничто иное какъ *естественную исторію человѣка*, и теперь знакомство съ нею составляетъ необходимое условіе всякой соціологической работы. Мы знаемъ, какое громадное количество фактовъ, добытыхъ именно въ этихъ областяхъ знанія, легло въ основу «Взаимопомощи среди животныхъ и людей, и какъ эти факты, вмѣстѣ съ другими, почерпнутыми изъ жизни животныхъ, привели П. А. Кропоткина къ тому, что онъ отмѣтилъ, какъ существенную черту жизни всѣхъ обществъ — цивилизованныхъ и дикихъ, и даже не только человѣческихъ, но и животныхъ — развитіе въ нихъ различныхъ видовъ *взаимной поддержки*. Унаслѣдованная отъ животнаго міра, гдѣ она является важнымъ факторомъ, обезпечивающимъ выживаніе даннаго вида въ борьбѣ за существованіе, взаимопомощь обнаружилась уже на зарѣ жизни человѣчества и была даже необходимымъ условіемъ его появленія на землѣ: не будь нашъ обезьяноподобный предокъ животнымъ общественнымъ, онъ никогда не выработался бы въ настоящаго человѣка. Дальше, въ человѣческой исторіи, стремленіе къ взаимопомощи проходитъ красною нитью черезъ всѣ эпохи. «Всякій разъ, когда человѣчеству предстояло выработать новую соціальную организацію, приспособленную къ новой фазѣ развитія, его созидательный геній всегда почерпалъ вдохновеніе и необходимые ему элементы изъ этой вѣчно живой тенденціи. Новые экономическіе и соціальные институты, поскольку они являются твореніемъ массъ, новыя этическія системы и новыя религіи, — всѣ они появлялись на свѣтъ божій изъ одного и того же источника, и этическій прогрессъ нашей расы, въ своихъ существеннѣйшихъ чертахъ, является лишь постепеннымъ расширеніемъ принциповъ взаимопомощи съ племени на все большіе и большіе агломераты, вплоть до того момента, когда въ одинъ прекрасный день они, наконецъ, не охватятъ все человѣчество, безъ различія вѣры, языка и расы. **)

Расширеніе принциповъ общественности лежало во всѣ вѣка въ основѣ освободительныхъ народныхъ движеній, и во всѣ вѣка точно также боролось съ ними государство во имя своего, совершенно обратнаго, стремленія: разбить всѣ общественныя связи, «распылить» общество, изолировать людей другъ отъ друга, чтобы всѣхъ ихъ вмѣстѣ подчинить своей власти. Это — борьба общества съ государствомъ, борьба между двумя созданіями исторіи, которыя такимъ образомъ, не только не являются связанными между собою фактически и логически, но совершенно противуположными по духу и интересамъ. Дѣйствительною общественною связью, единственною, которая обезпечиваетъ существованіе общественной жизни, является въ этомъ антагонизмѣ связь добровольная, унаслѣдованная человѣчествомъ отъ всего его прошлаго, опирающаяся именно на потребность взаимопомощи. Роль же госу-

*) Замѣтимъ, кстати, что этика играетъ въ соціологическомъ міровоззрѣніи П. А. Кропоткина гораздо болѣе существенную роль, чѣмъ въ большинствѣ другихъ соціологическихъ, въ частности соціалистическихъ теорій, и что ту потребность въ построеніи соціалистической этики, на необходимость которой указываетъ, между прочимъ, В. Черновъ въ своей статьѣ «Этика и политика» («Завѣты» № 2) П. А. Кропоткинъ почувствовалъ и попытался удовлетворить уже давно.

**) «Взаимопомощь среди животныхъ и людей», глава: «Взаимопомощь въ новѣйшее время».

дарства всегда сводилась къ ослабленію этой связи, которая въ наши дни у цивилизованныхъ народовъ живетъ лишь въ угнетенныхъ классахъ, да въ борющихся за освобожденіе группахъ. Широкое развитіе ея цѣликомъ лежитъ въ будущемъ, когда исчезновеніе государства дастъ просторъ общественнымъ инстинктамъ человѣчества.

* * *

Въ брошюрѣ «Анархія, ея философія, ея идеалъ» указывается другая основная черта примѣненія естественно-научныхъ методовъ мышленія къ изученію явленій общественныхъ. Естественныя науки, по самому характеру своему, имѣютъ дѣло только съ реальными предметами, реальными явленіями, реальными существами; когда, восходя отъ нихъ къ общимъ выводамъ, онѣ пользуются абстрактными понятіями, онѣ никогда не забываютъ, что это именно — не болѣе какъ *понятія*, необходимыя для насъ по условіямъ нашего мышленія, но не имѣющія никакого самостоятельнаго существованія. Это — во-первыхъ. Во-вторыхъ, тенденція современнаго естествознанія — начинать изученіе не съ крупныхъ аггрегатовъ, а съ мельчайшихъ частицъ, ихъ составляющихъ (въ химіи — съ атомовъ, въ біологіи — съ клѣтокъ и т. д.). Если мы приложимъ тотъ же методъ къ соціологіи, то придемъ къ заключенію, что изученіе человѣческаго бощества должно начинаться съ изученія составляющихъ его единицъ, т. е. отдѣльныхъ *личностей*. Только за ними мы можемъ признать дѣйствительное существованіе; все остальное — общество, государство, право, законъ — ничто иное, какъ понятія, созданныя для обозначенія извѣстныхъ взаимоотношеній личностей между собою, но сами по себѣ никакого самостоятельнаго существованія не имѣющія, а потому не имѣющія ни интересовъ, ни правъ, ни судебъ, отдѣльныхъ отъ интересовъ, правъ или судебъ составляющихъ общество единицъ. Какое же основаніе, кромѣ пережитковъ стараго метафизическаго реализма, могутъ имѣть подъ собою всѣ тѣ системы, которыя признаютъ самодовлѣющее значеніе за всѣми этими абстракціями и интересы реальныхъ личностей приносятъ въ жертву то интересамъ Государства, то интересамъ Общества то интересамъ Производства?

Общественныя формы существуютъ *для* личностей и благодаря тому, что въ этихъ личностяхъ живетъ неотъемлемый отъ человѣка духъ общественности. Исторія идетъ не черезъ голову личностей, унося ихъ куда-то въ своемъ теченіи, а происходитъ только черезъ *ихъ* посредство; на *нихъ*, на создаваемыхъ *ими* общественныхъ формахъ лежитъ дѣло прогресса.

Нельзя не отмѣтить здѣсь точки соприкосновенія между П. А. Кропоткинымъ и соціологами русской субъективной школы. Какъ и у нихъ, прогрессъ здѣсь разсматривается какъ прогрессъ *активный*, какъ и у нихъ, этотъ прогрессъ заключается одновременно въ «наиболѣе полномъ развитіи личности» и во «внесеніи истины и справедливости въ общественныя формы» — говоритъ П. Л. Лавровъ, въ «наибольшемъ развитіи добровольныхъ союзовъ», въ наступленіи «свободнаго коммунизма», «равенства на дѣлѣ» — говоритъ П. А. Кропоткинъ Есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто общее въ соціологическихъ взглядахъ П. А. Кропоткина, какъ, впрочемъ, и во взглядахъ нашихъ субъективистовъ, съ системою Лерстера Уорда, тоже основанною на активномъ вмѣшательствѣ личности. Тѣмъ не менѣе ни къ одной изъ этихъ школъ П. А. Кропоткина причислить нельзя — опять таки вслѣдствіе того, что онъ вездѣ становится на точку зрѣнія естествоиспытателя. Лавровъ, напримѣръ, беретъ личность такъ какъ она есть и разсматриваетъ ее въ исторической жизни: работу ея мысли, ея вліяніе на общественныя формы, преобразованіе этихъ формъ и т. д... *До* того момента, когда данная личность становится соціологическимъ факторомъ, она не подлежитъ его изслѣдованію. П. А. Кропоткинъ, наоборотъ, ставитъ именно вопросъ о *предварительной* эволюціи этой дѣйствующей личности, о томъ, что заставляетъ ее создавать прогрессъ именно въ направленіи расширенія справедливости, равенства и общественности. Иными словами, онъ спрашиваетъ себя: какіе факты психической жизни могутъ дать намъ указанія на источникъ этихъ стремленій?

* * *

Въ классификаціи наукъ, данной Контомъ, явленія, изучаемыя каждою данною наукою, находятъ себѣ, какъ извѣстно, объясненіе въ явленіяхъ и законахъ науки, стоящей на непосредственно предшествующей ступени. Вслѣдъ за физикою, основанною на механикѣ, за химіею, основанною на физикѣ, мы находимъ біологію, ищущую ключа къ объясненію явленій въ результатахъ физики и химіи. За біологіею въ системѣ Конта слѣдуетъ соціологія: отъ изученія отдѣльнаго организма мы переходимъ къ изученію совокупности органганизмовъ.

Такой ходъ мысли является во времена Конта совершенно естественнымъ; это было единственно-возможное примѣненіе строго-научнаго метода. А между тѣмъ попытки непосредственнаго приложенія біологическихъ данныхъ къ явленіямъ соціологіи оказались неудачными: наиболѣе крупная и наиболѣе совершенная изъ нихъ — теорія Спенсера — построена не болѣе, какъ на простой аналогіи, на смѣшеніи физіологическаго раздѣленія труда съ соціальнымъ, и, кромѣ того, слишкомъ оно обнаруживаетъ пристрастіе ея творца къ вполнѣ опредѣленной формѣ общественнаго порядка — къ той формѣ, которая основана на раздѣленіи общества на классы. Откуда же взялось это противорѣчіе между совершенно вѣрною исходною точкою: необходимостью опираться на естествознаніе при изученіи общественныхъ наукъ, и печальными результатами, полученными на этомъ поприщѣ?

Разрѣшеніе этого противорѣчія соціологическая мысль нашла уже послѣ Конта: тогда, когда психологія, которая во времена Конта была умозрительною и связывалась скорѣе съ метафизическою философіею, чѣмъ съ естествознаніемъ (потому-то она и не вошла въ его классификацію), стала дѣлаться положительною наукою. Для этого она воспользовалась съ одной стороны *изученіемъ функцій нервной системы*, съ другой — сравнительнымъ изученіемъ *различныхъ проявленій психической жизни у животныхъ и у людей*. Она оказалась тогда тѣмъ промежуточнымъ звеномъ между біологіей и соціологіей, отсутствіе котораго дѣлало тщетными всѣ попытки перескочить непосредственно отъ первой ко второй.

«Ученіе о природѣ общежитія», — говоритъ М. М. Ковалевскій *) — «стоитъ очевидно въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ ученіемъ о жизни организмовъ, жизни органической и психической... Происходящій въ настоящее время переворотъ въ сферѣ психологіи, ея все большій и большій разрывъ съ метафизикой и переходъ частью въ психо-физику, частью въ психо-соціологію, въ которой субъективный методъ самонаблюденія уступаетъ мѣсто болше объективному, — наблюденія надъ психикой кружковъ, толпы, націй и т. д., въ свою очередь вызываетъ необходимость пересмотра многаго изъ того, что считалось уже болѣе или менѣе установленнымъ въ соціологіи».

Въ настоящее время всякая попытка примѣненія естественно-научныхъ данныхъ къ соціологіи должна, такимъ образомъ, пройти черезъ посредство психологіи. Въ соціологическихъ построеніяхъ П. А. Кропоткина мы встрѣчаемся именно съ этимъ пріемомъ, подсказываемымъ всею современною наукою: между біологіею и соціологіею лежитъ у него сравнительная психологія. Мы видѣли это, когда говорили о роли *взаимопомощи*: развитіе этого психическаго фактора прослѣживается сравнительно у животныхъ и у человѣка до-историческаго и историческаго. То же самое можно сказать о такихъ психическихъ свойствахъ личности, какъ состраданіе, общительность, солидарность и проч. Появленіе на сцену научной психологіи дало П. А. Кропоткину возможность поставить и разсмотрѣть вопросъ о томъ, откуда берутся у личности, носительницы прогресса, ея лучшія стремленія. Это приводитъ насъ къ вопросу о научномъ обоснованіи этики.

* * *

Какія требованія можно, вообще говоря, предъявлять къ попыткамъ научнаго изученія вопроса о нравственности? Можемъ-ли мы ожидать отъ нихъ выработки системы нравственныхъ правилъ, исполненія которыхъ потребуютъ отъ насъ на основаніи такого общаго принципа, передъ которымъ должны склоняться наши индивидуальныя желанія? Можетъ-ли, другими словами, наука выработать намъ кодексъ *обязательной* нравственности, и на чемъ можетъ она основать эту обязательность?

Очевидно, нѣтъ. Все, что можетъ дать намъ работа науки это — указанія на то, *откуда произошло* нравственное чувство, какую роль оно играетъ въ физическомъ и духовномъ благополучіи человѣка и какія формы и степени развитія его *наиболѣе полно удовлетворяютъ его психическимъ потребностямъ*. А затѣмъ уже наше дѣло будетъ, слѣдовать или не слѣдовать этимъ указаніямъ: отъ этого будетъ зависѣть только сумма нашего собственнаго счастья. Другой обязательности для насъ научное изученіе нравственнаго чувства создать не можетъ.

Этимъ основнымъ положеніемъ руководствуется П. А. Кропоткинъ въ своихъ работахъ по этикѣ. Ни о какомъ обстоятельномъ изложеніи хода его мышленія въ этихъ сложныхъ вопросахъ здѣсь не приходится даже и мечтать. Оно, кромѣ того, было бы излишне: въ «Нравственныхъ началахъ анархизма» намъ это изложеніе дается въ настолько ясной и сжатой формѣ, что намъ лучше всего отослать товарищей къ нему. Напомнимъ только нѣкоторыя черты этой системы нравственности, особенно ясно указывающія на ея естественно-научное. сравнительно-психологическое основаніе. «Каковъ бы ни былъ поступокъ человѣка, какой бы образъ дѣйствія онъ не избралъ, *онъ всегда поступаетъ такъ, повинуясь потребности своей природы...* Искать удовлетворенія потребности, избѣгать того, что мучительно, таковъ всеобщій фактъ (другіе скажутъ «законъ») жизни. Въ этомъ

*) «Современные соціологи». Вступленіе, стр. VII.

— самая сущность жизни. Безъ такого исканія удовлетворенія, жизнь стала бы невозможною. Организмъ распался бы, прекратилось бы существованіе». *) Это — первое положеніе. Но «слѣдуетъ-ли изъ этого, что поступки человѣка безразличны», что нѣтъ на свѣтѣ ни добра, ни зла, разъ все естественно вытекаетъ изъ природы вещей? Вовсе нѣтъ: различные пріятные и отвратительные запахи, напримѣръ, тоже вытекаютъ изъ природы вещей, и однако никто не скажетъ, что они безразличны для человѣческаго обонянія. Точно также наше чувство возмущается противъ извѣстнаго рода поступковъ и, наоборотъ мы чувствуемъ удовольствіе при видѣ другихъ, которые находимъ хорошими. Это различіе, которое мы неизбѣжно дѣлаемъ — тоже въ порядкѣ вещей, и тоже связано съ самой нашей природой.

«Понятіе о добрѣ и злѣ существуетъ, такимъ образомъ, въ человѣчествѣ. На какой-бы низкой ступени умственнаго развитія не стоялъ бы человѣкъ, какъ-бы ни были запутаны его мысли всякими предразсудками или соображеніями о личной выгодѣ, онъ все-таки считаетъ добромъ то, *что полезно обществу, въ которомъ онъ живетъ и зломъ — то что вредно этому обществу*». («Нравственныя начала», стр. 29.) Происхожденіе этого понятія легко объяснимо: оно выработалось еще въ животномъ царствѣ (конечно, не какъ понятіе, а какъ общественная привычка), какъ орудіе самосохраненія въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями. Въ этомъ — источникъ нашего нравственнаго чувства, въ частности — нашего понятія о равенствѣ и справедливости.

Но это еще не вся нравственность. Мы знаемъ, что есть у людей способность отдавать другимъ, наперекоръ строгой справедливости, больше, чѣмъ они сами получаютъ отъ нихъ. Есть подвиги самоотверженія — громкіе и тихіе. Это — «нравственность будущаго», истинная нравственность. Чѣмъ же объясняется эта способность къ самоотверженію?

П. А. Кропоткинъ находитъ отвѣтъ на это у Гюйо (который самъ пользовался очень широко работами такихъ извѣстныхъ психологовъ, какъ Рибо). «Въ основѣ этихъ проявленій человѣческой природы, писалъ Гюйо, лежитъ *сознаніе своей собственной силы. Это — жизнь бьющая черезъ край, стремящаяся проявиться*... Чувствуя внутренно, что мы *способны* сдѣлать... мы тѣмъ самымъ приходимъ къ сознанію, что мы *должны* сдѣлать». Эта трата силъ — необходимое условіе жизни: «*жизнь можетъ поддерживаться, только расточаясь*». («Нравственныя начала» стр. 54 и 55).

И чѣмъ больше даетъ человѣкъ своей энергіи, тѣмъ полнѣе его жизнь, тѣмъ выше его счастье. Отдавая, онъ не только не насилуетъ свою психическую природу, а поступаетъ именно въ соотвѣтствіи съ нею. Насилуютъ ее тѣ неблагопріятныя условія, которыя мѣшаютъ этому расцвѣту нравственныхъ силъ, съуживаютъ, сдавливаютъ горизонтъ нравственной дѣятельности. Научное изслѣдованіе развитія нравственнаго чувства показываетъ намъ, что высшая степень этого развитія совпадаетъ съ высшею степенью гармоническаго удовлетворенія психическихъ потребностей человѣка.

На этомъ мы кончимъ. Есть особенное величіе въ томъ, что работа научной мысли, начавшись въ какихъ-нибудь микроскопическихъ изслѣдованіяхъ клѣтки. поднимаетъ насъ затѣмъ на такія вершины нравственности, гдѣ захватываетъ духъ. До этихъ высотъ никогда не достичь тому, кто источникъ вѣры въ человѣка ищетъ не въ человѣкѣ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его стоящемъ... Этой вѣрѣ насъ учитъ вся жизнь, вся дѣятельность того, кому мы посылаемъ горячій привѣтъ въ день 9-го декабря, кто показалъ намъ, какъ можетъ человѣкъ «расточать свое чувство, свой разумъ и свою активную силу на служеніе человѣчеству, ничего не требуя себѣ въ замѣнъ».

М. Корнъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ТВОРЧЕСТВА П. А. КРОПОТКИНА.

Въ предисловіи къ «Запискамъ революціонера», критикъ Брандесъ, между прочимъ, замѣчаетъ: по мнѣнію Кропоткина, «основой всякой организаціи должна служить высоко-нравственная личность. Это какъ разъ приложимо къ нему самому. Жизнь создала изъ него *краеугольный камень будущаго строя*». (Курсивъ нашъ). И еще: «авторъ (Кропоткинъ) не принадлежитъ къ числу лицъ, которыя охотно говорятъ о себѣ; когда ему приходится упомянуть о себѣ, то онъ дѣлаетъ это, какъ будто противъ воли и съ нѣкоторой робостью. Авторъ не говоритъ ни о своихъ недостаткахъ, ни о своихъ добродѣтеляхъ; онъ не вступаетъ съ читателемъ ни въ какую вульгарную интимность». (Георгъ Брандесъ. Предисловіе. См. «Записки Революціонера«).

Отмѣченныя Брандесомъ черты характеризуютъ не только индивидуальность, но отчасти и творчество П. А. Кропоткина.

Нѣкоторые соціологи утверждаютъ, что двигателемъ исторіи является конфликтъ между личностью и обществомъ. Этотъ конфликтъ, по ихъ мнѣнію, неизбѣженъ, неустранимъ.

Личность стремится къ тому, чтобы развернуть свои силы, а для этого ей необходимо освободиться отъ гнета всесильнаго общества. Общество-же съуживаетъ размахъ личности. Оно создаетъ обычаи, законы, нормы — и все это для того лишь, чтобы удержать въ должныхъ границахъ буйную, непокорную индивидуальность.

Подобное воззрѣніе, конечно, ошибочно: личность и общество трактуются, какъ абстрактныя, замкнутыя «единицы...» «Общество», «личность» превращаются въ какія-то безкровныя, застывшія «понятія»; каждому понятію предварительно приписываются абстрактныя же «свойства», причемъ свойства «личности» таковы, что стоятъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ антагонизмѣ со свойствами «общества». Понятно, что построенная на такомъ фундаментѣ философія исторіи должна неизбѣжно прійти къ выводамъ о существованіи вѣчнаго антагонизма.

Мы, конечно, не отрицаемъ того факта, что реальная жизнь даетъ не мало иллюстрацій, свидѣтельствующихъ о конфликтѣ личности и общества; не слѣдуетъ только возводить эти факты въ «вѣчный» законъ въ принципъ исторіи.

Предустановленной гармоніи между личностью и обществомъ, конечно, нѣтъ. Эта гармонія вырабатывается въ результатѣ борьбы, при томъ борьбы не съ абстрактнымъ обществомъ, а съ данной формой или, еще точнѣе, съ данными чертами опредѣленной общественной организаціи.

Личность въ самомъ обществѣ-же находитъ точку опоры для побѣдоносной борьбы, ибо общество вовсе не прирожденный врагъ личности.

И все-же, повторяемъ, факта наличности конфликта отрицать не приходится. Цѣлые періоды исторіи окрашены этой борьбой. И часто въ зависимости отъ историческихъ условій, борьба эта принимаетъ характеръ противопоставленія личности, себя — народу, массѣ. Въ такіе періоды личность смотритъ на себя, какъ на самоцѣль, хочетъ быть центромъ исторіи. Зарожденіе подобнаго движенія можно наблюдать во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Кончился величественный періодъ хожденія въ народъ. Смолкли голоса борцовъ «Народной Воли». На фонѣ общественнаго равнодушія, безвѣрія начинаетъ вырабатываться интеллигентскій индивидуализмъ. Раздаются голоса, протестующіе противъ заполненія литературы мужикомъ. «Мужикъ да мужикъ, народъ да народъ»... «Мы тоже хотимъ; дайте и намъ». Такъ характеризовалъ Г. И. Успенскій зачаточный періодъ интеллигентскаго индивидуализма. «Еще недавно многіе» — говоритъ Короленко — «требовавшіе «и себѣ» красоты, мечты, яркихъ красокъ и вниманія — не только не требовали этого, но даже, забывали о себѣ, отдавали все личное меньшему брату. Но жизнь, обманутыя ожиданія завели ихъ въ тупой переулокъ, изъ котораго какъ будто не было выхода... Началось *само*углубленіе, *само*усовершенствованіе, рѣшеніе вопросовъ изолированной личности, внѣ связи съ общественными вопросами, до тѣхъ поръ властно занимавшими умы и сердца. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ себя» — съ обычной мѣткостью характеризовалъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій одну сторону этого настроенія. Огорченный и разочарованный, русскій интеллигентный человѣкъ углубился въ себя, уходилъ въ культурные скиты или обиженно требовалъ «новой красоты», становясь особенно капризнымъ относительно эстетики и формы». (Влад. Короленко, «Отошедшіе» стр. 7).

Мы всѣ знаемъ, что Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ всегда боролся и борется съ индивидуализмомъ подобнаго рода, что Кропоткину *органически чужда* психологія «культурнаго скита». И назначеніе интеллигенціи онъ видитъ, конечно, не въ томъ, чтобы

*) «Нравственныя начала анархизма», стр. 16.

перенести центръ вниманія съ мужика на себя, дабы такимъ образомъ наслаждаться «вниманіемъ, упиваться яркими мечтами»... И казалось-бы, что П. А. Кропоткинъ долженъ враждебно относиться къ самой идеѣ «самоутвержденія», быть склоннымъ къ замѣнѣ идеи самоутвержденія идеей *самоуничтоженія* личности. Но такъ ли это?

Слѣдующія слова Кропоткина даютъ достаточно ясный отвѣтъ: «*Я, конечно, менѣе всего склоненъ недооцѣнивать роль, которую самоутвержденіе личности играло въ развитіи человѣчества.*» (Курсивъ нашъ. Р.) Но этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, требуетъ разсмотрѣнія гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ какое онъ встрѣчалъ до сихъ поръ. Въ исторіи человѣчества самоутвержденіе личности часто представляло и продолжаетъ представлять нѣчто совершенно отличное и нѣчто болѣе обширное и глубокое, чѣмъ та мелочная, неразумная умственная узость, которую большинство писателей выдаетъ за «индивидуальность» и «самоутвержденіе». Равнымъ образомъ, двигавшія исторію личности вовсе не сводились на однихъ тѣхъ, кого историки изображаютъ намъ въ качествѣ героевъ». («Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи», введеніе, стр 10).

Итакъ, самоутвержденіе личности играло и играетъ роль въ прогрессивномъ развитіи человѣчества.

Но есть самоутвержденіе «обширное и глубокое», и самоутвержденіе «мелочное» плодъ, «умственной узости».

Каково различіе между этими двумя типами индивидуалистовъ.

«Узкій» индивидуализмъ характеризуется *эгоцентризмомъ.* Человѣкъ знаетъ только лишь себя. Чужія радости, чужое горе ему недоступны. На всякое событіе, чуть-ли не на всю исторію, узкій индивидуалистъ смотритъ — порой безсознательно — какъ на иллюстрацію къ своей жизни, своего только переживанія. Психологію узкаго индивидуализма и характеризующій его эгоцентризмъ вскрываетъ передъ нами Л. Н. Толстой въ лицѣ Наполеона, И дѣлаетъ онъ это такъ глубоко, такъ поразительно просто! Къ Наполеону пріѣзжаетъ Балашевъ, посланникъ Александра I. Наполеонъ выходитъ къ нему. «Очевидно было — говоритъ Толстой — что его (Наполеона) нисколько не интересовала личность Балашева. Видно было, что только то, что происходитъ въ *его* душѣ, имѣло интересъ для него. *Все, что было внѣ его, не имѣло для него значенія,* (Курсивъ нашъ. Р.) потому что, все въ мірѣ, какъ ему казалось, зависитъ отъ его воли.» («Война и Миръ». стр. 32). Ошибочно думать, нѣтъ что эта черта присуща только «великимъ» людямъ, въ этихъ краткихъ словахъ дана чуть-ли не формула эгоцентризма, свойственнаго и великому и малому. А какъ типично и глубоко описаніе уродливой безтактности, грубости и объясненіе этой грубости Наполеона, даваемое Толстымъ. «За столомъ, посадивъ около себя Балашева, онъ обращался съ нимъ не только ласково, но обращался такъ, какъ будто онъ и Балашева считалъ... въ числѣ тѣхъ людей, *которые сочувствовали его планамъ, и должны были радоваться его успѣхамъ*» (стр. 41). Не забудьте, что передъ Наполеономъ — представитель *враждебной* страны; что предложенія Балашева Наполеонъ не принялъ и кровавая развязка дѣлается почти неминуемой. Но самоупоеніе, эгоцентризмъ стираетъ все, затемняетъ все, и Наполеонъ въ это мгновеніе увѣренъ, что всѣ должны радоваться *его* успѣхамъ!

Казалось-бы, что понять и объяснить корни узкаго индивидуализма очень легко: ясно, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, ищущими наслажденія, только наслажденія и — *только для себя*. Но это не такъ. Такой взглядъ — поверхностенъ, ошибоченъ: узкій индивидуализмъ, въ его рѣзко выраженной формѣ, *часто служитъ источникомъ глубокихъ страданій* для самого индивидуалиста. И хотѣлъ-бы человѣкъ заглушить назойливый крикъ своего «я», слиться душой съ радостями другихъ, да не можетъ онъ этого сдѣлать. Онъ прикованъ къ своему «я», какъ каторжникъ къ тачкѣ...

Есть популярная народная сказка: жилъ-былъ пѣвецъ, «простой и свободный». Онъ не зналъ власти надъ собой и не хотѣлъ властвовать. Но вотъ кто-то неразумно облагодѣтельствовалъ пѣвца: подарилъ ему много золота. Исчезла свобода. Все думалъ бѣдняга о томъ, что вотъ придутъ, похитятъ, убьютъ... Появились заботы, боязнь, а съ ней и вражда. Только вотъ догадался человѣкъ — бросилъ золото и опять обрѣлъ покой и душевный миръ.

Повторяемъ, для индивидуалиста его «я» порой является тяжкимъ бременемъ. «Восемьдесятъ тысячъ верстъ вокругъ самого себя» — это легко сказать, а на самомъ дѣлѣ скучно это: что-же, небольшой «скитъ», а вокругъ — такая громадная пустыня... Хочется сбросить тяжелую ношу... *И тогда-то на сцену выступаетъ антиподъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родное дитя уродливаго индивидуализма — аскетизмъ.* Аскетизмъ — это вовсе не здоровое желаніе уплатить долгъ народу, — нѣтъ; аскетизмъ — больное рѣшеніе больного духа. Разъ это «я» — бремя неудобоносимое, то его слѣдуетъ свергнуть, надо отречься отъ самого себя: не удалось *самоутвержденіе* — авось удастся *самоотреченіе*.

Этотъ моментъ перехода самоутвержденія въ самоотреченіе прекрасно переданъ Гаршинымъ въ его разсказѣ: «Ночь». Герой разсказа, наканунѣ самоубійства, осуждаетъ свое прошлое; только теперь онъ понялъ, *какъ* надо жить, съ чѣмъ ему надо бороться. «Надо не ставить на первое мѣсто *себя*. Вырвать изъ сердца этого сквернаго божка, уродца съ огромнымъ брюхомъ, это отвратительное «я», которое, какъ глистъ, сосетъ душу и требуетъ себѣ все новой и новой пищи. Да откуда же я ее возьму? Ты уже все съѣлъ. Всѣ силы, все время было посвящено на служеніе тебѣ... Хоть ненавидѣлъ тебя, а все таки поклонялся, принося тебѣ въ жертву все хорошее, что мнѣ было дано».

Мы остановились подробнѣе на характеристикѣ «узкаго» индивидуализма, потому что считаемъ его типичнымъ анти-анархическимъ складомъ души; мы думаемъ, что тщательное изученіе этой психологіи косвенно дало бы много драгоцѣннаго матеріала для психологіи анархизма. Приведенныя выше слова Короленко очень характерны не только лишь для періода 80-хъ годовъ... Эти настроенія и теперь не умерли, ибо и теперь мы переживаемъ эпоху невѣрія въ общественность, наблюдаемъ обостреніе *больного* индивидуализма.

Рамки нашей статьи не позволяютъ намъ очертить типъ «глубокаго» индивидуализма. Мы бѣгло упомянемъ объ одной чертѣ; «глубокій» индивидуализмъ не боится «сверхличнаго» коллектива, «мужика», не боится, кабы онъ не потонулъ, точно капля въ морѣ. Но этого мало; это чисто отрицательная характеристика. Несравненно важнѣе положительная: только путемъ разрушенія «культурнаго скита», путемъ сліянія съ народомъ — личность второго типа проявляетъ свою индивидуальность, утверждаетъ ее. Такой человѣкъ не требуетъ себѣ «вниманія», а мечты и яркія краски онъ находитъ тогда, когда ему удается свою лодочку привязать къ большому кораблю народнаго творчества.

И намъ кажется, что тщательное знакомство съ произведеніями Кропоткина и, черезъ нихъ, съ личностью его дастъ больше, чѣмъ теоретизированіе, въ смыслѣ ознакомленія съ индивидуализмомъ «широкимъ», лишеннымъ умственной узости.

Въ самомъ дѣлѣ: пусть читатель сдѣлаетъ маленькій опытъ самонаблюденія и онъ придетъ къ не лишеннымъ интереса выводамъ. Кропоткинъ, какъ намъ указывалъ Брандесъ, неохотно говоритъ о самомъ себѣ. Онъ съ удовольствіемъ перемѣщаетъ центръ вниманія на другого. И если-бы насъ спросили, что любитъ и что цѣнитъ Кропоткинъ «въ другомъ», мы-бы, безъ колебанія, отвѣтили: — *безымянный подвигъ*. Кропоткинъ какъ будто тщательно всматривается въ исторію человѣчества, изучаетъ, тщательно и бережно подбираетъ *подвиги тихіе, безшумные*. Кропоткинъ черезъчуръ хорошо знаетъ, что «не вокругъ творцовъ но-

ваго шума вращается міръ», и потому такъ скептически относится ко многимъ оффиціальнымъ героямъ. Не даромъ онъ осторожно подчеркиваетъ, что «двигавшія исторію личности вовсе не сводились на однихъ тѣхъ, кого историки изображаютъ намъ въ качествѣ героевъ». Да, Кропоткинъ мало говоритъ о себѣ. Но поразительное явленіе: — чѣмъ *меньше* Кропоткинъ говоритъ о себѣ, тѣмъ *ярче* встаетъ передъ вами его образъ. Чѣмъ дальше онъ какъ-бы уходитъ отъ своего «я», тѣмъ рельефнѣе выступаетъ личность, духовный обликъ Кропоткина, Не навязчиво, не шумно, а какъ-то тихо и сосредоточенно выступаетъ образъ того, кто все время не о себѣ, а о другомъ говоритъ. Это своеобразное сочетаніе «самоотреченія и «самоутвержденія» заслуживаютъ глубокаго вниманія; и не въ этомъ-ли причудливомъ сочетаніи надо искать объясненія того факта, что Кропоткинъ «сдѣлался краеугольнымъ камнемъ будущаго общественнаго строя»?

И не этотъ-ли *органическій* синтезъ личнаго и общественнаго предохранилъ Кропоткина отъ отчаянія, пессимизма, въ который такъ часто впадаютъ иныя глубокія, чуткія натуры?

Мы знаемъ, вѣдь, что Кропоткинъ пережилъ глубокій кризисъ. Не многимъ дано было пережить его съ такой глубиной!

Мы говоримъ о томъ моментѣ, когда Кропоткинъ не только понялъ, но, съ глубокой болью, почувствовалъ трагедію прогресса: съ одной стороны — роскошь, наслажденія; бурная, тревожная работа мысли; съ другой — нищета, безпримѣрныя муки, невѣжество, вѣковой гнетъ...

Но и эта трагедія не надломила Кропоткина. Вмѣсто безплодныхъ проклятій по адресу человѣчества, П. А. Кропоткинъ ищетъ активнаго выхода и спрашиваетъ: что *дѣлать*, что должно и можно *сдѣлать* для того, чтобы искоренить зло.

> ...«что за польза толковать крестьянину объ американскихъ машинахъ, когда у него едва хватаетъ хлѣба, чтобы перебиться отъ одной жатвы до другой? Когда арендная плата за эту, усѣянную валунами, землю растетъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ крестьянинъ улучшаетъ почву. Онъ грызетъ свою твердую, какъ камень, ржаную лепешку, которую печетъ дважды въ годъ, съѣдаетъ кусокъ невѣроятно соленой трески и запиваетъ снятымъ молокомъ.
>
> ...«Наука — великое дѣло. Я зналъ радости, доставляемыя ею и цѣнилъ ихъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ многіе, мои собратья. И теперь, когда я всматривался въ холмы и озера Финляндіи, у меня зарождались новыя, величественныя обобщенія. Я видѣлъ, какъ въ отдаленномъ прошломъ, на зарѣ человѣчества, въ сѣверныхъ архипелагахъ, на Скандинавскомъ полуостровѣ, скоплялись льды. Они покрыли всю сѣверную Европу и медленно расползались до ея центра. Жизнь тогда исчезала въ этой части сѣвернаго полушарія и жалкая, невѣрная, отступала все дальше и дальше на югъ передъ мертвящимъ дыханьемъ громадныхъ ледяныхъ массъ. Несчастный, слабый, темный дикарь съ великимъ трудомъ поддерживалъ свое жалкое существованіе». И передъ глазами Кропоткина рисуется грандіозная картина, одновременное и великое открытіе. Онъ хочетъ ее передать въ мельчайшихъ частяхъ.
>
> ...«Но какое право имѣлъ я на всѣ эти высшія радости, когда вокругъ меня — гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусокъ хлѣба! Когда все затраченное мною, чтобы жить въ мірѣ высшихъ душевныхъ движеній, неизбѣжно должно быть вырвано изо рта сѣющихъ пшеницу для другихъ, не имѣющихъ достаточно чернаго хлѣба для собственныхъ дѣтей? У кого-нибудь кусокъ хлѣба долженъ быть вырванъ изо рта, потому что совокупная производительность людей еще такъ низка.
>
> ...«Массы хотятъ знать... Вотъ тамъ, на гребнѣ громадной морены, тянущейся между озерами, какъ будто великаны насыпали ее поспѣшно, чтобы соединить два берега, стоитъ финскій крестьянинъ и погруженъ въ созерцаніе разстилающихся предъ нимъ прекрасныхъ водъ, усѣянныхъ островами. Ни одинъ изъ этихъ крестьянъ, какъ-бы бѣденъ и забитъ онъ не былъ, не проѣдетъ, не остановившись, не залюбовавшись, мимо этого мѣста. Иль, вонъ тамъ, на берегу озера, стоитъ другой крестьянинъ, и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ-бы чувству и выразительности этой мелодіи. Оба крестьянина чувствуютъ, оба созерцаютъ, оба думаютъ. Они готовы расширить свое знаніе, — только дайте его имъ, только предоставьте имъ средства завоевать себѣ досугъ». («Зап. рев». стр. 224, 225, 226, 227).

Кропоткинъ не первый поставилъ эти вопросы; —«Кто дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ»—не можетъ не задуматься надъ тѣмъ, что прогрессъ оплачивается неимовѣрно дорогой цѣной; и это тяжелое бремя падаетъ на тѣхъ, которые благами культуры не пользуются, — на народъ. Правда; философы часто пытались успокоить совѣсть человѣчества: страданія, молъ, необходимы во имя окончательнаго торжества «объективной истины», «міровой гармоніи». Но это утѣшеніе для многихъ звучало горькой насмѣшкой. И можно смѣло сказать, что характерной чертой русской культуры является нежеланіе и неумѣніе успокоиться на утѣшеніяхъ, предлагаемыхъ философами-объективистами.

Бѣлинскій было успокоился, примирился съ «дѣйствительностью», но не надолго; ему душно стало въ нѣмецкой метафизической казармѣ, гдѣ царитъ такая великолѣпная, образцовая, всемертвящая дисциплина; онъ «дезертировалъ» и властно потребовалъ отчета объ участи «каждаго брата по крови», погибшаго во славу «Абсолюта»...

Достоевскій тревожно спрашиваетъ: «стоитъ-ли весь прогрессъ хотя бы слезинки одного ребенка».

Л. Н. Толстой бросилъ «j'accuse» (обвиняю) современному обществу, бросилъ съ изумительной страстностью и силой. Обиженный и оскорбленный за народъ, непримиримый врагъ пошлаго, сытаго «прогрессизма», Толстой навсегда затаилъ непріязнь къ «прогрессу», непріязнь, порой несправедливую, и къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи Толстой является отчасти послѣдователемъ Руссо. Руссо не былъ пессимистомъ, но нота разочарованія всегда звучала въ его рѣчахъ; онъ не вѣрилъ въ прогрессъ, училъ, что золотой вѣкъ — позади насъ. Культура разобщила насъ съ природой, распалила нездоровые инстинкты — жадность, эгоизмъ, тиранію. Мысль Руссо прекрасно формулировалъ геніальный, доселѣ еще, быть можетъ, не понятый, Пушкинъ словами Алеко: «Любви стыдятся, мысли гонятъ, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ и цѣпей».

Кропоткина не меньше, чѣмъ Толстого ужасаетъ вѣковое зло, тупое, наглое торжество «дикарей культуры». Но ни разочарованія, ни пессимизма вы у Кропоткина не найдете. И это не потому, что, онъ просто, по натурѣ, не расположенъ къ пессимизму; нѣтъ, отсутствіе пессимизма глубоко связано съ основными чертами міровоззрѣнія П. А. Кропоткина.

Всѣ пессимистическія системы можно раздѣлить на два разряда: *на эмпирическій и принципіальный.* Эмпирическій пессимизмъ исходитъ изъ того положенія, что страданій въ мірѣ *больше*, чѣмъ наслажденій. За каждый мигъ радости мы платимся годами скорби, страданій.

Наслажденія, радость, — призракъ. Реальны лишь слезы да муки. Незрѣлый, грубо эмпирическій характеръ этого рода пессимизма заключается именно въ томъ, что онъ пытается свести все къ вопросу *количества*... Вполнѣ послѣдовательно нѣкоторые неглубокіе пессимисты пытались создать чуть-ли не таблицы, наглядно иллюстрирующія то положеніе, что страданій неимовѣрно *больше*, чѣмъ радости.

Но всякому должно быть ясно, что подобный методъ обоснованія пессимизма — безнадеженъ. Если даже удастся подтвердить основное положеніе, то все же оно не можетъ служить фундаментомъ для пессимистическаго *міровоззрѣнія*. Правъ Зиммель, говоря, что страданіе и наслажденіе — качественно различны, что онѣ несоизмѣримы, одно другое не покрываетъ, не анулируетъ. Иное дѣло пессимизмъ критическій, принципіальный. Здѣсь, конечно, не мѣсто для подробнаго разбора пессимизма. Мы вынуждены догматически формулировать слѣдующее положеніе: *сущность принципіальнаго пессимизма сводится къ утвержденію того, что въ мірѣ нѣтъ творчества; человѣкъ не субъектъ, а объектъ въ исторіи*. Нѣтъ творчества, а потому тщетны и жалки всѣ попытки — выбиться изъ подъ власти суровой необходимости. Конечно, никто не мѣшаетъ

вамъ создавать себѣ тѣ или иныя психологическія иллюзіи, но, вѣдь, иллюзіи гибнутъ.

Унылый русскій поэтъ хорошо передалъ взглядъ пессимистовъ, увѣряющихъ, что человѣкъ всегда «жалокъ и слабъ», ибо его дѣйствія предопредѣлены, онъ-же самъ ничего не предопредѣляетъ:

«Съ воплемъ безсилья, съ крикомъ печали,
«Жалокъ и слабъ онъ явился на свѣтъ.
«Въ это мгновенье ему не сказали:
«*Выборъ свободенъ, живи или нѣтъ*».

И это фатальное мгновенье было звеномъ въ длинной цѣпи. Всѣ событія жизни — большія и «маленькія» одинаково свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ всегда и повсюду игрушка въ рукахъ внѣшнихъ силъ. Разумѣется, это-же возрѣніе пессимистъ переноситъ и на всю человѣческую исторію. И надо сознаться, что есть такія эпохи въ исторіи человѣчества, которыя отчасти оправдываютъ подобныя возрѣнія. Это тѣ періоды, когда насильники переходятъ всѣ возможныя границы, а народъ «безмолвствуетъ». И эта тупая покорность массъ вызываетъ чувство боли, возмущенія. Появляются признаки отчаянія:

Ты проснешься-ли, исполненный силъ,
Иль судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону
И духовно на вѣки почилъ.

Можно смѣло сказать: вся дѣятельность Кропоткина, — какъ бы яркій, проникновенный отвѣтъ Некрасову: ...«Вонъ тамъ на берегу озера стоитъ другой крестьянинъ и поетъ что-то до того прекрасное, что лучшій музыкантъ позавидовалъ-бы чувству и выразительности его мелодій» («Записки револ.»). Нѣтъ — какъ бы говоритъ Кропоткинъ, — даже въ дни бѣдствій творчество народа не изсякаетъ настолько, чтобы ограничиться созданьемъ «пѣсни, подобной стону». И тутъ мы вплотную подошли къ отвѣту на вопросъ: почему такъ чуждъ пессимизмъ Кропоткину.

Пессимизмъ предполагаетъ *отсутствіе* творчества въ исторіи. Кропоткинъ утверждаетъ, что исторія, прогрессъ — продуктъ безымяннаго массового творчества. Ясно, что міросозерцаніе Кропоткина и міросозерцаніе пессимистовъ базируютъ на противоположныхъ положеніяхъ. Если бы въ мірѣ совсѣмъ не было творчества, то пессимизмъ имѣлъ-бы прочное основаніе. Если бы, наконецъ, это творчество концентрировалось только въ верхахъ, то было-бы понятно пессимистическое отношеніе къ роли массъ; но вѣдь *не правы* тѣ, которые утверждаютъ, что творятъ только единицы. Взглядъ Кропоткина можно было бы формулировать такъ: «не герои лишь, не одни лишь ученые, и ужъ навѣрное не государство, не судьи, не палачи сохранили, обогатили, облагородили жизнь на землѣ; требовались усилія сотенъ тысячъ невѣдомыхъ, безымяныхъ тружениковъ; творческой иниціативой массъ были созданы обычаи, нормы, регулирующія и облагораживающія общественную жизнь. Вамъ восхваляютъ героевъ; но изслѣдуйте тщательно, любовно изучайте, и вы убѣдитесь, что творчество и воля массъ служилили источникомъ свѣтлой мысли. И даже въ глухую полночь, когда кругомъ царилъ мракъ, мысль народная неустанно работала, и эта работа дѣлалась исходной точкой новаго подъема».

А если это такъ, то вѣдь понятно, до чего, должна быть чуждой П. А. Кропоткину логика пессимизма!

И вотъ что важно помнить. Подъ творчествомъ многіе разумѣютъ нѣчто торжественное, особенное, пышное... Что бы творить, необходимо, что бы «поэта» потребовалъ «къ священной жертвѣ Аполлонъ»... Не таково народное творчество, о которомъ говоритъ П. А. Кропоткинъ. *Это* творчество не всплескъ волны, не капризная мечта жреца, который въ руки «метлы не беретъ». Творчество народное тѣсно связано съ реальной, практической жизнью, оно незримо, глубоко проникаетъ *матерію* исторіи. Народное творчество имѣетъ свои законы, свои приливы и отливы. Часто тотъ, кто, казалось-бы, то лишь и дѣлаетъ, что «механически ржавой лопатою мерзлую землю долбитъ», подымается, свергаетъ иго устарѣлыхъ обычаевъ, ненавистныхъ законовъ, власть тупыхъ и надменныхъ тирановъ.

Но и въ тѣ дни, когда, казалось-бы, погасъ свѣтъ разума, изсякла энергія, замерла воля — и въ эти дни творчество народное не глохнетъ, а только уходитъ въ глубь; а тамъ въ глубинѣ, происходитъ глубокій процессъ накопленія, наростанія силъ. Эти силы, освобожденныя, и создадутъ новую жизнь, свѣтлую и радостную...

Ни эпоха застоя, ни временная покорность массъ не въ силахъ надломить вѣру Кропоткина, ибо онъ *чуетъ безпрерывное* творчество исторіи. И не это-ли чутье объяснитъ намъ, почему Кропоткинъ такъ легко преодолѣлъ «конфликтъ» между стремящейся къ самоутвержденію личностью и массой? Больше: не станостановится-ли яснымъ, при какихъ условіяхъ этотъ, какъ-бы объективно существующій, конфликтъ дѣлается призрачнымъ, исчезаетъ? Конечно, если народъ — лишь сырой матеріалъ, если масса — только *пребываетъ* аа землѣ, но не *творитъ*; если огонь тврчества горитъ только въ душѣ отдѣльной личности, — тогда понятно враждебное отношеніе личности къ чуждой ей стихіи — массѣ. Волей-неволей приходится уходить въ «культурный скитъ» и тамъ, въ уединеніи, вдали отъ массъ, культивировать свое «я». Но если масса — творитъ, если она, на своихъ плечахъ выноситъ борьбу *съ нетворческими* силами исторіи — государствомъ, закономъ, то ясно, что роковая, яко-бы фатальная, противоположность, между творческой личностью и творящей массой исчезаетъ. И на поставленный выше вопросъ мы можемъ отвѣтить такъ: *творческіе инстинкты влекутъ П. А. Кропоткина къ родной стихіи — къ вѣчному источнику творчества — къ народу*. И онъ идетъ къ народу не какъ повелитель, а какъ равный къ равному. Кропоткинъ такъ опредѣляетъ свои задачи среди народа: «Распространять среди нихъ (работниковъ) идеи, способныя направить ихъ усилія къ благу всѣхъ работниковъ вообще; углубить и расширить идеалъ и принципы, которые послужатъ основой будущей соціальной революціи; развить эти идеалы передъ работниками, — не какъ приказъ, исходящій отъ главарей партіи, но какъ послѣдствіе ихъ собственнаго размышленія: и, наконецъ, пробудить ихъ собственную иниціативу, теперь, когда работники призваны на арену исторіи, чтобы выработать новый и справедливый строй» (358 «Зап. рев.») вотъ задача, выполненіе которой способствуетъ «развитію человѣчества».

Надуманной и лживой покажется ему вся эта, якобы фатальная, противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Онъ даетъ указанія, какъ и при какихъ условіяхъ *счастье* личности сливается съ *благомъ* рода. «Будь силенъ; будь *великъ* во всѣхъ твоихъ поступкахъ; развивай свою жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ; будь, насколько это возможно, богатъ энергіей и для этого будь самымъ общественнымъ, и самымъ общительнымъ существомъ, — *если* только ты желаешь наслаждаться полною, цѣльною и плодотворною жизнью. Постоянно руководясь широко развитымъ умомъ, борись, рискуй — рискъ имѣетъ свои огромныя радости; смѣло бросай свои силы, давай ихъ, не считая, пока онѣ у тебя есть, на все то, что ты найдешь прекраснымъ и великимъ, — тогда ты насладишься наибольшею суммой возможнаго счастья. Живи *за одно* съ массами, и тогда, чтобы съ тобой ни случилось въ жизни, ты будешь чувствовать, что за одно съ твоимъ бьются тѣ именно сердца, которыя ты уважаешь, а *противъ* тебя тѣ, которыхъ презираешь».

П. А. Кропоткинъ сумѣлъ *на дѣлѣ* показать, что начертанный имъ «планъ» жизни осуществить возможно. И если жизнь его и мысли его такъ прекрасны, то это потому, что П. А. Кропоткинъ не чуждался, а жилъ, «за одно съ массами». И творческія усилія его не пропали даромъ: онъ сдѣлался «*краеугольнымъ камнемъ будущаго строя*». *Рощинъ.*

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:

Zürich, Poste Banhof, Postfach 15496.

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 15-ое Февраля 1913 г. № 5.

Отъ редакціи.

(Кое что о задачахъ газеты «Рабочій Міръ»).

Нами полученъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ товарищи высказываютъ свое отношеніе къ «Рабочему Міру».

Всѣ сдѣланныя замѣчанія могли бы быть коротко формулированы такъ: «Рабочій Міръ» *не приноровленъ къ уровню развитія широкихъ массъ*, а намъ необходима газета, которая была бы доступна пониманію русскаго рабочаго.

Мы полагаемъ, что подобнаго рода указаніе основано на недоразумѣніи. Товарищи, конечно, правы: «Рабочій Міръ» не является органомъ для широкихъ массъ. Никто также не сомнѣвается въ томъ, что созданіе рабочей и крестьянской газеты является насущной необходимостью. Больше того: многимъ, быть можетъ, наши слова покажутся ересью, но мы полагаемъ, что если бы была хоть *малѣйшая* возможность создать такой *легальный* рабочій органъ, то надо было бы приложить *всѣ* усилія къ тому, чтобы эту возможность использовать. Правда, пришлось бы приспособиться къ проклятія достойнымъ россійскимъ условіямъ, но мы думаемъ, что при извѣстной талантливости, умѣніи все-же можно было бы, въ такомъ органѣ, познакомить широкіе слои рабочихъ съ основными положеніями нашего міросозерцанія и тактики, хорошо же поставленная иностранная хроника дала бы рабочимъ точное и ясное представленіе о принципахъ и формахъ организаціи западно-европейскаго революціоннаго рабочаго движенія. *Только* такой органъ былъ бы массовымъ не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Можетъ ли мечтать о чемъ либо подобномъ «Рабочій Міръ?» Конечно нѣтъ. Не будемъ обольщаться иллюзіями: у насъ нѣтъ связей среди широкихъ массъ! Увы, нѣтъ даже прочной связи съ тѣми немногочисленными товарищами, которые и теперь продолжаютъ пропаганду идей анархизма въ Россіи. Есть ли у насъ та организація, которая брала бы на себя тяжелый трудъ распространенія органа среди массъ? — Нѣтъ! Зачѣмъ же мы будемъ «дѣлать видъ», будто пишемъ для широкихъ массъ? Намъ, наоборотъ, слѣдуетъ избѣгать ошибки, которыя дѣлаютъ иныя революціонныя газеты: пишутъ такъ, *какъ будто* ихъ читаетъ широкая масса. Но это — самообманъ. Неестественность занятой позиціи заставляетъ пишущихъ повторять — вяло, безжизненно — никому ненужныя, азбучныя истины.

Намъ скажутъ: «если дѣло обстоитъ такъ, то зачѣмъ тогда издавать органъ?» Такое мнѣніе — ошибочно. Мы насчитываемъ *сотни* товарищей, именующихъ себя анархистами-коммунистами. Они пережили опытъ русской революціи. Насъ было много въ дни великой битвы. Теперь ряды наши порѣдѣли: одни просто анархизму измѣнили и «продали шпагу свою», другіе ушли въ какія то полуанархическія организаціи. И все таки, не мало еще стойкихъ товарищей, готовыхъ, при первой возможности, возобновить борьбу. Для нихъ то и стоитъ издавать органъ. Не забудемъ и того, что заграницей живетъ масса рабочихъ не анархистовъ, живо интересующихся вопросомъ — какъ мы учитываемъ опытъ прошлой революціи. Изъ выше сказаннаго не слѣдуетъ, что мы расчитываемъ только на «заграницу» — нѣтъ. №№ «Рабочаго Міра» и сейчасъ — въ крайне незначительномъ, правда, количествѣ — попадаютъ въ Россію. Мы надѣемся, что со временемъ доставка въ Россію будетъ лучше организована. Но, вѣдь, «Рабочій Міръ попадаетъ въ руки *наиболѣе сознательныхъ* товарищей, — о широкихъ массахъ говорить пока не приходится. И съ этимъ фактомъ газета должна считаться, конечно. И здѣсь-то мы подходимъ вплотную къ вопросу о задачахъ «Рабочаго Мира».

Всѣ согласятся съ нами въ томъ, что намъ необходимо по возмости полнѣе учесть опытъ русской революціи. Намъ кажется, что раньше всего необходимо поставить діагнозъ, опредѣлить, чѣмъ болѣло молодое анархическое движеніе. «Рабочій Міръ» отвѣтилъ такъ: *не было соотвѣтствія между максималистическимъ словомъ, идеей и дѣломъ*. Отсюда — колебанія, смутное недовольство и раздвоенность.

И *въ первомъ* же № «Рабочій Міръ» указывалъ на то, что русскіе анархисты формулировали свои задачи крайне неопредѣленно: явно наблюдалось колебаніе между максимализмомъ и минимализмомъ. Констатируя наличность, правда, слабыхъ, минималистическихъ тенденцій *даже* среди анархистовъ, «Рабочій Міръ» долженъ былъ поставить вопросъ — является ли минимализмъ въ анархическихъ рядахъ случайнымъ явленіемъ, временнымъ уклоненіемъ отъ принциповъ со стороны представителей той или иной фракціи — Нѣтъ! Минимализмъ въ исторіи вообще и въ революціонномъ движеніи въ частности — глубокое, постоянное явленіе; чтобы его побѣдить, — необходимо знать корни этого минимализма. И *во второмъ* № «Рабочаго Міра» (см. Передъ выборами») мы указали, что «всегда въ народѣ боролись и борются двѣ стихіи — минимализмъ и максимализмъ. Не депутаты и интеллигенты минимализмъ «придумали»; онъ какъ смерть, какъ эпидемія, вѣчный спутникъ исторіи». Демократія — не внѣшнее зло; почвой для нея служитъ, народомъ же порожденный, минимализмъ. И если бы народное творчество вылилось бы только въ формѣ минимализма, то демократы-минималисты съ полнымъ правомъ могли бы считать себя единственными представителями народа. Но это не такъ. «Если народный минимализмъ — писали мы въ *третьемъ* № «Рабочаго Міра» — («На очереди») факторъ въ исторіи,—то, вѣдь, такимъ-же факторомъ, хотя менѣе очевиднымъ, является максимализмъ». Въ той же статьѣ мы пытались выяснить наше отношеніе къ демократіи, устранить цѣлый рядъ возраженій, столь часто, по недоразумѣнію, выставляемыхъ противъ максимализма. Для насъ важно было указать и на то, что нашъ максимализмъ — не плодъ «голой» абстрактной революціонности; онъ порожденъ не желаньемъ «отмежеваться отъ демократіи во что-бы то ни стало». Наша максималистическая позиція имѣетъ глубокіе корни въ массѣ; она-же вытекаетъ изъ нашего пониманія сущности прогресса. Позволяемъ себѣ думать, что эти вопросы заслуживаютъ глубокаго вниманія; что «Рабочій Міръ» имѣетъ нравственное право — требовать критики *по существу*.

Увы, до сихъ поръ мы *такой* критики не встрѣтили... Не можемъ мы признать заслуживающимъ вниманія упрекъ такого рода: «Рабочій Міръ» — органъ для интеллигенціи: онъ разрабатываетъ, молъ, «интеллигентскіе вопросы». Отвѣтимъ коротко: *всѣ затронутые нами вопросы волнуютъ каждаго сознательнаго анархиста-коммуниста*. Безъ яснаго отвѣта на нихъ — нѣтъ плодотворной дѣятельности *среди массъ*. Дальше «Рабочій Міръ не является органомъ той или иной фракціи; мы полагаемъ, что вышеупомянутые вопросы тѣсно связанные съ постановкой нашей практической работы, должны обсуждаться всѣми товарищами, безъ различія фракцій.

Здѣсь мы подходимъ къ другому упреку, направленному по адресу «Рабочаго Міра».

Нѣкоторые думаютъ, что органъ *долженъ* быть *фракціоннымъ*; а то выходитъ, что «всякъ молодецъ на свой образецъ»: одинъ пишетъ за синдикализмъ, другой — противъ. Мы признавали и признаемъ цѣлесообразность существованія фракціонныхъ органовъ. Мы противъ объединенія во что бы то ни стало, разъ для такого объединенія нѣтъ достаточныхъ принципіальныхъ основаній.

Но, вѣдь, и это положеніе не должно сдѣлаться догмой. Есть такіе моменты, когда спорные вопросы могутъ съ успѣхомъ обсуждаться въ одной газетѣ. Не умно и не практично затушевывать фракціонныя разногласія тамъ, гдѣ они имѣются и гдѣ онѣ являются продуктомъ различнаго пониманія

вопросовъ теоріи и практики. Но не менѣе вредна фракціонная узость. Фракціонность въ подобныхъ случаяхъ превращается въ самоцѣль, образуется что-то въ родѣ фракціоннаго фетишизма. Такой фракціонеръ *не способенъ* стать не на фракціонную точку зрѣнія даже тогда, когда этого требуетъ *сущность обсуждаемыхъ вопросовъ*. Этотъ загипнотизированный человѣкъ проявляетъ черты, свойственныя маньяку: вызубритъ доводы Пуже — за синдикализмъ, черно-знаменцевъ — противъ синдикализма — «и веселъ Тришка мой»...

Конечно, газета, которая полагала бы, что она уничтожаетъ фракціонныя разногласія тѣмъ, что помѣщаетъ рядомъ статьи синдикалистовъ и антисиндикалистовъ, обнаружила бы непростительную наивность. Врядъ ли такая газета принесетъ много пользы; въ лучшемъ случаѣ, это былъ бы «парламентъ мнѣній» — не больше. Но совершенно иной является позиція «Рабочаго Міра»: его *нефракціонность вытекаетъ изъ самой сущности обсуждаемыхъ вопросовъ*.

«Рабочій Міръ» не просто, механически помѣщаетъ синдикалистическія и антисиндикалистическія статьи — *«Рабочій Міръ» передвинулъ*, такъ сказать, *всѣ эти спорные вопросы на иную плоскость*. «Рабочій Міръ» какъ бы спрашиваетъ: «согласны ли вы съ тѣмъ, что единственное наше реальное дѣло въ періодъ революціи — борьба за хлѣбъ и волю *всѣмъ и сейчасъ*? Какъ вы сочетаете синдикализмъ (или антисиндикализмъ) съ максимзлизмомъ? Синдикалисты, естественно, должны отвѣтить на вопросъ: считаютъ ли они возможнымъ, чтобы въ періодъ революціи уже сплотились *сильныя* профессіональныя организаціи, способныя взять въ свои руки организацію производства «на второй день» послѣ революціи.

Антисиндикалисты должны отвѣтить: въ комъ и въ чемъ они видятъ ту силу, которая могла *бы* не только разрушать, но и создавать, ибо безъ организаціи, способной къ созиданію, лозунгъ «соціальная революція» — только *лозунгъ*, но не реальное *дѣло*, а вѣдь именно анархо-минималисты хотѣли бы, что бы у насъ были «максималистическіе» *лозунги* и минималистическія *дѣла*.

И вотъ, какъ только обѣ «воюющія» стороны попытаются точно и отчетливо отвѣтить на эти вопросы, станетъ яснымъ, что въ *этомъ-то вопросѣ строго фракціоннаго единства нѣтъ*: могутъ разойтись во многомъ синдикалисты между собой; могутъ сойтись во взглядахъ синдикалистъ и антисиндикалистъ. (Примѣръ: тов. Александръ Ге — синдикалистъ крайній. Однако, намъ извѣстно, что въ вопросѣ объ отношеніи къ демократіи, къ минимализму онъ согласенъ съ Рощинымъ). А разъ поставленные на очереди вопросы, хотя бы только отчасти, выходятъ за предѣлы нашихъ фракціонныхъ разногласій. то всѣмъ должно быть ясно, что «Рабочій Міръ» не имѣетъ основанія печатать статьи только фракціоннаго содержанія. Но развѣ *такая* нефракціонность имѣетъ что-либо общее съ безразличнымъ совмѣщеніемъ всѣхъ направленій?

Говоря о задачахъ «Рабочаго Міра», слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее: Еще въ 1-омъ № «Рабочаго Міра» было указано, что огромнымъ зломъ русскаго революціоннаго движенія вообще и анархическаго въ частности — слѣдуетъ считать «механическій» боевизмъ. Это значитъ: движеніе вовлекло въ свои ряды элементы, которые усвоили только боевую *технику*. Они были хорошими боевиками, удалыми экспропріаторами. Чуждо имъ было сознаніе о необходимости упорной, организаціоной, созидательной работы, чуждъ имъ былъ революціонный идеализмъ. Бороться съ этимъ зломъ можно двумя способами: 1) надо подчеркивать важность внутреннихъ, психологическихъ предпосылокъ, необходимыхъ для того, чтобы пролетаріатъ освободился; 2) необходима глубокая, тщательная, всесторонняя разработка вопросовъ міровоззрѣнія.

Мы видимъ заслугу Л. Н. Толстого въ томъ, что онъ — односторонне, правда — подчеркивалъ важность психологическихъ предпосылокъ освобожденія. «Рабочій Міръ» — если удастся расширить газету — дастъ рядъ статей, посвященныхъ вопросу объ объективныхъ и субъективныхъ предпосылкахъ рабочаго освобожденія. Иное дѣло — теоретическія проблемы. Для разработки ихъ необходимъ *журналъ*. «Рабочій Міръ» будетъ энергично бороться съ тѣми, которые сѣютъ развратъ и смуту: съ тѣми, которые отрицаютъ важность разработки всѣхъ проблемъ анархизма. Анархизмъ долженъ удовлетворить всѣ запросы человѣческаго духа. Врагъ теоріи — врагъ анархизма! «Рабочій Міръ» далъ (въ примѣчаніи къ статьѣ «На очереди») только *краткій* перечень стоящихъ на очереди теоретическихъ вопросовъ. «Рабочій Міръ» могъ бы мечтать о разработкѣ этихъ проблемъ въ томъ лишь случаѣ, если бы удалось увеличить газету хотя бы до размѣровъ № 1 «Бунтаря».

Но это все — дѣло будущаго.

Пока же — вопросъ о нашихъ лозунгахъ, точнѣе, практическихъ дѣйствіяхъ — *поставленъ*. Его нужно обсудить. Въ обсужденіи должны участвовать *всѣ* — безъ различія фракцій. Вовсе не необходимо, чтобы писали только наши «присяжные» литераторы. Каждый сознательный товарищъ можетъ и долженъ принять участіе въ обсужденіи этихъ вопросовъ.

Еще разъ просимъ *всѣхъ* товарищей присылать статьи. Всѣмъ гарантирована свобода, никакая фракціонная односторонность не будетъ допущена.

Да она и не нужна: односторонность только помѣшала бы «Рабочему Міру» выполнить поставленныя задачи. Эти задачи таковы:

1) Разработка вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ нашей практической дѣятельностью въ періодъ будущей русской революціи.

2) Посильная разработка вопросовъ о внутреннихъ, психологическихъ предпосылкахъ свободы.

3) Призывъ къ всесторонней разработкѣ проблемъ идеологіи.

P. S. *Досадныя опечатки*. Мы уже указывали въ третьемъ номерѣ (въ примѣчаніи), что въ статью Рощина. помѣщенную въ первомъ номерѣ нашего листка «вкрались досадныя опечатки, порой искажающія смыслъ статьи». Достаточно указать на такія выраженія: «вышеприведенная формула...(?) расчленимъ(?), если признаемъ(?), что въ ней спутаны... два лозунга». Въ этой фразѣ наборщикъ пропустилъ слова и все перепуталъ, въ результатѣ и получилась явная безсмыслица. Объ отдѣльныхъ искаженныхъ словахъ и говорить нечего!

Мы должны извиниться передъ читателями: статья того-же автора, напечатанная въ № 3 «Рабочаго Міра» — («На очереди») также изобилуетъ досадными пропусками и опечатками.

Вотъ нѣсколько образчиковъ: *напечатано* «земля и фабрики народу — вмѣсто централизованного государства». *Слѣдуетъ читать*: «Земля и фабрики — народу; *федерація свободныхъ коммунъ* — вмѣсто централизованного государства». Напечатано: ихъ *либералъ*. Слѣдуетъ читать: ихъ *лидеръ*. Напечатано: (въ примѣчаніи) «не боясь *критики* каждаго изъ нихъ». Слѣдуетъ читать: «не боясь *критиковать* каждаго изъ нихъ». Напечатано: «мы старались устранить *препятствія*, часть неосновательныхъ возраженій». Слово «препятствія» вставлено по ошибкѣ. И т. д.

Къ теоріи революціи.

I.

Прудонъ, любившій облекать свои мысли въ форму подчасъ ошеломляющихъ парадоксовъ, утверждалъ, что ни Великая французская революція, ни революція 48-го г. не являются революціями въ подлинномъ значеніи слова. Онъ думалъ, что подъ революціею нужно подразумѣвать лишь такой переворотъ, который въ *корнѣ* видоизмѣняетъ общественныя отношенія, существовавшія *до революціи*.

Что же являлось *характерною чертою* строя, предшествовавшаго Великой французской революціи? — Эксплуатація класса классомъ, человѣка человѣкомъ и государствомъ. Что сдѣлала революція? Произвела ли она полный переворотъ въ этихъ отношеніяхъ? Видоизмѣнила ли она кореннымъ образомъ экономическую структуру общества, превратила ли эксплуатацію въ свою противоположность, раскрѣпостила ли человѣческую личность? Нѣтъ, она лишь привела къ нѣкоторымъ перестановкамъ во взаимныхъ отношеніяхъ классовъ, видоизмѣнила форму зависимости между классами, произвела нѣкоторыя формальныя измѣненія въ соціальныхъ взаимоотношеніяхъ, оставивъ *нетронутымъ* самый принципъ классовой структуры общества и вытекающую отсюда эксплуатацію человѣка человѣкомъ, класса классомъ, оставивъ нетронутымъ принципъ государственности и вытекающую отсюда эксплуатацію воли не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ классовъ.

Прудонъ вполнѣ правъ, если судить о Великой французской революціи *съ соціалистической* точки зрѣнія. Но, вѣдь, не о соціалистической революціи рѣчь шла тогда, а о буржуазной. Революцію предпринялъ классъ, который стремился не къ уничтоженію классовъ, а къ господству класса — буржуазіи. Революцію предприняла буржуазія, она подготовила ее, она руководила ею, она *прекрасно знала*, чего она хочетъ, и вполнѣ *сознательно* шла къ своей цѣли, къ своему строго опредѣленному идеалу. Соціалистическіе же элементы принимали участіе въ движеніи безъ строго опредѣленныхъ цѣлей, какъ мощная стихія, и лишь незначительное меньшинство знало, что кому нужно, въ какое русло нужно направить революцію. Это меньшинство и внесло въ революцію элементы народнаго творчества и придало ей характеръ широкаго соціальнаго движенія, дало лозунги для слѣдующей за революціей эволюціи.

Мы говоримъ тутъ о революціи съ формальной теоретической точки зрѣнія и выясняемъ лишь формальную сто

рону революціи. Съ этой точки зрѣнія Великая французская революція является типомъ удачной революціи. Она наглядно показываетъ, по какой *дорогѣ* должна итти революція, въ особенности въ *разрушительной* своей части, чтобы одержать побѣду, какими средствами надо дѣйствовать, кто долженъ дѣйствовать, чтобы итти къ побѣдѣ вѣрнымъ путемъ. Что же намъ въ этомъ отношеніи показываетъ примѣръ французской революціи? Онъ показываетъ, что революція эта довела *до конца* разрушительную работу, *разрушила до основанія старый строй*, прежде чѣмъ приступить къ творчеству новаго. Все, что дѣлалось *до революціи на мѣстахъ*, въ смыслѣ творчества, имѣло своею единственною цѣлью подготовку разрушительныхъ силъ, которыя тутъ же старались подорвать основы стараго общества; а настоящее творчество началось лишь послѣ окончательнаго распада стараго строя; *тѣ же самыя разрушительныя силы стали творческими, по окончаніи разрушительной работы*. Кромѣ того, примѣръ французской революціи показываетъ, что главнымъ творцомъ всѣхъ великихъ событій этой знаменитой эпопеи былъ народъ, который создавалъ ее *непосредственно*. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что французская революція оказала такое громадное вліяніе не только на жизнь и развитіе Франціи, но и всей Европы. Какъ реакція ни отнимала по частямъ добытые революціей результаты, какъ она не уничтожала ихъ, порою съ чисто казацкою грубостью, все:таки многое изъ того, что было добыто непосредственно революціоннымъ путемъ осталось разъ на всегда закрѣпленнымъ въ жизни.

. . .

Во французской великой революціи мы констатируемъ наличность того основного признака, который характеризуетъ движеніе, *какъ революцію*. Отличительный признакъ революціи, черта непреложно отличающая ее отъ простого возстанія противъ правительства, заключается въ двухъ параллельныхъ дѣйствіяхъ: съ одной стороны разрушеніе на мѣстахъ всего того, что составляло основу соціально-экономическихъ отношеній, дѣйствовавшихъ наканунѣ революціи, другой — полное разрушеніе власти, хотя бы временное, служившей для санкціи, для приведенія въ систему именно этихъ соціально-экономическихъ отношеній. Лишь эти параллельныя дѣйствія, въ кульминаціонномъ пунктѣ своего развитія *совпадающія и соединяющіяся* въ разрушеніи стараго порядка вещей, предшестововавшаго революціи — вотъ что характеризуетъ и создаетъ революцію. Стало быть, лишь полное паденіе стараго строя открываетъ широкій и плодотворный путь, давая свободу революціонному творчеству, какъ экономическому, такъ и политическому. Пока этотъ основной шагъ не сдѣланъ, всякая мысль о творческой соціальной работѣ съ цѣлью положить основы новому строю, есть безсмысленая, несбыточная и, пожалуй, реакціонная химера. Французсная революція сдѣлала этотъ основной шагъ, и вотъ почему она, вопреки мнѣнію Прудона, есть Великая революція, встряхнувшая весь міръ своимъ полнымъ торжествомъ надъ старымъ строемъ.

Вотъ какъ характеризуетъ реакціонный историкъ Тэнъ положеніе дѣлъ во Франціи на другой день послѣ 14-го іюля: «Власть ускользнула изъ рукъ короля, но еще не попала въ руки національнаго собранія; она валяется на землѣ — въ рукахъ разбушевавшагося народа, возбужденной и дѣйствуюшей насиліемъ улицы, подбиравшей ее, какъ покинутое среди поля оружіе. — Правительства на самомъ дѣлѣ не существовало, весь внутренній общественный укладъ летѣлъ въ пропасть; общество возвращалось къ первобытному состоянію, это не была революція, а разложеніе». Въ этихъ словахъ, полныхъ злобы и ненависти противъ революціи, кроется мысль громадной важности. «Это была не революція, а разложеніе», т. е., на нашъ языкъ, это была революція, разложившая старый строй на составныя части и тѣмъ показавшая наглядно всѣ язвы стараго общества, всѣ элементы его составлявшіе, какъ здоровые, такъ и больные, какъ то, что подлежало безусловному коренному уничтоженію, такъ и то, что еще могло пригодиться, какъ сырой матеріалъ, для строительства будущаго.

Власть ускользнула изъ рукъ короля, но пока еще не попала въ руки національнаго собранія, «она валяется на землѣ», правительства на самомъ дѣлѣ не существовало. Вотъ великій моментъ, котораго лишь подлинно великія революціи и могутъ создать: Моментъ *безвластія*, моментъ политической и юридической «аморфности». Въ такіе моменты безвластія часы — года, а недѣли — столѣтія, — до такой степени сильно, интенсивно живетъ тогда народъ. Руки развязаны — твори. Это — короткія минуты, когда вся народная душа выливается наружу, нѣтъ жизни семейной, частной; есть жизнь улицы, толпы, массы, жизнь общая и общаго творчества. Эти моменты отсутствія опредѣленныхъ юридическихъ и политическихъ формъ и называлъ аморфнымъ состояніемъ общества великій проповѣдникъ творческаго разрушенія — Бакунинъ. Это и есть то разрушеніе, которое кладетъ начало новому творчеству.

Такимъ образомъ, 14-го іюля старому строю нанесенъ ударъ, отъ котораго онъ больше не оправится. Къ тому же 14-ое іюля создаетъ такое положеніе, при которомъ революція можетъ разворачиваться все шире и шире, можетъ повторять свои удары противъ стараго строя, все усиливая и усиливая ихъ. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что послѣ 14-го іюля не революція держится въ отношеніи стараго строя оборонительнаго положенія, а, наоборотъ, этотъ послѣдній обороняется отъ ударовъ революціи. Разрушеніе власти, господство народа, *подготовленное* тремя стами бунтовъ, постояннымъ, упорнымъ и продолжительнымъ подтачиваніемъ всѣхъ основъ до-революціоннаго строя, главнымъ образомъ на мѣстахъ, но поднимаясь упорно *снизу вверхъ* — къ центру, получаетъ, какъ мы видѣли, первую блестящую санкцію 14-го іюля разрушеніемъ Бастиліи, которая считалась высшимъ выраженіемъ, эмблемой стараго строя. Создателемъ этого великаго дня является народъ, представляемый Тэномъ въ слѣдующемъ видѣ: «Это толпа, сотни, тысячи, десятки тысячъ индивидуумовъ, случайно собравшихся, увлеченныхъ эмоціей, тревогой и ставшихъ затѣмъ повелителями, законодателями и палачами. Это мощная стихія, *не признающая надъ собою никакого авторитета*, сила, которая рядомъ съ своею матерью-свободой возсѣдаетъ на порогѣ революціи подобно двумъ привидѣніямъ Мильтона у воротъ ада». Опять слова, полныя злобы и ненависти къ революціи, но зато, какъ ясно, какъ картинно описывается, кто именно творитъ революцію.

Но это не все, революція и этимъ не довольствуется и смѣло продолжаетъ до крайнихъ предѣловъ дѣло разрушенія, которое достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ ночь на 6-ое октября, когда революція пріобрѣтаетъ силу надъ всей *системой* стараго строя, и 10-го августа, когда крушеніе стараго строя завершается. Прибѣгаю опять къ свидѣтельству Тэна. «Вотъ оно, говоритъ онъ, это новое братство! *Похоронная процессія всѣхъ законныхъ властей*, торжество звѣрства надъ разумомъ, карнавалъ политическихъ убійцъ, тріумфальный выходъ Куртиля, предшествуемаго эмблемами смерти, *увлекающаго за собою главу Франціи — короля, министровъ, депутатовъ* съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ править по своему произволу, *чтобы держать ихъ подъ своей пикой*, пока ему не заблагоразсудится съ ними покончить».

Крушеніе всѣхъ авторитетовъ, торжество народа, которое онъ считаетъ торжествомъ звѣрства — вотъ что приводитъ въ ярость Тэна.

Съ низовъ поднялась грозная волна, достигла центра и снесла его! Это паденіе, уничтоженіе центра, связывающаго соціально-экономическія отношенія въ одну цѣльную систему, потому и является кульминаціоннымъ пунктомъ революціи, что оно создается упорной борьбой на мѣстахъ, которая, подтачивая всѣ основы существующаго строя во всѣхъ его частяхъ и проявленіяхъ, приводитъ, наконецъ, не къ его частичному разрушенію или видоизмѣненію, а къ его полному разложенію, распаденію на составные элементы, изъ которыхъ революціонное творчество беретъ лишь то, что еще сохранило жизнеспособность и можетъ пригодиться въ качествѣ сырого матеріала въ строительствѣ новаго.

Выше было указано, что революція создается двумя параллельными дѣйствіями, съ одной стороны разрушеніемъ на мѣстахъ всего того, что составляло основу соціально-политическихъ отношеній, дѣйствовавшихъ наканунѣ революціи, а съ другой — полнымъ, хотя бы временнымъ, разрушеніемъ власти, служившей для оформленія и приведенія въ систему какъ разъ тѣхъ соціально-экономическихъ отношеній, которыя были разрушены координированной борьбою на мѣстахъ. Сознательная, упорная борьба на мѣстахъ, стало быть, только тогда и имѣетъ обще-революціонное историческое значеніе, когда, завершая разрушительную работу на мѣстахъ, направляется къ центру, къ власти, къ связывающему звену отрицательныхъ соціально-экономическихъ отношеній, съ цѣлью его ниспроверженія.

Мы не потому такъ упорно настаиваемъ на необходимости разрушенія власти, представляемаго нами первымъ и основнымъ шагомъ революціи, что мы будто бы смотримъ на государство, какъ на самодовлѣющую, независимую метафизическую сущность, какъ это утверждаютъ нѣкоторые наши критики, къ сожалѣнію, превратившіе критику въ зубоскальство, а потому, что власть, государственную машину считаемъ силою, приводящей въ систему тѣ соціально-экономическія отношенія, разрушеніе которыхъ является первымъ основнымъ объектомъ революціи. Безъ предварительнаго, безъ полнаго, хотя бы временнаго, разрушенія власти можно осуществить частичныя улучшенія, реформы, не противорѣчащія *сущности* существующаго строя, но ни въ коемъ случаѣ нельзя добиться коренного переворота — замѣны стараго новымъ.

Итакъ, революціонное творчество, какъ экономическое, такъ и политическое, требуетъ предварительнаго коренного разрушенія предшествующаго революціи строя и полнаго, хотя бы временнаго, разрушенія власти. Лишь послѣ этого основного шага можно начать ту творческую работу, которая положитъ начало новому строю.

«Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ», потому что сознательный революціонный разрушитель знаетъ, что предварительное разрущеніе стараго есть необходимое условіе для творчества новаго.

Всякая подлинно великая революція описываетъ параболу *отъ разрушенія къ творчеству*. Вся творческая работа дореволюціоннаго періода сводится къ тому, чтобы подготовить силы, способныя съ одной стороны довести дѣло разрушенія *до конца*, а съ другой — извлечь изъ «аморфной» массы, въ которую приведено общество разрушеніемъ, все годное и цѣнное для строительства будущаго.

К. Оргеіани.

ОБЗОРЪ РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ.

Контора для пріема ренегатовъ.

Часто въ движеніи приходилось и понынѣ приходится встрѣчаться съ людьми, которые говорятъ: на что всѣ эти ярлыки, вѣдь, намъ не слово важно, а дѣло; будемъ работать, дѣйствовать, а тамъ жизнь сама опредѣлитъ характеръ нашей дѣятельности, и, будьте спокойны, позаботится и о томъ, чтобы найти для насъ подходящую кличку. Къ тому же это слово анархія однихъ пугаетъ, а другихъ связываетъ, включаетъ ужъ въ очень узкія рамки. Зачѣмъ связывать жизнь разными теоріями, оча слишкомъ широка, чтобы можно было вмѣстить ее въ какую бы то ни было, теорію, даже самую широкую. Съ перваго раза разсужденіе это кажется логичнымъ, правильнымъ, даже пріемлемымъ; но бѣда въ томъ, что та самая жизнь, къ которой взываютъ такъ разсуждающіе люди, самымъ жестокимъ образомъ опровергаетъ ихъ, показывая на фактахъ, на дѣлѣ, что большею частью ихъ «логика», сплетенная изъ ряда хорошо подобранныхъ софизмовъ, прикрываетъ грубую фальшь, сдобренную большою порціею лицемѣрія. Изъ рядовъ этихъ «широкихъ» людей, не желающихъ связывать себя ярлыками, не желающихъ ограничивать жизнь «узкими рамками теоріи», протестующихъ противъ теоріи во имя «дѣла», кричащихъ благимъ матомъ съ задорной дѣловитостью противъ «любовниковъ» идеала, якобы занятыхъ «лишь созерцаніемъ своего собственнаго пупа» и «разрѣзываніемъ волоска на четыре части» и выходятъ ренегаты. Такіе безличные соціалисты и полу-анархисты въ маскахъ, стремящіеся поднять рабочихъ не до уровня сознательнаго анархиста, а, наоборотъ, спустить анархиста до уровня безличныхъ соціалистовъ, вольныхъ и невольныхъ, шаткихъ въ мысляхъ и въ дѣйствіи, появляются и у насъ, но не о нихъ тутъ рѣчь. Наше положеніе мы будемъ иллюстрировать фактами, взятыми изъ французскаго революціоннаго движенія.

Вокругъ стяжавшей себѣ немалую извѣстность газеты «Guèrre Sociale» мы имѣли цѣлую группу такихъ «дѣловитыхъ» людей, которые, во имя «дѣла» и въ качествѣ протестантовъ противъ «идеологовъ»-теоретиковъ, и объединились вокругъ этой газеты; они упорно отказывались наклеить на себя опредѣленный ярлыкъ, строго ограничить себя принципами и тѣмъ окончательно сжечь за собою корабли. Эти «Эрвеистскіе молодцы» по «стойкости» своихъ принциповъ ни въ чемъ не уступаютъ «гучковскимъ молодцамъ». Какъ тѣ, такъ и другіе очень много толковали и толкуютъ еще о своей «работоспособности» и практичности и во имя этой работоспособности и практичности барахтаются въ самомъ пошломъ, въ самомъ циничномъ и разнузданномъ ренегатствѣ. Семилѣтняя дѣятельность «Guèrre Sociale» закончилась, какъ и предвидѣли многіе изъ насъ тѣмъ, что люди «дѣла», сгруппировавшіеся вокругъ этой газеты сбросили, наконецъ, маску и — что верхъ цинизма — во имя этой дѣловитости открыли контору для пріема и записи ренигатовъ въ объединенную соціалистическую партію.

Растакуеры всякихъ сортовъ и масштабовъ, будущіе шахеръ-махеры, не нашедшіе въ анархизмѣ мѣста для примѣненія своихъ талантовъ; эстеты и поэты безъ эстетики и безъ рифмы, голодные, искавшіе въ соціализмѣ вкусно ожаренныхъ перепеловъ и нашедшіе въ анархической дѣйствительности лишь суровую борьбу за идеалъ, голодъ и рискъ правительственныхъ гоненій; бездѣльники, стремившіеся пристроиться и къ ужасу своему открывшіе, что, оставаясь анархистомъ, нельзя создать себѣ карьеру; жаждавшіе славы и извѣстности и убѣдившіеся на дѣлѣ, что анархисту трудно, слишкомъ трудно создать себѣ славу, ибо его идеалъ крайне жестоко возстаетъ противъ всего сущаго, ибо рѣзка и неумолима его критика, распространяющаяся на всѣ «святая святыхъ» существующаго режима; «Робеспьеры въ туфляхъ», «безславные Мараты», евнухи революціи и, наконецъ, рать голодная, которую анархизмъ не можетъ кормить, уходятъ черезъ контору «Guèrre Sociale» въ соціалистическую партію. Скатертью дорога! Тамъ всѣ они найдутъ теплый пріютъ, тамъ счастье и близко и возможно, тамъ не приходится жертвовать настоящимъ во имя невѣдомаго будущаго, тамъ взращиваются Бріаны, Вивіани, Мильераны, Девили, Оганьеры и т. д. и т. д.

Не помню, кто сказалъ, кажется Гюго: chacun de nous est un futur grand homme (каждый изъ насъ будущій великій человѣкъ). Почему же не помечтать сладко, въ особенности когда не всякое мечтаніе есть «безсмысленное мечтамечтаніе». Еще разъ скатертью дорога! Спасибо вамъ, господа, что освѣжили атмосферу и показали на дѣлѣ, гдѣ вамъ, подобнымъ элементамъ, настоящее мѣсто.

Попытка расхищенія анархистскихъ силъ.

«Въ нашу эпоху, говоритъ Ж. Гравъ, крайне невыгодно торговать идеаломъ». Печальная истина! На самомъ дѣлѣ, спросъ на идеалъ значительно уменьшился за послѣднее время; публика стала падка на сенсаціи, на спогсшибательныя фразы, на внѣшнюю рѣзкость, на внѣшнюю революціонность при внутреннемъ убожествѣ и идейной скудости. Кажется «американизмъ» овладѣваетъ міромъ: Практическій, воодушевляющій идеализмъ отодвигается на задній планъ все растущимъ «американизмомъ», а это, естественно, должно было выразиться въ борьбѣ съ тѣмъ теченіемъ мысли, которое является наиболѣе явнымъ и неумолимымъ врагомъ «американизма»; и на самомъ дѣлѣ, за послѣдніе 10—12 лѣтъ все было сдѣлано, чтобы анархизму нанести смертельный ударъ. Кое гдѣ безсознательно, сами анархисты наносили себѣ эти удары. Анархисты даютъ, ничего не беря себѣ взамѣнъ, щедро расточаютъ свои силы, «отдаютъ и одалживаютъ безъ всякой гарантіи» свою энергію на всякія «революціонныя предпріятія». Это великодушно, и жестъ очень красивъ, но поступать такъ не всегда цѣлесообразно. Все можно дать, всѣмъ можно дѣлиться, но изъ принципа, изъ самаго анархизма урвать ничего нельзя, нельзя двоить или троить его, нельзя сказать: это я дѣлаю, какъ анархистъ, а это не какъ анархистъ; анархизмъ раздвоенный, анархизмъ раздѣленный уже не анархизмъ. Онъ есть или его нѣтъ, и тотъ, кто его носитъ въ сознаніи своемъ, долженъ носить его цѣлкомъ и въ жизнь вмѣшиваться, лишь въ случаѣ увѣренности, что цѣльности міровоззрѣнія никогда не утеряешь; иначе лучше отказаться отъ отвѣтственности, которую налагаетъ на каждаго изъ насъ признаніе опредѣленнаго міровоззрѣнія, и довольствоваться «житейской наукой». Расточать энергію, даже съ нѣкоторымъ удальствомъ, можно, но при условіи не жертвовать сущностью формѣ, не взращивать дитя, которое съѣстъ родную мать. Пока дитя родную мать не съѣло, оно ее, положемъ, никогда и не съѣстъ, но поползновеніе на это кощунство было. Въ чемъ оно выразилось? Выразилось оно въ безоглядномъ увлеченіи тѣмъ революціоннымъ профессіональнымъ движеніемъ, развитію котораго анархисты такъ много сами содѣйствовали, въ чемъ, конечно, я, сторонникъ этого движенія, упрекать ихъ не намѣренъ; я ихъ упрекаю лишь въ томъ, что въ этомъ увлеченіи они *одно время* зашли такъ далеко, что, казалось, совсѣмъ забыли анархизмъ. Но объ этомъ мы когда нибудь поговоримъ особо. Тутъ мы остановимся на болѣе непосредственной попыткѣ хищенія анархистскихъ силъ.

Первый походъ противъ анархизма, послѣ распаденія Интернаціонала, имѣлъ мѣсто на международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ. Анархисты, какъ мы знаемъ, не думали, не стремились къ тому, чтобы ихъ доктрина восторжествовала на этихъ съѣздахъ, они прекрасно знали, что это было невозможно. Они стремились лишь къ тому, чтобы съѣзды эти оставались безфракціонными, что дало бы имъ возможность остаться членами съѣздовъ, не отказываясь отъ своихъ принциповъ. Это могло бы осуществиться, еслибы съѣзды эти признали себя общими съѣздами всѣхъ соціалистовъ безъ различія фракцій, не возводящими въ общеобязателяную дог-

му частную доктрину одной изъ нихъ. Извѣстно, что съѣзды эти превратились въ соціалъ-*демократическіе* съѣзды и объявили обязательнымъ для всякаго соціалиста парламентскую сутолоку и стремленіе къ захвату власти. Такимъ образомъ, для анархистовъ и антипарламентаристовъ двери этихъ съѣздовъ оказались закрытыми. Это была открытая борьба; анархисты оказались побѣжденными, можетъ быть, потеряли десятка два товарищей и полу-товарищей антипарламентаристовъ и только. Но за то это обстоятельство развязало имъ руки, — выигрышъ значительно покрывалъ проигрышъ.

Второй походъ начинается въ 1886 году, когда анархисты, окончательно отдѣлившіеся отъ соціалъ *демократіи*, устремились въ профессіональные союзы, гдѣ та безфракціонность, которую они хотѣли внести въ соціалъ-*демократическіе* съѣзды, давно торжествовала, благодаря, главнымъ образомъ, ихъ усиліямъ, чтобы внести въ эти чисто рабочія организаціи то, чего имъ не удалось привить къ соціалъ-*демократическимъ* организаціямъ; а именно, идею всеобщей стачки, непосредственнаго дѣйствія и революціонный духъ. Тутъ ихъ работа оказалась куда производительнѣе. И вотъ, когда анархисты стали пріобрѣтать вліяніе въ рабочихъ организаціяхъ, когда эти чисто рабочія организаціи стали оказывать имъ довѣріе, какъ людямъ, не ищущимъ въ рабочемъ движеніи ни карьеры, ни депутатскихъ креселъ, и, слѣдовательно, не могущихъ завести рабочія организаціи въ политиканскія дебри; когда они, наконецъ, доказали, что можно быть, по выраженію нынѣ ренегатствующаго нео-марксиста Сореля, практичнымъ человѣкомъ, оставаясь цѣльнымъ революціонеромъ, тогда начинается походъ противъ анархистовъ съ разныхъ сторонъ. Одни начинаютъ курить фиміамъ ихъ бунтовскому духу, поютъ гимны ихъ революціонности, ихъ безкорыстной преданности рабочему дѣлу, ихъ высокому идеализму, — комплименты, къ которымъ анархисты горько сознаться въ этомъ — не сумѣли отнестись достаточно холодно. Другіе стараются умалчивать ихъ значеніе во всемъ, въ томъ числѣ и ихъ работу за послѣдніе 20—25 лѣтъ въ профессіональныхъ организаціяхъ и тайными способами стараются нанести имъ смертельный ударъ въ спину; нѣкоторые, какъ напримѣръ, Э. Бертъ, еще одинъ ренегатъ нео-марксизма, сподвижникъ Лагарделя и послѣдователь Сореля, старался свести на нѣтъ весь анархизмъ, что не мѣшало ему грабить самымъ безстыднымъ образомъ анархистовъ.

Третьи, наконецъ, эрвэисты, поступили иначе, умнѣе, ехиднѣе. Они знали слабыя стороны анархистовъ, тѣмъ болѣе, что они заблаговременно привлекли на свою сторону нѣсколько человѣкъ полу-аллеманистовъ, полу-анархистовъ, которые якшались съ анархистами, порою пописывали въ анархическихъ газетахъ, напр., въ Le Libertaire, когда эта газета была еще эклектической революціонной газетой. Они хорошо знали, за какія слабыя струнки анархистовъ, нужно было дернуть, чтобы онѣ отвѣтно зазвучали. Знали ихъ удаль въ борьбѣ, ихъ безстрашіе передъ судьями и полиціей, ихъ готовность бороться противъ всѣхъ формъ буржуазнаго насилія, готовность къ рѣзкимъ выступленіямъ, при отсутствіи страха передъ грозящимъ наказаніемъ; они знали, что отъ анархистовъ можно брать, ничего не давая взамѣнъ. Вотъ и нужно было подзадорить ихъ, разжечь ихъ боевыя страсти, а потомъ... поэксплуатировать.

И вотъ основывается «Guèrre Sociale». при *самомъ активномъ* содѣйствіи этихъ беззаботныхъ людей, беззаботно отдающихъ свои силы революціонной агитаціи, революціоннымъ выступленіямъ, всякимъ революціоннымъ начинаніямъ, которыя имъ кажутся искренними. Посыпались процессы противъ антимилитаристовъ, антипатріотовъ и участниковъ буйныхъ манифестацій. Эрве и его «молодцы» тоже не щадили себя, но съ увѣренностью можно сказать, что среди постарадавшихъ во время этого прямо великолѣпнаго похода противъ арміи, полиціи, суда и разныхъ гнусныхъ предпріятій третьей республики на 100 осужденныхъ было, по крайней мѣрѣ, 80 анархистовъ

«Guèrre Sociale» гремѣла и росла на спинахъ анархистовъ. Но всему есть конецъ. И вотъ, когда наиболѣе «буйные» элементы разсѣлись по разнымъ тюрьмамъ и призадумались, они замѣтили, что слишкомъ далеко завлекли другъ друга. Эрве къ ужасу своему замѣтилъ, что во время разгара борьбы анархисты, какъ то незамѣтно, заставили его черезчуръ рѣзко отмежеваться отъ господъ парламентаріевъ, а такой рѣзкій разрывъ не входилъ въ планъ предусмотрительнаго Эрве. Анархисты, въ свою очередь, замѣтили, что слишкомъ много жертвъ понесли: еслибы, разсуждали они, эти жертвы шли на пользу *общаго дѣла*, еслибы отъ понесенныхъ жертвъ выиграло бы обще-революціонное движеніе, то это было бы прекрасно, это есть наше дѣло — все отдавать движенію, но бѣда въ томъ, что 80% нашихъ усилій ушло на *частное дѣло*, — «Guèrre Sociale» разжирѣла. Естественно, заговорили о «компенсаціяхъ». Компенсаціи? Отчего же можно, вотъ оснуемъ «Революціонную Партію». Тутъ анархисты широко раскрыли глаза. Основать «Революціонную Партію» это не то, что посидѣть въ тюрьмѣ годикъ-другой за революціонныя выступленія. Это дѣло посложнѣе. Тутъ нужны серьезныя гарантіи. Эрве даютъ понять, что прежде всего ему нужно выйти изъ соціалъ-демократической партіи и тѣмъ окончательно сжечь за собой корабли. Сжечь корабли! Легко сказать, а вдругъ они понадобятся для обратнаго путешествія? Корабли сжечь отказались. Тогда амьенская анархическая газета, самая крупная и старая провинціальная газета, не мало содѣйствовавшая успѣху «Guèrre Sociale» въ провинціи, сдѣлала слѣдующее предложеніе: начнемъ, говорила газета, съ критической части той платформы, которая должна лечь въ основаніе «Революціонной Партіи». По нашему, партія должна быть антикапиталистической, антигосударственной, антипарламентской, антимилитаристской; что же касается формъ организаціи, то и помину не должно быть ни о какой централизаціи: полная автономія группъ, но согласованное дѣйствіе для *опредѣленныхъ цѣлей*. Примемъ пока эту платформу, а объ остальномъ поговоримъ потомъ.

Гравъ же въ «Les Temps Nouveaux», по поводу предложенія Эрве, огрызнулся весьма негалантно и рѣзко заговорилъ о новой формѣ политиканства. Тутъ у Эрве и его сподвижниковъ зарябило въ глазахъ. Положительно, рѣшилъ онъ, анархисты не хотятъ слѣдовать моему примѣру! Не хотятъ *плевать на принципы*. Черти окаянные! Полъ-оборота направо! — скомандовалъ онъ. И съ этого момента «Guèrre Sociale» начинаетъ мѣнять свою личину. Революціонная партія сорвалась, такъ какъ выяснилось, что казарменный духъ трудно привить анархистамъ. Тогда на сцену выдвигается новый проектъ въ той же «Guèrre Social», но уже не въ формѣ «Революціонной Партіи», а «Революціоннаго Соглашенія» (Entente révolutionnaire).

Во главѣ новаго предпріятія стоитъ не Эрве, а Шарль Альберъ, человѣкъ серьезный, не безъ образованія, очень недурной публицистъ, долго боровшійся въ рядахъ анархистовъ, бывшій долгіе годы постояннымъ сотрудникомъ газеты «Les Temps Nouveaux», единственный человѣкъ, о потерѣ котораго всѣ анархисты крайне сожалѣютъ. Выступленіе его носило чисто принципіальный характеръ. Онъ пытался доказать, что такъ какъ анархизмъ не можетъ быть тѣмъ идеаломъ, къ осуществленію котораго можно непосредственно стремиться въ ближайшемъ будущемъ, то нужно установить компромисный идеалъ; этимъ компромиснымъ идеаломъ, по его мнѣнію, можетъ быть коллективизмъ, умѣренный широкимъ коммунализмомъ. Нельзя, говоритъ онъ, декретировать вмѣстѣ съ анархистами полное разрушеніе государства, но нельзя не признать, что необходимо уменьшить компетенцію государства, что оно должно быть сведено къ коммунализму. Альберъ оставаясь антипарламентаристомъ, предлагалъ, чтобы «Революціонное Соглашеніе» было нейтральнымъ во время выборовъ и парламентарнымъ вообще. Эти ограниченія вводились только для анархистовъ, для соціалъ-демократовъ такихъ ограниченій не вводилось, а только давался благій совѣтъ, чтобы они не посвящали всѣ свои силы исключительно апарламентской дѣятельности. Указывалось, между прочимъ, на то, что подобныя же ограниченія существуютъ, напримѣръ, въ синдикатахъ, и анархисты, молъ, не отказываются участвовать въ нихъ. Совершенно вѣрно. Ограниченія эти существуютъ въ синдикатахъ, но тамъ эти ограниченія касаются лишь *самой организаціи*, а личности вполнѣ свободны вести свою пропаганду внѣ синдикатовъ, какъ хотятъ; и на самомъ дѣлѣ, многіе изъ революціонныхъ синдикалистовъ, даже такіе, которые занимаютъ отвѣтственныя мѣста въ синдикалистскихъ организаціяхъ, широко пользовались этимъ правомъ и принимали дѣятельное участіе въ абстенціонистской пропагандѣ во время выборовъ и состояли членами противо-парламентскихъ группъ; мало того, въ самихъ синдикатахъ личная идейная пропаганда вполнѣ свободна. Проектъ Ш. Альбера, кромѣ того, что онъ касался существенно самыхъ основъ анархическаго міровоззрѣнія, связывалъ руки анархистамъ, какъ внутри самой организаціи, такъ и внѣ ея. Вотъ почему его предложеніе встрѣтило среди анархистовъ крайне суровый пріемъ. Его призывъ остался гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Самъ онъ войти въ с.-д. партію не захотѣлъ, такъ что совсѣмъ остался на бобахъ: старыхъ друзей потерялъ, а новыхъ не пріобрѣлъ.

Видя, что и этотъ проектъ расхищенія анархическихъ силъ не удался, Эрве на этотъ разъ скомандовалъ: кругомъ маршъ — и вернулся аки песъ къ блевотинѣ своей.

Такова естественно должна быть судьба всякаго движенія, всякаго революціоннаго предпріятія, которыя будутъ жертвовать сущностью формѣ, будутъ основывать свое дѣло исключительно на внѣшней революціонности, при внутреннемъ убожествѣ и идейной скудости.

Агитація противъ войны. Базельскій и Парижскій съѣзды. 24-хъ часовая всеобщая стачка, 16 декабря 1912 г.

Война на Балканахъ и, въ особенности, опасность международной войны вызвала довольно сильную агитацію. Къ со-

жалѣнію, тутъ не все обстоитъ благополучно. Революціонныя силы дѣйствовали вразбродъ. Утѣшительно, однакожъ, то, что всѣхъ объединяло одно общее чувство — ненависть къ войнѣ. Митинги, организованные анархистами, соціалистами, синдикалистами чередовались одинъ за другимъ, одинъ удачнѣе другого. Митингъ Федераціи анархистовъ-коммунистовъ, завершился арестомъ секретаря Федераціи, а также было возбуждено слѣдствіе противъ одного изъ ораторовъ Федераціи; оба подверглись преслѣдованію за слишкомъ ясный совѣтъ, какъ помѣшать мобилизаціи арміи. Было возбуждено преслѣдованіе противъ нѣкоторыхъ анархическихъ изданій, такъ наприм. Le Mouvement Anarchiste конфискованъ, и секретарь редакціи преданъ суду все за тѣ же ясные совѣты, какъ помѣшать мобилизаціи. Были митинги въ Вѣнѣ (30 тыс. человѣкъ), въ Берлинѣ (200 т. чел.). Во Франціи первая крупная манифестація, слѣдовавшая за митингами была организована соціалистической партіей въ Pré-Saint-Gervais, грандіозная, полная энтузіазма, въ которомъ принимали участіе разнородные элементы, — соціалисты, синдикалисты, анархисты. Федерація анархистовъ-коммунистовъ принимала участіе въ этой манифестаціи цѣликомъ. «Но я не думаю, говоритъ Пуже, что отъ этого автономія Федераціи анархистовъ-коммунистовъ пострадала». Конечно, нѣтъ. Есть вещи, которыя стоятъ внѣ чисто-партійной компетенціи, есть вещи, которыя въ одинаковой степени *должны* интересовать всѣхъ, какъ есть выступленія, которыя ни въ коемъ случаѣ не должны быть оставлены въ рукахъ лишь одниxъ умѣренныхъ элементовъ, наоборотъ, нужно своимъ вмѣшательствомъ придать имъ болѣе опредѣленный характеръ, и анархисты прекрасно сдѣлали, что присоединились къ этой манифестаціи; прекрасно поступили и тѣ синдикалисты, которые помимо рѣшенія «центра», присоединились къ манифестаціи. Кто хорошо усвоилъ принципъ автономіи, кто глубоко проникся имъ и умѣетъ ставить его на принципіальной почвѣ, кто умѣетъ владѣть имъ и пользоваться имъ, тотъ никогда не будетъ бояться потерять его въ тѣ рѣдкіе случаи, когда дѣло, выходящее изъ партійной компетенціи, требуетъ общаго усилія всѣхъ революціонеровъ. Въ такихъ случаяхъ совмѣстное выступленіе осуществляется безъ всякихъ письменныхъ договоровъ. Французская Конфедерація Труда не такъ понимаетъ вопросъ автономіи. Она отказалась участвовать въ манифестаціи въ Pré-Saint-Gevais подъ тѣмъ предлогомъ, что съѣзды Конфедераціи неоднократно указывали, что Конфедерація есть организація автономная, дѣйствующая автономно же, а потому *она не можетъ вступать въ союзъ ни съ какими политическими партіями. Конечно, не можетъ вступить въ союзъ, конечно, не должна входить въ союзъ и прекрасно дѣлаетъ, что отвергаетъ всякіе союзы въ политическими партіями.* Если бы рѣчь шла о союзѣ съ политическими партіями, *мы возстали бы всей нашей силой противъ такого грубаго нарушенія основного организаціоннаго принципа Конфедераціи Труда.*

Но въ данномъ случаѣ рѣчь шла не о союзахъ, не о соглашеніяхъ, не о договорахъ, а просто о приглашеніи всей рабочей массы участвовать въ демонстраціи противъ войны. Участвовать можно было въ качествѣ автономной единицы, со своимъ знаменемъ. Если бы Конфедерація присоединилась къ этой демонстраціи, получилось бы нѣчто грандіозное, можетъ быть, болѣе грандіозное, чѣмъ манифестація, имѣвшая мѣсто во время похоронъ Луизы Мишель или недавняя манифестація по поводу Арну. Вотъ почему рѣшеніе конфедераціи крайне холодно было принято въ революціонныхъ кругахъ. Даже анархисты, всегда готовые встать насторону Конфедераціи Труда при всякомъ спорѣ съ соціалъ-демократами, на этотъ разъ осудили поведеніе Конфедераціи. *) На самомъ дѣлѣ протестъ противъ войны не является исключительнымъ достояніемъ какой нибудь партіи, онъ не есть политическая манифестація въ собственномъ смыслѣ слова и участіе политическихъ партій въ протестѣ противъ войны не должно охладить насъ, не должно уменьшить наше рвеніе бороться противъ этого ужаснаго зла. Къ счастью, манифестація не пострадала, она вышла грандіозной, какъ выше было указано, и это все, что нужно.

Поведеніе Конфедераціи можно, если не совсѣмъ оправдать, то, по крайней мѣрѣ, извинить. Когда заговорили о томъ, что необходимо серьезно организовать протестъ противъ войны, что этому протесту нужно придать по возможности международный характеръ, Конфедерація естественно рѣшила обратиться къ *родственнымъ* по характеру организаціямъ. Она и обратилась съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ нѣмецкимъ и австрійскимъ профессіональнымъ союзамъ и получила отъ нихъ слѣдующій поразительный отвѣтъ: протесты противъ войны это политическая демонстрація и, слѣдовательно, однѣ рабочіе организаціи не могутъ

*) См. «Les Temps Nouveaux», № 30 1912 г,

взять на себя иниціативу подобнаго выступленія. Вотъ тебѣ и на! А когда прійдется платить за разбитые горшки, тогда австрійскіе и нѣмецкіе рабочіе увидятъ, что послѣдствія войны слишкомъ тяжелымъ ярмомъ ложатся на шею рабочихъ, именно на шею рабочихъ, главнымъ образомъ, и, слѣдовательно, война, по своимъ послѣдствіямъ, не есть чисто политическое явленіе.

Такъ или иначе выходило, что Конфедераціи что-то *навязывали* насильно, а это кого угодно обидитъ, обидѣло это и Конфедерацію. Силой навязанная и свобода перестаетъ быть свободой. Вотъ почему Конфедерація предпочла выступить самостоятельно. Отсюда *два съѣзда* — Базельскій соціалъ-*демократическій* и Парижскій съѣздъ Конфедераціи Труда (24-25 ноября); первый — международный, второй — національный. На Базельскомъ съѣздѣ 600 делегатовъ представляли около 23 народностей, на Парижскомъ было представлено *больше* 1000 организацій, всѣ французскія. Первый съѣздъ отличался большою пышностью, большимъ показнымъ величіемъ, носилъ, если позволено будетъ такъ выразиться, болѣе рекламный характеръ. Соціаль-*демократія* выставила всѣ свои лучшія силы, всѣхъ своихъ лучшихъ ораторовъ. Одни Бебель и Жоресъ чего стоятъ для привлеченія публики. Было произнесено много блестящихъ рѣчей. Лиризмъ Жореса способенъ вызвать слезы даже у «телятъ». Съѣздъ закончился грандіознымъ митингомъ, гдѣ 30-тысячная толпа, собравшаяся частью въ Базельскомъ соборѣ, частью вокругъ нѣсколькихъ импровизированныхъ трибунъ, энергично апплодировала скорѣе ораторскому искусству, блестящему умѣнію владѣть толпою, чѣмъ мыслямъ и идеямъ ораторовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что базельское кантонное *правительство*, которое такъ радушно приняло конгрессистовъ, и приняло черезъ своихъ представителей посильное участіе въ съѣздѣ, палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы помѣшать войнѣ, не только своей шкурой, но даже своимъ мѣстомъ не рискнетъ, почему же въ такихъ, ни къ чему не обязывающихъ обстоятельствахъ, не сказать нѣсколько напыщенныхъ фразъ противъ войны? Благо — ничего не стоитъ. Базельскій конгрессъ — это буржуазный пацифизмъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, искренній, не милюковскій, пацифизмъ. Конгрессъ принялъ резолюцію, воспроизводить ее я не буду, да и не къ чему, это стереотипная соціалъ-*демократическая* резолюція, въ которой никакія *опредѣленныя* мѣры не предлагаются ни противъ войны, ни противъ мобилизаціи.

Парижскій съѣздъ синдикалистовъ имѣетъ, по моему, болѣе существенное значеніе, *потому что онъ является непосредственнымъ выраженіемъ чувствъ и стремленій народныхъ массъ.* Онъ не пышенъ, простъ, блестящихъ ораторовъ на съѣздѣ не видать; тутъ народъ все простой, безыскусственный, блестящихъ рѣчей также не было, но за то здѣсь говорятъ съ большей ясностью, съ большею опредѣленностью, хотя, къ сожалѣнію, нѣтъ всеобщаго согласія. Такъ напримѣръ, Шоферъ и нѣкоторые другіе высказываются противъ 24-часовой всеобщей стачки. Не чувствуется полнаго единства и въ выборѣ средствъ, способныхъ помѣщать мобилизаціи, если таковая будетъ объявлена во Франціи. Резолюціи я и тутъ не буду приводить. Укажу просто, что громадное большинство съѣзда рѣшило, что рабочіе не откликнутся на призывъ къ войнѣ, что они воспользуются объявленіемъ войны, сплотятся противъ капитализма и объявятъ всеобщую стачку». Такимъ образомъ, внѣшней войнѣ, если таковая будетъ объявлена, рабочіе намѣрены отвѣтить внутренней гражданской войной. Ясно и просто, и въ этой безыскусственной ясности заключается вся сила и все значеніе этого съѣзда. Какъ первое предупрежденіе правительству, съѣздъ рѣшилъ объявить 24-часовую стачку, каковая и имѣла мѣсто 16 декабря 1912 г. Была ли она вполнѣ удачна? Увы, нѣтъ! Конечно, правительство приняло строгія мѣры, чтобы помѣшать стачкѣ; но, учитывая это обстоятельство, все таки приходится признать, что 24-часовая стачка не дала ожидаемыхъ результатовъ.

«16-ое декабря не потерянный день. Однакожъ онъ не далъ все то, что ждали отъ него, для того благого дѣла, которому онъ долженъ былъ послужить... За угрожающимъ жестомъ преступниковъ, способныхъ вызвать всеобщій пожаръ, полный неописуемыхъ ужасовъ, долженъ былъ бы послѣдовать предупреждающій жестъ, достойный причины, вызвавшей его и достойный народа, сдѣлавшаго его. Но вышло не то.

«Однакожъ, мы были бы очень не правы, если бы стали тревожиться и отчаиваться. Какъ бы онъ далекъ не былъ отъ нашихъ ожиданій, жестъ имѣлъ свое значеніе».*)

«Стачка, объявленная съ цѣлью протеста противъ войны, хотя она и не была единодушной и рѣшительной манифестаціей, чѣмъ она могла бы быть, если всѣ тѣ, которые стра-

*) «La Bataille Syndicaliste» № 601, 17 декабря 1912 г. (статья Ивто).

шатся войны приняли въ ней участіе, однакожъ, не была безплодна».*)

«Стачка не была всеобщей». Бастовавшихъ было много, число ихъ было бы еще больше, если бы не грубое правительственное давленіе. «Хотя она (стачка) и была значительной, она не взволновала того, что принято называть «общественнымъ мнѣніемъ»**) Почему это? Потому что движеніе въ Парижѣ не было нарушено, трамваи, отобюсы, метрополитэнъ, желѣзныя дороги не были пріостановлены, газъ и электричество доставлялся городу аккуратно, театры не пріостановили представленія, торговя въ магазинахъ шла своимъ чередомъ, всѣ газеты вышли безъ пріостановки. И это при 110 тысячахъ бастующихъ въ одномъ Парижѣ. ***) Характерно, что тѣ самые шоферы, которые на съѣздѣ были противъ стачки, 16 декабря вели себя очень энергично, и къ стачкѣ примкнули и подрались малую толику, однимъ словомъ, они дали парижанамъ почувствовать, что въ Парижѣ стачка.

Какъ и товарищи, мною цитированные выше, я думаю, что день 16 декабря имѣетъ свое значеніе, даже большое значеніе. 16 декабря — результатъ дѣйствія сознательнаго меньшинства. 100 тысячъ революціонеровъ, если они подлинно революціонеры, если они сумѣютъ проявить всю нужную отвагу и смѣлость въ тотъ день, когда они понадобятся для рѣшительнаго революціоннаго дѣла, сумѣютъ остановить руку преступниковъ серьезной угрозой гражданской войны — самой страшной изъ всѣхъ, какая можетъ быть брошена въ лицо современнымъ властителямъ судебъ народовъ. Она является еще страшнѣе, если исходитъ отъ народныхъ массъ, способныхъ слово подтвердить дѣломъ.

70-лѣтіе П. А. Кропоткина. *)

Подлинно міровою цѣнностью обладаютъ лишь тѣ рѣдкіе счастливые избранники судьбы, передъ которыми даже враги съ благоговѣніемъ снимаютъ шляпу. 70 лѣтіе нашего дорогого товарища показало, что онъ принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкихъ счастливцевъ.

Въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ нашего друга и учителя чествовали кто какъ могъ, но всѣхъ объединяло одно общее чувство любви и уваженія къ человѣку, который, чтобы онъ ни дѣлалъ, чтобы онъ ни думалъ, всегда былъ великою совѣстью, необходимою для того, чтобы внести въ исторію то, что есть истинно *человѣческое* — духовность, душевность и общественность. Ни у одного изъ тѣхъ, кто отдалъ свою жизнь борьбѣ за лучшее будущее человѣчества такъ прекрасно, какъ у П. А. Кропоткина, не сочетаются эти три дара великой личности.

Мнѣ помнится, что буржуазный и полу буржуазный міръ старался скрыть, что Э. Реклю былъ анархистъ; ловко скользили мимо его анархизма и усердно хвалили великаго географа. Зазорно, чтобы такой великій человѣкъ былъ анархистомъ, желающимъ гибели всему буржуазному стро. Такая же попытка, хотя значительно въ меньшей мѣрѣ, имѣло мѣсто и во время чествованія П. А. Кропоткина. Охотно говорили о великомъ русскомъ человѣкѣ, объ ученомъ, даже патріотѣ, и старались елико возможно умолчать объ его революціонной дѣятельности. Но П. А. Кропоткинъ слишкомъ яркая фигура анархиста-революціонера, чтобы это было возможно. Одинъ изъ корреспондентовъ «Рѣчи» самымъ рѣшительнымъ тономъ сообщалъ своимъ читателямъ, что Кропоткинъ началъ *бунтарствомъ* и кончилъ *взаимною помощью*. Есть люди, для которыхъ не лишнее сотню разъ разъ повторить, что П. А. Кропоткинъ всегда былъ анархистомъ-революціонеромъ съ неустаннымъ темпераментомъ борца и такимъ онъ останется до послѣдняго вздоха. Свою благодарственную телеграмму устроителямъ митинга въ Лондонѣ 7-го декабря онъ закончилъ возгласомъ «Да здравствуетъ соціальная революція!» Это крикъ вѣрующаго, убѣжденнаго, бодраго революціонера, и намъ, не во время состарившимся молодымъ, нужно учиться вѣрѣ и бодрости революціонной у этого никогда не старѣющаго старика.

О—и.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Корнъ. **Борьба съ Капиталомъ и Властью.**

Наши спорные вопросы.

Изданіе листковъ «Хлѣбъ и Воля». Лондонъ, 1912 года.

Брошюра товарища М. Корнъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Ее долженъ внимательно прочесть каждый анархистъ, сознающій всю важность обсуждаемыхъ спорныхъ вопросовъ.

Авторъ брошюры указываетъ на двойственность, которой была проникнута психологія русскихъ анархистовъ: «въ душѣ ихъ жило раздвоеніе: имъ казалось, что они приносятъ свою жизнь въ жертву чужому идеалу, работаютъ для будущаго, которо для нихъ самихъ не имѣетъ никакого обаянія — для воцаренія у насъ «правового порядка» (стр. 8). Вполнѣ правильно: раздвоенность была отмѣчена почти всѣми, принимавшими участіе въ тяжелой, временами мучительно тяжелой, борьбѣ, въ Россіи. Само опасеніе, что вотъ, молъ, мы приносимъ свою жизнь въ жертву «чужому идеалу» выросло, по нашему мнѣнію, на почвѣ рокового безсилія — наполнить максималистическое *слово* соотвѣтствующимъ реальнымъ *дѣломъ*. Это очень хорошо, что «правовой порядокъ» былъ лишенъ всякаго обаянія въ глазахъ товарищей (увы, вопросъ только — въ глазахъ-ли всѣхъ товарищей?!?) Чувство гадливости и отвращенія какъ къ господствующему самодержавію, такъ и къ борющейся за свое господство демократіи — *здоровое* чувство! Но одного только чувства мало! Недостаточно однихъ только, хоть и глубоко продуманныхъ и усердно пропагандируемыхъ *идей*, лозунговъ. Нужно *массовое дѣло*. А для этого есть только одинъ путь: быть въ массѣ; формулировать наши лозунги такъ, чтобы ихъ подхватили массы, лишь тогда максималистическое слово перейдетъ въ дѣло. Такого реальнаго дѣла не было. Были попытки, нѣтъ, даже не попытки, а *планы* устройства революціонныхъ коммунъ. Но то-то и плохо, что это были планы: иниціаторы не сумѣли организовать массу вокругъ этого лозунга. При такихъ обстоятельствахъ *здоровая* по существу ненависть къ демократіи носила отвлеченный характеръ, а сознаніе, что нѣтъ соотвѣтствующаго дѣла, породило недовольство собой, раздвоенность.

Слѣдующія слова автора брошюры показываютъ, что ему вполнѣ ясны задачи анархистовъ въ періодъ революціи, что онъ сознаетъ *неизбѣжность, жизненность* задачи — отмежеваться не въ *лозунгахъ* только отъ демократовъ. «Та идейная послѣдовательность, которая съ самого начала зарожденія анархическаго движенія — съ эпохи Интернаціонала и дѣятельности Бакунина — заставляетъ анархистовъ всѣми силами противиться раздѣленію во времени политическаго и экономическаго освобожденія, создаетъ для нихъ въ Россіи очень трудную и практическую задачу: выработать свое отношеніе къ происходящей борьбѣ съ точки зрѣнія совершенно обратной той, на которой стоятъ наши руководящіе соціалистическіе круги» (стр. 7).

М. Корнъ подчеркиваетъ завѣтъ Бакунина: *единовременность* политической и экономической революціи. И это очень важно: стоитъ только выбросить пунктъ о единовременности или «разъяснить» его — и тотъ или иной бойкій демократъ въ анархической мантіи легко докажетъ вамъ все, что угодно: что намъ *въ періодъ революціи* надо бороться, за свободу коалицій, (ну, конечно, *не такъ*, какъ борятся демократы), и т. п. Вотъ почему такъ цѣнна подчеркиваемая авторомъ, мысль, о единовременности моментовъ политическаго и экономическаго освобожденія, «Революція соціальная и революція политическая будутъ въ дѣйствительности неотдѣлимы одна отъ другой, да такъ оно и должно быть, потому что первая безъ второй — невозможность, безсмыслица, а вторая безъ первой — *надувательство*.» (Курсивъ нашъ. Утопистъ, стр. 19—25). Во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ, позиція автора удивительно ясна и опредѣленна. Нѣтъ колебанія. Нѣтъ эклектики.

Въ дальнѣйшемъ же, увы, ясность позиціи теряется... «Нужно не пассивное равнодушіе къ борьбѣ за демократизацію политическаго строя, и тѣмъ болѣе не враждебное отношеніе къ этой борьбѣ, а нужна выработка *своей*, антигосударственной, программы политической борьбы, программы, которая опять-таки была построена на неотдѣлимости борьбы политической отъ борьбы экономической» (стр. 24).

Не совсѣмъ ясно это противопоставленіе — нужно *не* враждебное отношеніе къ борьбѣ, а (?) выработка своей программы. Вѣдь враждебное то отношеніе и вытекаетъ изъ нашего различнаго пониманія политической борьбы: нашъ лозунгъ — «*единовременность*» политическаго и экономическаго освобожденія; политическая революція безъ экономической — «надувательство»; а это «надувательство» — лозунгъ демократовъ минималистовъ! Какъ-же вы хотите, чтобы не относились, враждебно къ происходящей борьбѣ за демократизацію? Это невозможно, хотя бы по тѣмъ соображеніямъ, на которыя указываетъ «Рабочій Міръ»: «Разъ признано, что мы, вѣрные *формальнымъ* основамъ міровоззрѣнія — антидемократы; разъ признано, что... демократія непригодна, какъ орудіе классовой борьбы», что наши лозунги въ періодъ революціи не совпадаютъ съ таковыми демократовъ, то враждебное отношеніе къ борьбѣ, которую ведутъ демократы, неизбѣжно. Проповѣди же миролюбія не совсѣмъ понятна. Слѣдующія слова товарища Корнъ вполнѣ удовлетворительно объ-

*) «Les Temps Nouveaux», № 35, 1912 г.
**) «La Guerre Sociale», № 51, 1912 г. (статья Пуже).
***) Приблизительно столько же въ провинціи.
****) На митингѣ 9-го декабря 1912 года въ Парижѣ, была допущена одна оплошность: забыли прочитать привѣтствія отъ «Юдишеръ Арбайтеръ» и отъ группы «Рабочій Міръ»— исправляемъ эту оплошность здѣсь.

ясняютъ внутренній смыслъ этой проповѣди: «Нельзя отрицать наличность извѣстной политической эволюціи. нельзя ставить знакъ равенства между всѣми формами политическаго гнета на томъ основаніи, что мы хотимъ уничтоженія всякаго гнета (стр. 30).

Вотъ гдѣ собака зарыта! Конечно, если *нельзя* ставить знакъ равенства, то враждебное отношеніе не только излишне, но даже *преступно.*

Но тогда не лишается-ли авторъ права говорить *серьезно* о томъ, что политическая революція — надувательство? И не подаетъ-ли онъ справедливаго повода упрекать насъ, анархистовъ, въ томъ, что нашъ максимализмъ — митинговая, полемическая, парадная фраза»? (См. Р. М., № 1).

«Рабочій Міръ», напримѣръ, думаетъ, что ставить знакъ равенства между различными формами политическаго гнета — можно! И это не потому, чтобы онъ отрицалъ наличность политической эволюціи, а потому, что самодержавіе, какъ и демократія — *враги максимализма народнаго.*

Вотъ что непонятно: авторъ, казалось бы, долженъ былъ показать намъ — какъ сочетать анархическій антидемократизмъ съ теоріей неизбѣжности политической эволюціи, но онъ этого не дѣлаетъ. Но тогда авторъ долженъ отказаться отъ мысли — разрѣшить *«спорный вопросъ»*. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отдѣлаться такого рода заявленіемъ: «надо выработать свою собственную антигосударственную программу политической борьбы» — вѣдь, вопросъ идетъ именно о томъ, *какъ* сочетать эти «начала» въ *«антигосударственной»* программѣ?

М. Корнъ справедливо опасается, какъ-бы его слова о томъ, что «нельзя отрицать наличность извѣстной политической эволюціи» не подали повода думать, что авторъ идеализируетъ демократію. И авторъ заявляетъ: «это не значитъ, конечно, что мы восхищаемся политическимъ строемъ или «свободой» «современнаго рабочаго». Еще бы! Не доставало-бы, что бы анархистъ Корнъ «восхищался»! Кто-же, собственно, восхищается? Послѣдовательный радикалъ — и тотъ уже не восхищается! М. Корнъ даетъ классическое объясненіе, почему именно онъ «не восхищается» демократическимъ строемъ и «свободой» «современнаго рабочаго». «Въ какой-нибудь демократической республикѣ нашихъ дней люди не менѣе страдаютъ, не меньше возмущаются, не менѣе борятся; но лучше ужъ то, что они тамъ стали гораздо чувствительнѣе къ притѣсненію, гораздо нетерпимѣе. Для нихъ невыносимо то, что для насъ вполнѣ привычно. А въ сущности, вѣдь, въ этомъ состоитъ прогрессъ» (стр. 30).

И это все, что заставляетъ М. Корнъ «не восхищаться» демократическимъ строемъ!? Но вѣдь, точно, такіе же доводы можно выставить и противъ анархическаго строя!

А мы-то думали: *отвращеніе*, которое испытываетъ анархистъ къ «демократическому» строю — не эмоція, не плодъ настроенія, а имѣетъ глубочайшіе корни въ самой жизни, въ нашей теоріи! Мы думали: республика затемняетъ сознаніе массъ фикціей народной воли; развращаетъ психологію массъ мнимымъ и настоящимъ *пріобщеньемъ къ власти*! и т. д. Оказывается, что возмущеніе массъ объясняется ростомъ чувствительности къ гнету! Получается такая картина: между различными формами политическаго гнета знака равенства ставить нельзя. Правда, въ республикѣ люди страдаютъ, но дѣло не въ республикѣ, а въ ростѣ здороваго чувства — возмущенія гнетомъ. Мы уже указывали, что съ такимъ-же правомъ и на такихъ-же основаніяхъ авторъ можетъ «не восхищаться» и анархическимъ строемъ: субъективно люди будущаго, возможно, не будутъ счастливѣе насъ, людей настоящаго. Авторъ съ этимъ вполнѣ согласенъ: «наши потомки, быть можетъ, субъективно не будутъ себя чувствовать счастливѣе, чѣмъ мы». И даже это обстоятельство не заставило автора менѣе «универсальныхъ» поводовъ къ тому, что-бы «не восхищаться» демократіей — изумительно!

Я полагаю, что авторъ брошюры далъ образчикъ колебанія, раздвоенности. Здѣсь нѣтъ минимализма, точнѣе, нѣтъ минимализма послѣдовательнаго, строго продуманнаго, а есть колебаніе между анархическимъ антидемократизмомъ и теоріей наличности «политической эволюціи».

Въ самомъ дѣлѣ; мы ни на минуту не допускаемъ и мысли о томъ, что у тов. Корнъ нѣтъ иныхъ поводовъ не восхищаться «свободой» современнаго рабочаго!

Чѣмъ-же объясняется странная аргументація автора? Вотъ чѣмъ: *неустойчивостью занятой позиціи*. Заявлено, что политическое освобожденье безъ экономическаго — надувательство! А черезъ 10 страницъ приходится доказывать, что существуютъ различныя степени гнета, что ставить «знакъ равенства» между различными формами гнета можно только «въ пылу спора».

Послѣднія положенія обязываютъ автора не очень ужъ рѣзко критиковать демократію. Авторъ только «не восхищается»; затѣмъ слѣдуетъ мотивировка, такая общая, универсальная, что ею можно пользоваться какъ доводомъ противъ всѣхъ *формъ* общежитія, а, слѣдовательно и противъ одной.

Это — результатъ неустойчивости.

Наша рецензія черезъ-чуръ разрослась, мы должны кончить. Скажемъ наше мнѣніе: вы найдете въ брошюрѣ М. Корнъ много вѣрныхъ, не новыхъ, конечно, но вниманія достойныхъ, замѣчаній. Разрѣшенія-же «спорныхъ» вопросовъ вы въ брошюрѣ не найдете.

Утопистъ.

Обращеніе къ заграничнымъ группамъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

Товарищи! Всѣ, слѣдящіе за ходомъ развитія внутренней жизни Россіи, констатируютъ отрадный фактъ: реакція, залившая кровью страну, начинаетъ ослабѣвать. Масса народная начинаетъ пробуждаться. Учащаются случаи протеста противъ тѣхъ или иныхъ звѣрствъ; стачечное движеніе растетъ и ширится.

Быть можетъ, эти, пока еще разрозненныя выступленія массъ являются предвѣстниками общенароднаго движенія.

Мы, анархисты, должны быть въ авангардѣ народныхъ движеній. И намъ необходимо учесть начинающееся пробужденіе массы. Всѣ партіи зашевелились. Пора и намъ приняться за широкую практическую работу въ Россіи, Подготовительные шаги мы можемъ дѣлать уже сейчасъ, за границей.

Мы всѣ помнимъ до какой степени отсутствіе связей и фракціонная раздробленность, мѣшали широкой постановкѣ работы. Пора всѣмъ сознать необходимость устройства федеративнаго союза всѣхъ русскихъ анархическихъ группъ за границей, который долженъ помогать нашему движенію въ Россіи.

Исходя изъ этого положенія Льежскій кружокъ а.-к. «Анархія», предлагаетъ всѣмъ группамъ, сочувствующимъ высказанной мысли, устроить съѣздъ, который положилъ бы основаніе федеративному союзу и занялся бы разрѣшеніемъ наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ.

Въ первую очередь по нашему мнѣнію, долженъ быть поставленъ вопросъ о дѣятельности заграничныхъ группъ. Само собой разумѣется, что намъ придется заняться пересмотромъ тактики въ связи съ современнымъ положеніемъ Россіи. Никто не станетъ отрицать, что благодаря тѣмъ или инымъ тактическимъ пріемамъ (а также и по многимъ другимъ причинамъ) наше міровоззрѣніе было невѣрно понято широкими массами, и анархическое движеніе пошло по пути, который и послужилъ, отчасти причиной его упадка. Съѣздъ долженъ обсудить вопросы объ общемъ издательствѣ и органѣ.

-Отъ редакціи. Охотно помѣщаемъ «обращеніе» Льежскаго Кружка. Редакція воздерживается пока отъ сужденія о томъ, насколько предлагаемый съѣздъ можетъ способствовать постановкѣ практической работы въ Россіи.

Просимъ товарищей высказаться по этому поводу. «Рабочій Міръ» охотно помѣститъ всѣ сдѣланныя группами и отдѣльными лицами заявленія.

Льежскій кружокъ а. к. «Анархія».

Товарищи! Будьте любезны помѣстить въ «Рабочемъ Мірѣ» отчетъ о 2 рефератахъ т. Оргеіани, состоявшихся въ Montpellier: первый 30 го ноября, а второй 4 декабря.

ПРИХОДЪ.

Съ перваго реферата	61 fr. 50 c.
Со второго »	23 » 50 »
Итого	85 fr.

Въ пользу каторжанъ собрано 33 fr. 50 c. Деньги переданы по назначенію.

РАСХОДЪ.

Дорога референта и др. мелкіе расх.	74 fr. 35 c.
Помѣщеніе	4 » 15 »
Депеша Кропоткину	7 » 20 »
Итого	85 fr. 70 »

Съ тов. привѣтомъ *Американецъ Вахтазаръ.*

Получено въ пользу «Р. М.» изъ Женевы черезъ т. С. 17 fr. 50 сант. (10 fr. отъ Женевской группы и 7 fr. 50 сан. отъ Grouppe anarchiste italien).

Получено отъ Кирилла 10 fr.

Другіе денежные отчеты будутъ помѣщ. въ слѣд. номерѣ.

6-ой № «Раб. Міра». выйдетъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15496.
Eduard Meier.

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.

БАКУНИНЪ.

Годъ I. 20-е Мая 1913 г. № 6.

Кое-что о ликвидаторствѣ и максимализмѣ.

(По поводу Перваго Мая).

Печальна обстановка, среди которой всемірный пролетаріатъ встрѣтилъ годовщину Перваго Мая.

Роковая балканская война еще не кончилась, — но результаты успѣли выясниться съ достаточной ясностью: на мѣсто разгромленной Турціи—три, претендующихъ на званіе «великихъ», королевства; они еще спаяны общимъ дѣломъ — разгромомъ Турціи, — но теперь уже почти никто не сомнѣвается въ томъ, что если не сегодня, такъ завтра — «союзники» превратятся въ лютыхъ враговъ и что Балканы, какъ были, такъ и останутся вѣчной угрозой миру...

И за этотъ-то «крестовый» походъ, за эту «освободительную» борьбу неимовѣрно дорого заплатилъ трудовой народъ: тысячи труповъ, десятки тысячъ раненыхъ, искалѣченныхъ.

Свинцовой тучей повисла надъ Европой угроза всемірнаго побоища: увеличиваютъ свою армію Германія и Австрія, за ними вслѣдъ тянется отравленная шовинизмомъ Франція. Торжественно заявила о предстоящемъ увеличеніи своей «мощи» бѣдная, некультурная, несчастная Испанія!

Все кипитъ злобой и жаждой мщенья!

И всемірному пролетаріату приходится напречь всѣ силы, чтобы хоть отчасти ослабить напоръ шовинистическихъ страстей.

Прошедшій годъ — увы — не ознаменовался каки-ми-либо крупными выступленіями трудовыхъ массъ. Отрадное исключеніе представляетъ собой упорно продолжающаяся, героическая борьба трудящихся массъ Мексики; тамъ ясно прозвучалъ столь ненавистный буржуазіи лозунгъ: земля и фабрики народу!

. Но это возстаніе уже почти потоплено въ крови...

Въ общемъ-же все идетъ по старому: фабрикантъ, сытый банкиръ, жандармъ и судья продолжаютъ быть хозяевами жизни!...

Все — по старому: стонутъ подъ игомъ капитала милліоны рабовъ, — чахнутъ дѣти, гибнутъ физически и морально женщины...

И, естественно, въ душѣ многихъ зарождается сомнѣніе, тревожный вопросъ:

— Да наступитъ-ли когда-либо «настоящій день»? Не царитъ-ли надъ исторіей роковой законъ, который можно бы выразить словами: — «Такъ было — такъ будетъ»?

Къ счастію, всякій, кто хоть болѣе или менѣе знакомъ съ психологіей массъ, долженъ согласиться съ нами въ томъ, что *широкой* массѣ чуждъ пессимизмъ, чужды уныніе и апатія. Масса живетъ, борется, проясняетъ свое сознаніе, совершенствуетъ свои организаціи — она вѣритъ, что не «вѣчно будутъ слезы», что день грядущей битвы — не мечта, «не сонъ золотой»!

Гдѣ и въ чемъ корни этой вѣры?

Вѣритъ ли масса въ милость Бога — надѣется, что Господь смилуется надъ «облитой кровью землей» и водворитъ справедливость? — Нѣтъ. Иль, можетъ быть, масса вѣритъ въ объективную логику развитія производительныхъ силъ, ведущую насъ въ царство свободы? — Нѣтъ! Эта новая религія, эта мудренная концепція чужда массамъ, да и у отдѣльныхъ личностей эта концепція — скорѣе *показатель*, а не *причина* вѣры ихъ въ торжество труда. Масса *вѣритъ въ свою волю къ свободѣ*, въ свою способность къ творчеству, къ борьбѣ, за правду и достоинство человѣка!

И тотъ, кто, подобно листьямъ, сорваннымъ вихремъ, оторвался отъ жизни массъ, никогда не почувствуетъ скрытой, еще невыявленной творческой силы массы. Масса *хочетъ* свободы — и никакія заблужденія не отвлекутъ рабочихъ отъ борьбы за конечную цѣль.

Мы не закрываемъ глазъ на печальную дѣйствительность. Знаемъ, что среди рабочаго класса нѣтъ единства — нѣтъ единой идеологіи, нѣтъ единаго метода борьбы — объ этомъ свидѣтельствуетъ непрекращающаяся борьба главныхъ двухъ теченій — анархизма и соціализма.

И, замѣчательно, разногласія этихъ двухъ теченій съ несомнѣнной яркостью проявились въ различномъ пониманіи задачъ «празднованія» перваго мая. Анархисты увидѣли въ днѣ Перваго Мая день борьбы, день мобилизаціи рабочихъ батальоновъ, день, въ который властное «хочу» рабочихъ массъ получило бы свое яркое выраженіе. Социальдемократы же превратили день перваго мая въ праздникъ, притомъ въ праздникъ «необязательный».

Это различное пониманіе задачъ и цѣли первомайскаго праздника — глубоко поучительно: здѣсь ярко обрисовывается психологія людей *борющихся* и психологія людей, готовыхъ «праздновать». И «праздновать» первое мая готовы именно тѣ элементы, которые благоразумно написали на своемъ знамени, рядомъ съ лозунгомъ «соціализмъ» — еще одинъ — «демократія».

Мы — знаемъ, какая отчаянная борьба велась въ старомъ Интернаціоналѣ между бакунистами и марксистами, знаемъ, что тогда еще былъ поставленъ на очередь роковой вопросъ: можно-ли соединить воедино борьбу за соціализмъ съ борьбой за демократію. Анархисты утверждали и утверждаютъ, что соціализмъ и демократія — цѣнности *противоположнаго порядка*, что слить ихъ воедино — немыслимо, ибо демократизмъ поглотитъ, обезличитъ, обезцвѣтитъ соціализмъ: соціализмъ превратится въ звонкую, пустую, агитаціонную фразу. Оправдалось-ли предсказаніе анархистовъ? — несомнѣнно. Въ лагерѣ соціалистовъ народился опредѣленный, рѣзко очерченный соціальный типъ, для котораго демократія — *все*, соціальная революція — *ничто*.

Эдуардъ Бернштейнъ вскрылъ всю подоплеку парламентскаго соціализма въ своемъ знаменитомъ изреченіи: «движеніе — все, конечная цѣль — ничто». И ожесточенная борьба ортодоксовъ противъ критиковъ была въ сущности борьбой противъ людей, разоблачившихъ общепартійный секретъ. Да, *для нихъ* движеніе — все, цѣль-же *ничто*, ибо цѣль *уже* достигнута — *демократія*. Конечно, буржуазная демократія несовершенна, полна противорѣчій. Но все-же формальная предпосылка грядущаго общежитія —демократія— *добыта*. Этимъ-то и объясняется миролюбіе парламентскихъ соціалистовъ. Ясно, что среди этихъ людей боевая психологія должна глохнуть; ихъ демократическое бытіе властно опредѣляетъ не столько сознаніе, сколько волю и дѣйствія. Эти-то явные соціалисты и тайные демократы требуютъ, чтобы Первое Мая было не днемъ борьбы, а мирнымъ праздникомъ.

Иное дѣло положеніе анархистовъ. Психологія празднующихъ имъ чужда хотя-бы потому, что они не видятъ въ демократіи — *цѣнности*. Они всегда утверждали, что «опаснѣй открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ — это тайный соблазнъ полдороги» — а такимъ соблазномъ «полдороги» является демократія: она — самое опасное оружіе въ рукахъ врага — для того, чтобы выработать «культурный», уродливый, жалкій компромиссъ между максимальными требованіями рабочихъ массъ и реакціонными вожделѣніями «феодаловъ».

Анархисты не приспособились къ демократіи — и это одна изъ причинъ, почему въ нихъ сохранился живой революціонный духъ.

Было бы глубокой ошибкой думать, что только «праздничное» настроеніе демократовъ-соціалистовъ виною тому, что нѣкогда грозное для буржуазіи Первое Мая потеряло свой былой революціонный характеръ. Это въ значительной степени объясняется и общимъ кризисомъ всемірнаго рабочаго движенія. Этотъ внутренній кризисъ могъ бы быть коротко формулированъ такъ: рабочій классъ *уже* не въ состояніи воодушевиться борьбой за частичное, конкретное; но *еще* не собрался съ силами настолько, чтобы начать борьбу противъ

всѣхъ устоевъ современнаго общества. И намъ думается, что трудовая Россія дастъ этотъ максималистическій лозунгъ, что грядущая русская революція воодушевитъ міръ своимъ боевымъ кличемъ: борьба со всѣми формами гнета и насилія... Скажутъ: не безуміе ли подобная надежда? Вокругъ — одно лишь уныніе, позорная спячка! Развѣ гады, что «спѣшатъ завладѣть беззащитной землей» русской, встрѣчаютъ на пути что-либо, напоминающее отпоръ? Развѣ ленскіе убійцы получили достойный, *достаточный* отвѣтъ? Развѣ одно обвиненіе цѣлой націи въ употребленіи христіанской крови — мы говоримъ о дѣлѣ Бейлиса — не показываетъ, что господа положенія считаютъ возможнымъ даже возрожденіе кошмарнаго средневѣковья?

Но мы опять скажемъ: люди, такъ разсуждающіе, смотрятъ только на то, что совершается на поверхности жизни. Они не замѣчаютъ того факта, что испугъ передъ реакціей прошелъ, процессъ накопленія новыхъ силъ — несомнѣненъ. Масса переживаетъ глубокій и важный моменты развитія, учитывается опытъ великого прошлаго, — происходитъ подборъ новыхъ силъ *).

И намъ, желающимъ бороться вмѣстѣ съ трудовымъ народомъ, необходимо отвѣтить — каковъ главный урокъ преподанный намъ русской революціей. Всѣ партіи, безъ исключенія, согласны въ томъ, что одной изъ главныхъ причинъ неудачи русской революціи является — наличность острой, глубокой, *классовой* розни, ослабившей силу напора демократическихъ элементовъ страны. Вотъ почему «гучковскіе молодцы» такъ завидовали Турціи, младотуркамъ, — тамъ чисто-политическій переворотъ не осложнился классовымъ антагонизмомъ.

Намъ кажется, что вышеуказанная двойственность сыграла роковую роль, главнымъ образомъ, потому, что *ни одно* изъ этихъ началъ не было доведено *до конца*.

Получилась такая картина: элементъ чисто классовой борьбы былъ *не настолько слабъ*, чтобы не быть въ состояніи раздробить или, по крайней мѣрѣ, ослабить единство демократическихъ силъ, но этотъ-же элементъ классовой борьбы не былъ *настолько силенъ*, чтобы дать новый — чисто-трудовой лозунгъ всей революціи, чтобы организовать могучую трудовую Россію вокругъ одного лозунга: «хлѣбъ и воля»! Послѣдовательная максималистическая позиція сдѣлала-бы то, что классовый моментъ выигралъ бы столько-же, сколько потеряло бы «демократическое» теченіе и *разрушеніе* демократическаго единства сопровождалось бы соотвѣтствующимъ созиданіемъ классовой воли.

А если это такъ, — то для вдумчиваго революціонера должно быть ясно, что грядущая революціонная армія должна разбиться на два лагеря: на минималистовъ-ликвидаторовъ и на «максималистовъ». Подъ ликвидаторами мы разумѣемъ, конечно, не кучку интеллигентовъ меньшевиковъ, а всякого, пытающагося *ликвидировать* двойственность русской революціи путемъ затушевыванія *классоваго* момента во имя общедемократическаго. Увы, *такое* ликвидаторство можетъ существовать въ полускрытомъ видѣ среди всѣхъ теченій — и съ этимъ ликвидаторствомъ надо бороться.

Мы анархисты-коммунисты говоримъ: «Наличность классовой борьбы—фактъ. Устранить ее невозможно и не должно. Ее нужно довести до конца. Славная участь выпала на нашу долю —великій русскій народъ объявляетъ войну *всѣмъ* грабителямъ, всѣмъ властелинамъ, начинается борьба за новый періодъ всемірной исторіи и въ этой борьбѣ мы примемъ посильное участіе. Или ликвидаторство — или максимализмъ, вотъ два пути, по которымъ можетъ пойти революціонеръ. Середины нѣтъ, середины не должно быть!

«Никому не дано знать времена и сроки». Никому неизвѣстно, когда народъ властно заявитъ свое право на жизнь и счастье. И намъ надо быть готовымъ, намъ надо доказать, что мы эти годы учились, готовились быть достойными выпавшей на нашу долю задачи.

Намъ надо сдѣлаться *практиками*. Мы должны перестать говорить въ кружкахъ о *пролетаріатѣ*, о массовомъ движеніи — надо быть въ массѣ и способствовать тому, чтобы массовое анархическое движеніе сдѣлалось *фактомъ*. А этому мы сможемъ способствовать не тѣмъ, что будемъ въ тиши кабинетовъ создавать теоріи, такой дѣятель — не *теоретикъ*, а *книжникъ*; и не тѣмъ, что мы, растворяясь въ массѣ, забудемъ, якобы во имя практики, наши принципы, нашу теорію, такой дѣятель — не *практикъ а слѣпецъ*.

Только практика, освѣщаемая тщательно разрабатываемой теоріей дастъ намъ силу и возможность помочь народу преодолѣть соблазны ликвидаторства.

Мы указывали выше на колебаніе, которое царитъ въ рядахъ интернаціональнаго пролетаріата. Для насъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великая русская революція способна положить конецъ этимъ колебаніямъ и дать прочный толчокъ всемірному максимализму.

И борьба съ россійскимъ «ликвидаторствомъ» является одновременно борьбой и съ общеевропейскимъ минимализмомъ, борьбой съ однимъ изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ народамъ творить свою исторію въ духѣ равенства я справедливости.

*) Статья уже была написана, когда появились извѣстія о грандіозномъ празднованіи Перваго Мая петербургскимъ пролетаріатомъ. Это фактъ еще разъ доказываетъ, что силы *уже* накоплены и ждутъ лишь момента для своего проявленія.

Общія задачи.

(Нѣсколько словъ о теоріи и практикѣ).

Въ 4-мъ номерѣ «Рабочаго Міра», редакція затронула нѣсколько важныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ основныхъ положеніи анархизма, и, въ связи съ этимъ, и нѣкоторые тактическіе вопросы.

Изъ нихъ, два вопроса, — одинъ о характерѣ органа, какъ народномъ или «интеллигентскомъ», а второй — объ организаціонности, — не имѣютъ особенно важнаго значенія, да при томъ отвѣтъ редакціи удовлетворителенъ, такъ что вопросовъ этихъ я касаться не буду.

Иное дѣло вопросъ о «минимализмѣ и максимализмѣ въ народныхъ массахъ». Разрѣшеніе этой проблемы связано не только съ нашей тактикой, но и съ основными положеніями анархизма. Высказаться по этому вопросу — насущная потребность каждаго анархиста и, съ позволенія редакціи, я это сдѣлаю.

«Минимализмъ»,—гласитъ редакціонная статья—это не изобрѣтеніе депутатовъ и интеллигентовъ, — онъ коренится въ народныхъ массахъ, и еслибъ народное творчество вылилось только въ формѣ минимализма, то соціальдемократы имѣли бы полное право называться «единственными представителями народа».

Изъ этого должно заключить, что анархисты лишь потому имѣютъ право называться представителями народа, что народное творчество выливается и въ формѣ максимализма.

Въ такой постановкѣ вопроса замѣчается нѣкоторая односторонность.

Дѣйствительно ли анархическое міровоззрѣніе зиждется исключительно на минимальномъ или максимальномъ творчествѣ массъ, или же оно имѣетъ еще свое внутреннее «индивидуальное» обоснованіе? Основано ли оно исключительно на естественномъ развитіи общества отъ низкой ступени къ болѣе высокой или также — на индивидуальномъ понятіи о справеливости, не вытекающемъ непосредственно изъ народныхъ массъ и побуждающемъ меньшинство къ поступкамъ и дѣйствіямъ, идущимъ *вразрѣзъ* съ существующими понятіями въ народѣ?

Вѣдь и исторія человѣчества богата примѣрами, когда людей сжигали на кострахъ, замуровывали въ темницахъ, именно потому, что творчество народа не создало еще той внутренней правды, того понятія о справедливости, которыми жили и изъ за которыхъ умирали идеальные люди того времени. Вѣдь, мы анархисты не только потому, что замѣчаемъ инстинктивное стремленіе массъ къ анархизму, а въ гораздо большей мѣрѣ потому, что наше «я» сформировалось, благодаря извѣстнымъ понятіямъ о справедливости, добрѣ и злѣ, свободѣ и т. д. И этого послѣдняго достаточно, чтобы мы гордо и смѣло могли носить имя анархиста.

И поэтому анархизмъ нужно разсматривать, какъ гармоническое сочетаніе нашей индивидуальной справедливости и максималитическаго творчества народа.

Если мы приходимъ къ такому заключенію, то становится понятнымъ, что анархизмъ чуждъ всякаго минимализма и что задача анархистовъ и анархическихъ группъ — развивать анархическія идеи, словомъ и дѣломъ; примѣняя насиліе,—*поскольку оно цѣлесообразно*,—къ верхамъ — пропаганду и агитацію— къ народнымъ массамъ.

Я не намѣренъ разбираться въ вопросѣ — чуждо

ли насиліе анархизму или нѣтъ. Этотъ вопросъ для меня разрѣшается такъ: — *насиліе неизбѣжно*. Этимъ я не хочу сказать, что вопросъ о насиліи можетъ быть разрѣшенъ безъ связи съ основными положеніями міросозерцанія, — наоборотъ, для меня болѣе чѣмъ ясно, что должно быть взаимоотношеніе между міровоззрѣніемъ и тактикой и что послѣдняя должна быть тѣсно связана съ первымъ.

Переоцѣнивая нашу тактику, наши практическія выступленія въ предыдущей русской революціи, мы прежде всего должны остерегаться односторонности. Анализируя нашу тактику, замѣчая ея недостатки, все-же не слѣдуетъ, въ пылу увлеченія голымъ принципомъ отрицанія, забывать то хорошее, что было въ ней. Мнѣ незнакомо, напримѣръ, отношеніе русскихъ товарищей къ вопросу о террорѣ и экспропріаціи, (вотъ гдѣ чувствуется необходимость въ такомъ органѣ, какъ «Р. М.»), но изъ моихъ бесѣдъ съ нѣкоторыми товарищами, прежде всего разрѣшившими эти вопросы въ положительномъ смыслѣ, — изъ этихъ то бесѣдъ я вынесъ то впечатлѣніе, что товарищи теперь ударяются въ крайность и готовы, что называется, вмѣстѣ съ водой выплеснуть и ребенка. Мотивировка ихъ простая: Терроръ и экспропріація примѣнялись также нѣкоторыми темными элементами, поэтому—«долой терроръ»! «Долой экспропріацію»! Да здравствуетъ чистое, абстрактное слово и... культурная, реформаторская дѣятельность.

Такое абсолютное отрицаніе прежнихъ методовъ не ведетъ къ ясному разрѣшенію этихъ вопросовъ, а къ какой-то безсмыслицѣ.

Именно, въ будущей русской революціи, — и вѣрится, глубоко вѣрится, что она скоро наступитъ, — какъ въ революціи вообще, скажется максималистическое творчество народа, и только въ такой періодъ, индивидуальный, анархическій актъ сливается въ одно гармоническое цѣлое съ народнымъ максималистическимъ творчествомъ. И какъ ни вертись, эти «проклятые» вопросы о террорѣ и экспропріаціи опять на очереди. Само собою разумѣется, что эти тактическіе вопросы тѣсно связаны съ пониманіемъ анархизма вообще. Разбираясь въ нихъ, мы не должны забыть, что наша задача заключается въ томъ, чтобъ развивать людей — анархистовъ, которые могли бы разрѣшать вышеупомянутые вопросы сообразно съ основными ноложеніями анархизма.

Какъ бы то ни было, но для сознательныхъ товарищей эти вопросы весьма важны, ибо въ борьбѣ съ государствомъ и капитализмомъ въ Россіи, по необходимости идя по пути насилія, мы дожны будемъ дѣлать практическія выступленія, а выступленія эти именно получаютъ свое выраженіе въ террорѣ и экспропріаціи, принимая во вниманіе, конечно, и пропаганду и агитацію.

Но высказываясь въ утвердительномъ смыслѣ по отношенію къ террору и экспропріаціи, я безусловно и абсолютно отрицаю, такъ называемый, безмотивный терроръ. И вотъ почему. Анализируя анархическій террористическій актъ, мы находимъ въ немъ два элемента: чувство мести, основанное на ненависти къ эксплуататорамъ и власть имущимъ и, своего рода, анархическую цѣлесообразность, выражающуюся въ слѣдующемъ: будетъ ли этотъ актъ содѣйствовать уничтоженію рабства и распространенію нашихъ идей?

Въ данномъ случаѣ безмотивный терроръ не является выразителемъ анархическаго міровоззрѣнія, ибо онъ основывается лишь на «виновности» хозяевъ и властителей вообще. Это скорѣе всего напоминаетъ крыловское изрѣченіе: «ты виноватъ уже тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Основываясь исключительно на «виновности», легко придти къ заключенію, что безмотивный терроръ можетъ быть примѣняемъ и къ народнымъ массамъ. Вѣдь, благодаря ихъ невѣжеству и невѣденію, держится современное государство и капитализмъ, и ту же «виновность» можно примѣнить и къ нимъ.

Нѣсколько словъ о синдикализмѣ.

Если мы, русскіе анархисты высказываемся за или противъ синдикализма, указывая его недостатки, или же защищая его хорошія качества, мы должны еще имѣть въ виду и специфическія условія русской жизни. И присматриваясь къ русской дѣйствительности, мы должны вынести отрицательное отношеніе къ синдикализму. Повторяю. Синдикализмъ прежде всего практическій вопросъ, и отношеніе къ нему анархистовъ, зависитъ отъ специфическихъ условій данной страны. Если напр., въ Англіи синдикализмъ — отрадное явленіе, такъ какъ развиваетъ революціонную самодѣятельность извѣстной части рабочихъ массъ, то во Франціи онъ уже явленіе, если не отрицательное, то во всякомъ случаѣ, не способствующее развитію анархическихъ идей. Но объ этомъ послѣ. Россія же, прежде всего, страна земледѣльческая, въ то время, какъ западно-европейскія страны пошли по пути индустріальнаго развитія. Торжество будущей русской революціи зависитъ, если не всецѣло, то главнымъ образомъ отъ революціонности крестьянскихъ массъ.

Синдикатъ, какъ организація индустріальныхъ пролетаріевъ, никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнимъ къ крестьянской дѣйствительности. Что же касается русскихъ индустріальныхъ рабочихъ, то къ нимъ синдикализмъ также не примѣнимъ, ужъ не говоря объ анархической, но изъ чисто-революціонной точки зрѣнія. Я говорю «изъ чисто-революціонной точки зрѣнія», — ибо, еслибъ мы не вѣрили въ грядущую максималистическую революцію, еслибъ Россія пошла по пути развитія западно-европейскихъ странъ, то наша тактика, конечно, должна была бы считаться съ данными условіями этого развитія. Мы вѣримъ въ ближайшую революцію и, сопоставляя синдикализмъ съ революціей, мы должны убѣдиться, что синдикализмъ не даетъ и не дастъ того максимума требованій, который можетъ дать намъ организація другого типа во время революціи.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ синдикализмъ уже завоевалъ себѣ прочное положеніе, онъ объединяетъ въ себѣ рабочихъ на почвѣ конкретныхъ требованій и чисто профессіональныхъ интересовъ. Синдикализмъ объединяетъ только работающихъ, — безработная же масса остается извнѣ; составъ синдикатовъ смѣшанный. Съ заявленіями Пуже и Ивто, что синдикализмъ анархистиченъ, можно столько же считаться, сколько съ противоположными заявленіями такихъ центральными фигуръ французскаго синдикальнаго движенія, какъ Буске и Леви. И еслибъ Франція стояла на порогѣ революціи, то синдикальныя организаціи, какъ таковыя, распались бы на свои составные элементы — на соціалистовъ, анархистовъ, либераловъ, безпартійныхъ и т. д.; всѣ эти элементы въ настоящую минуту объединяютъ лишь общіе интересы на почвѣ конкретныхъ требованій и профессіональныхъ, повседневныхъ нуждъ. Во время же революціи, каждая группа, всякій партійный человѣкъ, находящійся въ синдикатѣ, старается извлечь изъ революціи то, что близко ея конечнымъ цѣлямъ и идеалами.

Россія наканунѣ революціи. Мы должны всѣ свои силы напречь на то, чтобъ развивать наши идеи и вглубь. Лучше сказать, мы должны перевоспитать массу. А для того, чтобы воспитать массу въ анархическомъ духѣ, мы должны стараться организовать рабочихъ и крестьянъ въ чисто анархическія профессіональныя и земледѣльческія организаціи, основанныя на принципахъ индивидуальной самостоятельности и децентрализаціи. А въ синдикатахъ, даже революціонныхъ, существуютъ іерархія и централизованность.

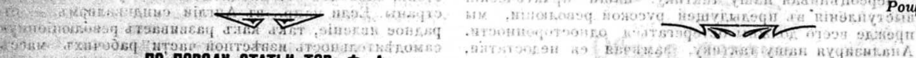
Чѣмъ больше анархическихъ организацій среди народныхъ массъ, тѣмъ ближе мы къ цѣли, тѣмъ болѣе мы можемъ быть увѣрены въ торжествѣ анархическаго идеала.

Ф. А.

N. B. Можетъ быть, я мѣстами не совсѣмъ ясно и опредѣленно выразилъ свою мысль благодаря тому,

что втиснулъ всѣ эти вопросы въ одну статью. Но они до того наболѣвшіе и такъ долго не было возможности обмѣняться мнѣніями и впечатлѣніями, — что я чувствовалъ потребность высказаться обо всемъ этомъ. И надѣюсь, что совмѣстно съ другими товарищами, намъ удастся внести въ ихъ разрѣшеніе больше опредѣленности и ясности.

Ф. А.



ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВ. Ф. А.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу статьи тов. Ф. А. Сначала — одно замѣчаніе чисто формальнаго характера. Не вѣрно, будто-бы только въ № 5 «Раб. Міра» затронуты вопросы о максимализмѣ и минимализмѣ. Въ № 5 была дана *сводка* всего того, о чемъ писалось *во всѣхъ* номерахъ «Рабочаго Міра». Въ этомъ отношеніи всѣ №№ представляютъ собой одно *одно цѣлое*.

Перехожу теперь къ существу сдѣланныхъ товарищемъ Ф. А. замѣчаній.

Товарищъ Ф. А. правъ: нелѣпо утверждать, что мы анархисты *потому*, что замѣчаемъ соотвѣтствующія тенденціи въ массахъ.

Наличность безгосударственныхъ тенденцій въ массахъ даетъ намъ надежду и увѣренность, что не мечта — этотъ «свѣтлый приходъ», что нашъ идеалъ не чарующая сказка «безумца», а реальная возможность. Но тотъ фактъ, чта масса способна къ созиданію въ духѣ анархизма, *нисколько* не объясняетъ, *почему* именно мы *эту* тенденцію предпочитали другой, — увы, столь же реальной. Согласенъ я также и съ тѣмъ положеніемъ, что «самоутвержденіе» личности играетъ важную роль въ дѣлѣ выработки анархическаго самосознанія. И мы чтимъ великую память тѣхъ, которые погибли, не дожидаясь пока масса проявитъ свои свободолюбивыя стремленія.

Мы знаемъ, какъ часто фатально
— На смерть обречены
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны.

Все это такъ. Но развѣ «Рабочій Міръ» занимался перечисленіемъ силъ и элементовъ, способствующихъ созрѣванію идеологіи и психики анархиста? — Нѣтъ. Мы просто указывали на то, что еслибы *массамъ* былъ чуждъ анархизмъ, то мы не то что не имѣли бы права называть себя анархистами, а были бы лишены возможности говорить о *массовомъ творчествѣ* въ духѣ безгосударственнаго коммунизма.

Я очень радъ, что товарищъ Ф. А. самъ отмѣтилъ и далъ мнѣ возможность подчеркнуть ту мысль, что оцѣнка анархизма, точнѣе, *цѣнность* анархизма не можетъ быть выведена изъ того факта, что мы, *молъ*, наблюдаемъ такую-то тенденцію въ массѣ. Точно также не вѣрно утвержденіе, будто къ анархизму долженъ прійти всякій, *правильно и послѣдовательно* примѣняющій индуктивно-дедуктивный методъ.

Я позволю себѣ обратить вниманіе товарища Ф. А. на примѣчаніе къ статьѣ «На очереди» (см. № 3 «Р. М.»). Тамъ подчеркивается, что намъ необходимо отвѣтить на вопросъ: «Что такое міровоззрѣніе», ибо удовлетворительный отвѣтъ *еще не данъ*. Вполнѣ соглашаюсь *теперь* съ товарищемъ Ф. А. въ его отрицательномъ отношеніи къ безмотивному террору. Думаю, однако, что если онъ внимательно прочтетъ статью «Памяти друга» (Бориса Меца) Р-на, помѣщенную въ № 4 «маленькаго» Бунгаря, то онъ согласится со мной, что не одна лишь «виновность» буржуазіи является предпосылкой безмотивнаго террора. Разсужденія товарища Ф. А. о виновности массъ интересны, но напрасно онъ испортилъ силу своей аргументаціи неумѣстнымъ афоризмомъ: «ты виноватъ уже тѣмъ, что хочется мнѣ кушать». Развѣ примѣняющій безмотивный терроръ въ чемъ либо похожъ на придирчиваго «волка»?. И развѣ объектъ нападенія имѣетъ хотя-бы малѣйшее сходство съ невиннымъ ягненкомъ?!

Еще одно слово — о синдикализмѣ. Не въ защиту революціоннаго синдикализма пишу я. Меня просто не совсѣмъ удовлетворяетъ аргументація товарища Ф. А. Онъ заявляетъ, что вопросъ о революціонномъ синдикализмѣ — вопросъ чисто практическій и тутъ же связываетъ съ вопросами о пути, по которому пойдетъ развитіе Россіи, о судьбахъ капитализма. Вопросы, пожалуй, «практическіе», но уже *очень* тѣсно связанные съ проблемой историко-соціологической.

Мнѣ кажется ошибочнымъ возбудить нѣсколько устарѣлый вопросъ о роли капитализма и въ связи съ нимъ, и *только* съ нимъ, рѣшать вопросъ о нашемъ отношеніи къ синдикализму.

Думаю, что вопросъ стоитъ проще: въ Россіи ужъ давно народился пролетаріатъ, поразившій міръ своими грандіозными выступленіями. Является-ли революціонный синдикализмъ подходящей формой организаціи?

Совсѣмъ иное дѣло — указаніе автора на своеобразныя задачи русской революціи, на необходимость спеціальныхъ къ данной соціальной обстановкѣ приспособленныхъ организацій. Жаль только, что товарищъ не развилъ передъ нами *организаціоннаго плана*. Надѣемся, что онъ еще вернется къ этому вопросу.

Рощинъ.

Къ теоріи революціи.

II.

Большимъ распространеніемъ пользуется убѣжденіе, что грядущая революція не будетъ походить на прежнія революціи. Что грядущая революція *не должна* походить на прежнія революціи, это сознаетъ добрая часть сознательныхъ революціонеровъ, но въ чемъ именно она не должна походить на прежнія революціи, чѣмъ она существенно должна отличаться отъ нихъ, это не совсѣмъ ясно; а вѣдь въ этомъ и заключается весь вопросъ. Грядущая революція будетъ отличаться отъ прежнихъ и по *формѣ* и по *цѣли*. Русское движеніе 1905-1906 г.г. показало, что теперь, даже въ монархическихъ странахъ, нельзя свести революцію къ простому политическому перевороту. Соціальный вопросъ слишкомъ остро поставленъ жизнью, и никакая революція не можетъ обойти этотъ вопросъ, *не можетъ не попытаться разрѣшить его*.

Мы сказали, что грядущая революція будетъ отличаться отъ прежнихъ революцій, между прочимъ, и по формѣ. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, что революціонная масса отказалась отъ прежнихъ пріемовъ борьбы. Далеко нѣтъ. Къ старымъ пріемамъ прибавились новые, дополняющіе ихъ соотвѣтственно съ требованіями все болѣе и болѣе усложняющихся условій борьбы. Ново лишь то, что раньше горсть смѣльчаковъ надѣялась своею собственною силою совершить революцію, подготовленную въ тѣни заговоровъ; теперь же горсть смѣльчаковъ играетъ лишь роль иниціативнаго революціоннаго меньшинства. Конечно, и то нужно сказать, что и заговорческая дѣятельность въ извѣстномъ смыслѣ слова не можетъ быть устранена цѣликомъ изъ революціонной дѣятельности. Никакая подлинно революціонная борьба не можетъ вестись цѣликомъ открыто; есть извѣстнаго рода техническая работа, которая всегда велась и всегда будетъ вестись въ тайныхъ кружкахъ. Но это касается лишь техники — и только. Не эти техническія организаціи предпринимаютъ и совершаютъ революцію. Широкая народная революція можетъ быть совершена лишь массой, дѣйствующей непосредственно на всю систему стараго строя.

Наврядъ ли можно найти въ революціонной литературѣ, въ революціонной рѣчи, другое выраженіе, которое употреблялось бы такъ часто, какъ *революція* и *соціальная революція*, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ другого выраженія, которое употреблялось бы въ такомъ неопредѣленномъ смыслѣ. Рѣдко, кто отдаетъ себѣ отчетъ, какому опредѣленному понятію соотвѣтствуютъ эти слова. Въ пропагандистской литературѣ, въ агитаціонной рѣчи они играютъ роль «крылатыхъ словъ», зажигающихъ и воодушевляющихъ массу. Этого зажигающаго, воодушевляющаго, «мифологическаго», такъ сказать, значенія этихъ словъ мы, конечно не станемъ отрицать. Всякому движенію нужны лозунги, «крылатыя слова», отчасти неопредѣленныя, если хотите, чтобы каждый въ моментъ броженія могъ пополнить ихъ тѣмъ содержаніемъ, которое дастъ ему возможность воспламениться. воодушевиться самому, чтобъ воспламенить и воодушевить затѣмъ и другихъ. Въ революціонной борьбѣ нуженъ не только холодный разсудокъ, нужна и нѣкоторая экзальтація, вѣра, энтузіазмъ и, разумѣется, не легко примирить эти чувства со строгимъ анализомъ значенія употребляемыхъ словъ или соотвѣтствующимъ имъ содержаніемъ, однимъ словомъ, со строгой математически, точной формулировкой вопросовъ, не поддающейся двоякому толкованію. Нужно, наоборотъ, чтобы понятіе было растяжимо, подходило къ каждому условію, говорило каждому сердцу, каждому воображенію.

Такими всевмѣщающими сосудами, являются слова: революція, соціальная революція. Конечно, въ качествѣ «крылатыхъ словъ», зажигающихъ вѣру, возбуждающихъ воображеніе и стимулирующихъ дѣятельность, онѣ должны быть таковыми. Но съ другой стороны, въ интересахъ творческой работы, которая неотдѣлима отъ революціонно-разрушительной дѣятельности, безъ которой послѣдняя была бы безсмысленна и необъяснима, точное опредѣленіе значенія этихъ словъ является настоятельной необходимостью.

Если «крылатыя слова» нужны для того, чтобы воодушевлять личности и массы, то нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе нужно знаніе и того, во имя чего «льется кровь» и идетъ жестокая борьба. Если мы спросимъ исторію, то и она намъ скажетъ, что побѣждали лишь тѣ классы, которые боролись во имя строго опредѣленныхъ цѣлей, которые упорно, неустанно шли къ заранѣе намѣченной цѣли.

* * *

Замѣтимъ прежде всего, что слово революція, взятое отдѣльно и неопредѣленно, означаетъ лишь глубокій кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Кризисъ этотъ часто отождествляется съ понятіемъ переворота въ общественныхъ отношеніяхъ, хотя изъ факта глубокаго кризиса въ общественныхъ отношеніяхъ не слѣдуетъ съ логическою необходимостью переворотъ. Мы знаемъ примѣры изъ исторіи, когда глубокій кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ не приводилъ непремѣнно къ перевороту. Къ тому же, если при нѣкоторой растяжимости понятій слову «революція» можно придать только значеніе переворота, во всякомъ случаѣ оно не даетъ никакихъ указаній на характеръ этого переворота. Революція можетъ быть регрессивная и прогрессивная, какъ и переворотъ, явившійся ея результатомъ. Такъ что, если разсматривать революцію, какъ *форму дѣйствія*, то можно сказать, что есть двоякаго рода революціонеры: одни хотятъ посредствомъ насильственнаго переворота, т. е. посредствомъ быстрой ломки существующаго порядка вещей, вернуться къ старому, другіе тѣмъ же путемъ хотятъ сдѣлать шагъ впередъ и къ новымъ формамъ общежитія, зачатки которыхъ они улавливаютъ въ настоящемъ. Соціалистъ-революціонеръ, это человѣкъ недовольный существующимъ порядкомъ вещей и стремящійся къ его разрушенію, онъ сознательный отрицатель, повстанецъ, противозаконникъ, онъ выступаетъ въ качествѣ разрушителя сущаго во имя грядущаго, онъ носитель опредѣленныхъ лозунговъ *). Революція — кризисъ въ общественныхъ отношеніяхъ, «разложеніе», распаденіе общества на его составныя части, это быстрая, *насильственная* ломка существующаго порядка вещей. Такимъ образомъ, слово революція опредѣляетъ *физическія*, внѣшнія свойства извѣстнаго соціальнаго явленія (быстрая насильственная ломка существующаго порядка вещей), но не опредѣляетъ неизбѣжно направленіе этого явленія.

Какимъ же образомъ опредѣляется цѣль революціи? Революція — форма дѣйствія, внѣшняя сторона извѣстнаго историческаго процесса; характеръ же революціи опредѣляется только цѣлестремительною дѣятельностью той группы, касты или класса, которые предпринимаютъ и руководятъ ею. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія цѣли нѣтъ одного общаго опредѣленія революціи; бываютъ революціи религіозныя, дворцовыя, политическія и соціальныя, и каждая изъ нихъ требуетъ своего собственнаго опредѣленія. Намъ нужно опредѣлить этотъ послѣдній видъ революціи, т. е. революцію соціальную.

Изъ сказаннаго уже ясно, во-первыхъ, что понятіе соціальной революціи включаетъ въ себя два отдѣльныя понятія: понятіе о средствѣ и понятіе о цѣли; вовторыхъ, что революція означаетъ *быструю* и *насильственную* ломку существующаго порядка вещей.

Марксъ въ «Критикѣ политической экономіи» называетъ соціальною революціей болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, явившійся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента. Такъ опредѣляетъ Марксъ соціальную революцію. Но ни это опредѣленіе, ни комментарій къ нему Каутскаго *) не могутъ быть признаны удовлетворительными. Не всякій переворотъ, даже болѣе или менѣе быстрый, въ юридической и политической надстройкѣ, явившійся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента, можетъ быть названъ революціей *соціальной*. Великая французская революція произвела громадный переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ, явившейся результатомъ измѣненія экономическаго фундамента, однакожъ она не была революціей *соціальной*, а революціей *классовой*, буржуазной. Это опредѣленіе соціальной революціи, данное Марксомъ и принимаемое Каутскимъ, крайне неполно, сбивчиво и неопредѣленно; однимъ словомъ, ничего неопредѣляющее опредѣленіе. Есть только одна фраза въ этомъ опредѣленіи, которая касается сути соціальной революціи; это указаніе на то, что болѣе или менѣе быстрый переворотъ въ юридической и политической надстройкѣ долженъ явиться результатомъ измѣненія экономическаго базиса этой надстройки. Что это значитъ и въ какомъ отношеніи находятся между собою измѣненіе экономическаго базиса и происходящій переворотъ? На эти вопросы приведенное опредѣленіе не даетъ никакихъ указаній. Почему, разъ считается необходимымъ прибавить къ слову «переворотъ» слова: *болѣе или менѣе быстрый*, не принимается такая же предосторожность, когда рѣчь идетъ объ измѣненіи базиса надстройки, и не говорится, напримѣръ, такъ: соціальная революція, это болѣе или менѣе быстрый переворотъ во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества, являющійся результатомъ большаго или меньшаго измѣненія его экономическаго базиса? Не имѣетъ ли это безусловное подчиненіе общественнаго переворота измѣненію экономическаго базиса общества тотъ смыслъ, что всякое насильственное вмѣшательство въ соціальныя отношенія тщетно и безплодно, ибо въ такомъ случаѣ самое существенное это развитіе производительныхъ отношеній, якобы находящееся внѣ предѣловъ дѣйствія человѣческой воли, и когда эти производительныя отношенія доразовьются до новой формы, несоотвѣтствующей старымъ порядкамъ, соціальный переворотъ явится самъ собою? Нѣкоторыя мысли Маркса даютъ поводъ именно къ такому толкованію его опредѣленія соціальной революціи:

«Для того, чтобы угнетенный классъ могъ освободиться, необходимо достигнуть такой ступени развитія, на которой наличныя производительныя силы, съ одной стороны, и общественныя учрежденія съ другой, не могли бы существовать рядомъ. Организація революціонныхъ элементовъ, какъ класса, предполагаетъ развитіе всѣхъ производительныхъ силъ, какія вообще могли развиться въ нѣдрахъ стараго общества» *).

Если слѣдовать буквально указаніямъ этой схемы, пришлось бы выкинуть «дѣятельную волю» за предѣлы историческаго процесса, пришлось бы отказаться отъ всякой мысли насильственнаго вмѣшательства въ общественныя отношенія; достаточно было бы ждать спокойно, чтобы «взять въ свои руки власть, которая естественнымъ процессомъ выпадаетъ изъ рукъ буржуазіи». Но дѣло въ томъ, что точнаго параллелизма между измѣненіемъ экономическихъ основъ общества и переворотомъ «во всей огромной юридической и политической надстройкѣ общества» исторія не констатируетъ. Наоборотъ, если обратиться къ конкретнымъ примѣрамъ, мы увидимъ, что или развитіе надстройки отстаетъ отъ измѣненія экономическаго базиса общества, или измѣненіе послѣдняго отстаетъ отъ измѣненія общественной надстройки.

Развѣ съ буржуазной революціей во Франціи, съ измѣненіемъ надстройки совпало полное измѣненіе экономическихъ основъ общества? Развѣ этотъ фундаментъ былъ вполнѣ видоизмѣненъ, когда произошла революція? Развѣ этотъ фундаментъ до корня былъ измѣненъ самой революціей одновременно съ юридическими и политическими формами? Конечно нѣтъ! Частично феодализмъ пережилъ революцію, и пережитки эти сохранились даже до сего дня. Измѣненіе фундамента безусловно предшествовало и должно было предшествовать измѣненіямъ въ надстройкѣ, но оно было неизбѣжно, необходимо *лишь въ той мѣрѣ*, въ какой отъ него зависѣло возникновеніе остраго противорѣчія между старымъ и новымъ.

Если переворотъ въ надстройкѣ долженъ явиться результатомъ измѣненія фундамента, если это послѣднее является самостоятельнымъ творческимъ элементомъ, то переворотъ, дѣйствительно, можетъ не сопровождаться ломкой, въ особенности насильственной и можетъ разрѣшиться мирно политическимъ путемъ, путемъ дѣятельности существующихъ законодательныхъ органовъ, которые должны подвергаться измѣненію, соотвѣтственно измѣненію, происходящему въ самомъ фундаментѣ. Но если это не такъ — а мы держимся этого мнѣнія — если за измѣненіемъ фундамента не слѣдуетъ непосредственно измѣненіе надстройки, если эта послѣдняя и послѣ измѣненія фундамента можетъ еще держаться долго по силѣ инерціи, по силѣ рутины, по особой цѣпкости, присущей государственнымъ организаціямъ, однимъ словомъ, если она еще надолго способна сохранить свою силу, то на нее нужно воздѣйствовать силой «матеріальной критики». Въ такомъ, полномъ опредѣленіи соціальной революціи указаніе на одинъ изъ ея основныхъ признаковъ — элементъ насилія — должно быть ясно подчеркнуто. Если же, наоборотъ, какъ было указано выше, центръ тяжести лежитъ якобы въ творческой силѣ измѣненія фундамента, то не только нужно устранить изъ опредѣленія соціальной ре-

---

*) Вотъ какъ Каутскій опредѣляетъ революціонера: «... всякій, кто стремится къ тому, чтобы угнетенный до сихъ поръ классъ завоевалъ себѣ политическую власть, является революціонеромъ». Каутскій. «Общественныя реформы». Книгоиздательство Мягкаго. Москва, 1905 г.

*) См. Каутскій, Op. cit. Глава I. стр. 4.

*) Марксъ, «Нищета философіи». Цитировано по книгѣ Лабріола, «Реформизмъ и синдикализмъ». Вотъ немного иной переводъ той же цитаты: «Возможность этого освобожденія является лишь на той ступени развитія, когда пріобрѣтенныя уже производительныя силы и существующія общественныя учрежденія не могутъ долѣе уживаться рядомъ. Изъ всѣхъ орудій производства наибольшую производительную силу представляетъ самъ рабочій классъ. Организація революціонныхъ элементовъ въ классъ уже заранѣе предполагаетъ осуществленіе всѣхъ тѣхъ производительныхъ силъ, которыя могли зародиться въ нѣдрахъ стараго общества». К. Марксъ, «Нищета философіи» стр. 126. Женева, 1886 г.

волюціи ея внѣшніе признаки, но и само слово революція замѣнить какимъ-нибудь другимъ словомъ, не напоминающимъ насильственную и быструю ломку существующаго порядка вещей.

Перевороту въ надстройкѣ соотвѣтствуетъ и должно соотвѣтствовать измѣненіе въ фундаментѣ; но, какъ видно изъ сказаннаго выше, это измѣненіе не должно быть взято слишкомъ абсолютно и въ качествѣ завершившагося факта, а скорѣе, въ качествѣ развивающагося явленія; переворотъ въ такомъ случаѣ можетъ теоретически соотвѣтствовать не только тому моменту, когда это измѣненіе станетъ законченнымъ и завершившимся явленіемъ, но и тому моменту, когда это измѣненіе, не будучи еще законченнымъ и совершившимся явленіемъ, создаетъ, однакожъ, непримиримое противорѣчіе между старымъ обществомъ и новымъ, развившимся въ нѣдрахъ стараго.

Пережитки стараго общества будутъ устраняться мало по малу уже послѣ переворота эволюціоннымъ, а не революціоннымъ путемъ, какъ пережитки феодализма мало по малу устранялись капиталистической жизнью, зачавшейся раньше, но получившей широкое развитіе послѣ французской революціи. Разъ марксизмъ пренебрегаетъ всѣми этими историческими данными, то онъ естественно долженъ устранить элементы насилія изъ своего опредѣленія соціальной революціи. Опредѣленіе соціальной революціи, даваемое марксизмомъ, можно отождествить съ понятіемъ переворота, производимаго паромъ и паровыми двигателями и, вообще, капиталистическимъ способомъ производства, когда онъ впервые вторгается въ область феодализма.

Мы вѣримъ увѣреніямъ Каутскаго, что соціальдемократія, практическая выразительница идей марксизма, революціонна не только въ томъ смыслѣ, въ какомъ революціонны паръ и машина. Но въ опредѣленіи революціи, формулированномъ имъ по Марксу, мы не видимъ слѣдовъ другой революціонности.

Такимъ образомъ, революція, *какъ средство, какъ способъ дѣйствія*, опредѣляется въ высшей степени туманно марксизмомъ. Въ опредѣленіи революціи, даваемомъ имъ, совершенно отсутствуетъ указаніе на внѣшніе признаки борьбы. Революція по марксистской концепціи, не есть гражданская война, поскольку съ этимъ понятіемъ связывается представленіе о *физической борьбѣ*, объ уличныхъ схваткахъ, о баррикадахъ, о «настоящихъ войнахъ и побоищахъ» *).

Мы видѣли, что по Каутскому революція не гражданская война, поскольку съ этимъ понятіемъ связывается представленія о физической борьбѣ, мы знаемъ также, изъ того же источника, что грядущая революція, по *способамъ дѣйствія*, «должна меньше походить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи».

Что же такое въ такомъ случаѣ революція по марксистской концепціи и чѣмъ она отличается отъ соціальной реформы? Это политическая борьба, законодательная дѣятельность, завершающаяся завоеваніемъ власти.

«Всякое значительное политическое преобразованіе въ современномъ крупномъ государствѣ тотчасъ же оказываетъ самое глубокое вліяніе на громадное общественное цѣлое, воздѣйствуя на него одинаковымъ образомъ и одновременно. Слѣдовательно, завоеваніе политической власти угнетеннымъ классомъ уже по одному этому должно вести за собою совершенно другія соціальныя послѣдствія, чѣмъ прежде » *).

Государство въ наше время играетъ, стало быть, по марксистской концепціи. совершенно иную роль: вліяніе завоеванія сверху распространяется одинаково и одновременно на все общество; это, конечно, не такъ, но Каутскому нужно, чтобы это было такъ, потому что разъ это такъ, то революціи не будутъ больше выражаться, какъ въ прошломъ, въ открытомъ возстаніи народныхъ массъ противъ правительствъ. На самомъ дѣлѣ, возстаніе противъ властей совершенно излишне разъ въ настоящее время самое упорное сопротивленіе мы встрѣчаемъ уже не со стороны правительствъ. Такъ, порою, читая Каутскаго, кажется, что государство въ настоящее время по какимъ то причинамъ извѣстнымъ только Каутскому, сдѣлалось совсѣмъ bon enfant, съ нимъ даже не считаются; оно добро, оно въ сторонѣ, въ настоящее время въ жестокую борьбу съ нимъ вступать не приходится.

Главное затрудненіе соціальный переворотъ встрѣчаетъ со стороны капиталистическихъ предпринимательскихъ организацій; и въ борьбѣ противъ могущественныхъ организацій эксплуататоровъ пролетаріатъ долженъ использовать, при посредствѣ своихъ организацій, «демократическія формы».

«Въ первый разъ во всемірной исторіи предстоитъ намъ революціонная борьба, при которой могутъ быть использованы демократическія формы, борбы организацій, образовавшихся на основѣ демократическихъ вольностей, противъ силъ, какихъ еще не видывалъ міръ, и прежде всего противъ предпринимательскихъ союзовъ, передъ которыми преклоняются даже монархи и могущество которыхъ еще укрѣпляютъ бюрократія и армія, эти выработанныя абсолютизмомъ орудія силы современнаго крупнаго государства *).

Какая можетъ быть при этихъ условіяхъ революція, кромѣ политической? И дѣйствительно, марксистская концепція соціальной революціи есть концепція типичной политической революціи, она не требуетъ разрушенія государства, а лишь его завоеванія; по этой концепціи соціальная революція отличается отъ соціальной реформы только одной чертой — завоеваніемъ политической власти новымъ классомъ.

«Чѣмъ отличаются реформы Тюрго отъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій революцій? Между тѣмъ и другимъ лежитъ завоеваніе политической власти новымъ классомъ. Въ этомъ, именно, заключается существенное различіе между революціей и реформой. Мѣропріятія, имѣющія цѣлью привести юридическую и политическую надстройку общества въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися экономическими условіями, являются реформами, если онѣ исходятъ отъ тѣхъ же классовъ, которые до сихъ поръ политически и экономически господствовали надъ обществомъ, — являются реформами даже въ томъ случаѣ, когда они не даются добровольно, а вынуждаются давленіемъ со стороны угнетенныхъ классовъ или силою обстоятельствъ. Наоборотъ, такого рода мѣропріятія суть дѣянія революціи, если они исходятъ отъ такого класса, который до сихъ поръ былъ политически и экономически угнетеннымъ классомъ, а теперь завоевалъ себѣ политическую власть, и этою властью онъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ воспользоваться для того, чтобы болѣе или менѣе быстро передѣлать всю политическую и юридическую надстройку и создать новыя формы совмѣстной дѣятельности людей » **).

Посмотримъ теперь, каковы результаты такой постановки вопроса и какіе выводы слѣдуетъ сдѣлать изъ подобнаго опредѣленія соціальной революціи.

Въ послѣднее всемя декаденты марксизма, пытались изъять изъ марксизма понятіе захвата власти. Они находятъ, что это понятіе внесено въ марксизмъ лже-учениками Маркса. Печальное открытіе, ибо, еслибы это было вѣрно, то пришлось бы признать, что до сихъ поръ Марксъ не имѣлъ ни одного вѣрнаго ученика, такъ какъ всѣ марксисты признавали захватъ власти той тактической догмой, которая открывала двери въ соціальдемократическую церковь. На самомъ дѣлѣ, нельзя же допустить, что единственными вѣрными учениками Маркса являются нео-марксисты, эти декаденты марксизма.

Принципъ захвата власти не есть фальшь, внесенная въ марксизмъ его лже-учениками, а подлинное «творчество» самаго учителя. Можно было бы привести многочисленныя историческія данныя для доказательства этого положенія, но это значило бы ломиться въ открытыя двери. Укажемъ, однакожъ, что самъ Марксъ считалъ своей главной заслугой въ выработкѣ теоріи классовой борьбы не ея открытіе, а лишь указаніе на необходимость захвата власти пролетаріатомъ.

«Что касается меня, писалъ онъ, то не нужно приписывать мнѣ ни открытія существованія классовъ въ современномъ обществѣ, ни ихъ антагонизма. Задолго до меня буржуазные историки указали на историческое развитіе этой борбы классовъ, и буржуазные экономисты изслѣдовали экономическую анатомію классовъ. Что я сдѣлалъ новаго, это то, что я указалъ: 1) что существованіе классовъ связано съ историческимъ развитіемъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ конфликтовъ въ производствѣ; 2) что эта борьба классовъ неизбѣжно ведетъ къ диктатурѣ пролетаріата; 3) что сама эта диктатура есть ничто иное какъ переходный періодъ къ исчезновенію классовъ и къ обществу безъ классовъ» ***).

Эта цитата вполнѣ достаточна для установленія того, кто

*) Каутскій говоритъ, что грядущую революцію онъ назвалъ бы продолженіемъ грандіозной войной, если бы съ этимъ понятіемъ не связывалось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Приводимъ это мѣсто цѣликомъ:

«Если, такимъ образомъ, прежнія революціи были возмущеніями народныхъ массъ противъ правительства, то грядущая революція, — исключая, можетъ быть Россію, — должна бы носить характеръ борьбы одной части народа противъ другой; въ этомъ, но только въ этомъ она должна бы меньше походить къ типу французской революціи и больше къ типу реформаціи. Я сказалъ бы даже, пожалуй, что грядущая революція будетъ въ меньшей степени походить на внезапное возмущеніе противъ властей и въ большей степени на продолжительную *гражданскую войну*, еслибъ съ этимъ послѣднимъ словомъ не соединялось представленіе о настоящихъ войнахъ и побоищахъ. Мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вооруженныя возстанія, битвы на баррикадахъ и тому подобные военные эпизоды могли бы еще и теперь играть рѣшающую роль,—доказательство этого положенія приводились уже такъ часто, что мнѣ нѣтъ надобности еще останавливаться на нихъ».

Каутскій. Op. cit., гл. VII. стр. 90.

*) Каутскій, Op. cit., гл. IV, стр. 26.

*) Каутскій. Op. cit., гл. VII., стр. 87.

**) Каутскій. Op. cit., гл. I. стр. 5-6.

***) Изъ писемъ Маркса къ Sorge. «Mouvement socialiste». № 188.

внесъ въ марксизмъ концепцію захвата власти. Напомнимъ, однакожъ, еще уже цитированный нами въ другомъ мѣстѣ *) манифестъ Интернаціонала, писанный рукою Маркса, въ которомъ захватъ власти изображается имъ первой обязанностью рабочаго класса, и резолюцію лондонской конференціи 1875 г., подписанную на ряду съ другими и Марксомъ, въ которой опять напоминается, что захватъ власти есть первая обязанность рабочаго класса.

Итакъ, разъ соціальная революція, по марксистской концепціи, есть продолжительная гражданская война, *лишенная внѣшнихъ признаковъ гражданской воыны, т. е. элемента насилія, и имѣющая цѣлью захватъ власти, она не можетъ быть ничѣмъ, инымъ, какъ политико-парламентской борьбой, имѣющей своимъ объектомъ завоеваніе власти*, а это приводитъ насъ къ необходимости разсмотрѣть революціонное значеніе парламентаризма, т. е. тѣхъ «демократическихъ формъ», на которыя такъ настойчиво указываетъ Каутскій. Но это весьма нелегкая задача. На самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе неопредѣленнаго въ марксистской концепціи общественнаго переворота, чѣмъ эта связь парламентской дѣятельность съ захватомъ власти. Извѣстно только, что парламентская дѣятельность, въ связи съ организаціей пролетаріата въ особую политическую партію, должна подготовить необходимыя условія для захвата власти. Но какъ и въ какой формѣ послѣдній долженъ осуществиться, съ какой стороны парламентаризмъ связанъ съ нимъ, объ этомъ намъ ничего или почти ничего неизвѣстно.

Захватъ власти — общественный переворотъ, но переворотъ политическій, дающій лишь средство — власть — для совершенія болѣе или менѣе быстраго экономическаго переворота. Самый важный моментъ, слѣдовательно въ этой концепціи революціи, это — захватъ власти; послѣдній и есть настоящая революція, ибо экономическій переворотъ, болѣе или менѣе быстро слѣдующій за нимъ, явится его обязательнымъ послѣдствіемъ, проведеніе котораго въ жизнь не требуетъ уже революціонныхъ дѣйствій, а спокойно разсчитанныхъ государственныхъ мѣръ. Въ какой связи находится парламентская борьба съ этой основной частью общественнаго переворота, каковъ механизмъ захвата власти? На основаніи того немногаго, что мы можемъ найти въ марксистской литературѣ на этотъ счетъ, мы можемъ построить двѣ гипотезы:

1) При расширеніи и усиленіи парламентской дѣятельности, при соотвѣтствующемъ расширеніи и усиленіи политико-классовой организаціи рабочаго класса можно себѣ представить, что черезъ одно или два столѣтія соціальдемократія пріобрѣтетъ большинство не только въ парламентѣ но и въ странѣ. Допустимъ, что это случилось и послѣдніе выборы закончились полныаъ торжествомъ соціальдемократіи и въ первый разъ въ парламентѣ они образуютъ огромное большинство. Министръ-президентъ читаетъ декларацію правительства, она не соціалистическая, конечно, огромное большинство отказываетъ въ довѣріи министерству, и послѣднее падаетъ. Смятеніе въ лагерѣ буржуазіи. День страшнаго суда насталъ. Что дѣлать? Пока не все потеряно для буржуазіи, — исполнительная власть находится въ ея рукахъ. Парламентъ распускаютъ. Начинаются новые выборы, а въ промежуткѣ буржуазія управляетъ страною безъ парламента. Предположимъ, что новые выборы кончаются новымъ торжествомъ соціальдемократіи, и правящая буржуазія вновь распускаетъ парламентъ, но соціальдемократы и тутъ не поддаются на «провокацію», они опытные люди, они знаютъ, что «сила давно стала реакціонным факторомъ» и третій разъ идутъ къ урнамъ, — и опять выборы кончаются побѣдой соціальдемократіи. Эта гигантская драма разыгривается передъ всей страной, которая знаетъ, на чьей сторонѣ правда. Соціальдемократія «сжимая кулаки въ карманѣ», все не поддается на «провокацію» буржуазіи, которая видѣла послѣднее спасеніе въ уличной схваткѣ и теперь побѣждена достойнымъ поведеніемъ соціальдемократіи; къ тому же буржуазія страшится отвѣтственности, грозящей ей въ случаѣ упорства и уступаетъ, т. е. соглашается сама себѣ подписать смертный приговоръ. Образуется соціальдемократическое министерство (17 министерствъ по одному французскому проекту), которое приступаетъ къ болѣе или менѣе быстрому осуществленію экономическихъ мѣропріятій, описанныхъ Каутскимъ въ его книгѣ «Общественныя реформы»; мѣропріятія эти начинаются съ введенія 8-ми ч. рабочаго дня, съ улучшенія гигіеническихъ условій труда, и отдѣленія церкви отъ государства, а затѣмъ постоянной арміи милиціей; къ этимъ мѣропріятіямъ бельгійцы прибавятъ еще улучшеніе быта жандармовъ. Это, конечно, не все, будутъ предприняты и болѣе рѣшительные мѣры, но потомъ, мало-по-малу, законодательнымъ путемъ.

Все это можетъ показаться плохой шуткой, однакожъ, многіе соціальдемократы такъ наивно представляютъ себѣ грядущій соціальный переворотъ. Даже самъ Энгельсъ грѣшилъ немного такой наивностью *); во всякомъ случаѣ его наивная вѣра въ революціонное значеніе численнаго роста соціальдемократіи и ея представителей въ парламентѣ сдѣлалось точкой исхода того наивнаго представленія о грядущемъ соціальномъ переворотѣ, типичнымъ представителемъ котораго являлся Гедъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ.

«Лишь при помощи легальнаго оружія, всеобщаго избирательнаго права, говорилъ онъ, коллективистская армія фатально сдѣлается владычицей власти и республики, и тогда она будетъ дѣйствовать не ради выгоды нѣсколькихъ ажіотеровъ, а въ пользу всѣхъ рабочихъ всѣхъ рабочихъ, она поступитъ, какъ поступила революція прошлаго вѣка, которою вы (буржуа) стараетесь прикрываться; онѣ объявитъ національной собственностью желѣзныя дороги, шахты, заводы и землю» *).

2) Вторая гипотеза имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ первой. Въ этой второй гипотезѣ имѣются всѣ элементы первой плюсъ одинъ новый элементъ — политическая стачка, которая должна дополнить политико-парламентскую борьбу, облегчить совершеніе основного революціоннаго шага — захвата власти. Какъ и какимъ путемъ, объ этомъ мало что извѣстно. Даны политико-парламентская борьба и политическая стачка, эти два элемента нужно комбинировать такъ, чтобы въ результатѣ получился захватъ власти, т. е. переходъ власти къ новому классу, въ этомъ и выражается революція, по утвержденію Каутскаго, какъ мы уже знаемъ. Какимъ образомъ должна произойти такого рода комбинація? Характеръ дѣятельности современной соціальдемократіи даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Чѣмъ больше растетъ соціальдемократическая партія, чѣмъ больше увеличивается число соціальдемократическихъ избирателей, чѣмъ больше становится число соціальдемократическихъ депутатовъ въ центральныхъ и мѣстныхъ политическихъ учрежденіяхъ, чѣмъ больше соціальдемократія забираетъ въ свои руки отъ имени «класса», представительницей котораго она является, всѣ полезныя общественныя функціи, т. е. чѣмъ больше она становится «классомъ», фактически руководящимъ общественной жизнью, тѣмъ больше политическія отношенія въ странѣ будутъ обостряться, и соціальдемократія будетъ принуждена сдѣлать необходимый шагъ къ захвату власти.

Это вполнѣ естественно: классъ, выносящій на себѣ всѣ общественныя обязанности, долженъ будетъ получить соотвѣтствующее юридическое право. Но немногочисленная правящая каста можетъ не захотѣть этого и, пользуясь тѣмъ, что это юридическое право находится въ ея рукахъ, можетъ предпринять агрессивныя мѣры, чтобъ помѣшать торжеству новаго права; даже больше она можетъ попытаться ограничить или исказить тѣ «демократическія формы», на которыя Каутскій возлагаетъ столько блестящихъ надеждъ. Тогда соціальдемократія можетъ прибѣгнуть къ своему вспомогательному средству, къ политической массовой стачкѣ, которая можетъ имѣть двоякое приложеніе: а) помѣшать господствующимъ классамъ подорвать тѣ демократическія учрежденія, при помощи которыхъ соціальдемократія фатально, какъ выражается Гедъ, идетъ къ своему торжеству, т. е. помѣшать господствующимъ классамъ какими-нибудь агрессивными мѣрами задержать политико-парламентскіе успѣхи соціальдемократіи. Въ этомъ случаѣ политическая массовая всеобщая стачка является, какъ мы видимъ, средствомъ устрашенія и средствомъ оборонительнымъ. в) Но могутъ создаться условія, при которыхъ политической массовой стачкѣ можно будетъ воспользоваться въ качествѣ наступательнаго средства. Условія эти могутъ выразиться, съ одной стороны въ обостренной борьбѣ между партіями въ парламентѣ, а съ другой — въ сильномъ возбужденіи всей страны, какъ это было, напримѣръ, въ Италіи во время итало-абиссинской войны и въ Россіи во время русско-японской войны. Возбужденіе въ Италіи въ это время, какъ извѣстно достигло крайняго напряженія. Криспи былъ убитъ и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Многіе увѣряютъ, и не безъ основанія, что еслибы Кавалотти не струсилъ, союзъ республиканцевъ и соціалистовъ могъ бы захватить въ свои руки весь парламентъ, провозгласить паденіе Савойской династіи и образовать изъ своей среды революціонное правительство. При условіяхъ, въ которыхъ находилась тогда Италія это, пожалуй, было возможно. Такая возможность можетъ еще возникнуть. Не забудемъ, что организаціонная сила итальянскихъ республиканцевъ и соціалистовъ, вмѣстѣ взятыхъ, далеко уступаетъ организаціонной силѣ нѣмецкой соціальдемократіи. Обладай тогда итальянскіе соціалисты той силой, какой обладаютъ въ настоящее время нѣмецкіе соціальдемократы, возможно, что въ Италіи теперь была бы республика.

*) См. брошюру: «Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ,

*) См. предисловіе Энгельса къ «Классовой борьбѣ во Франціи».

**) Рѣчь въ парламентѣ отъ 25 іюля 1897 г.

Соціальдемократія должна быть готова, чтобы своевременно использовать подобныя возможности. Если при большой организованной силѣ такія условія, еще больше усложненныя массовой политической стачкой, возникнутъ снова, то соціальдемократія, конечно, не преминетъ воспользоваться ими. Ей не трудно будетъ овладѣть перепуганнымъ и растерявшимся парламентомъ, и кто нибудь болѣе смѣлый, чѣмъ Кавалотти, можетъ взять на себя иниціативу образованія революціоннаго правительства, которое будетъ встрѣчено съ восторгомъ, въ особенности послѣ дискредитированія и паденія старой власти. Это революціонное правительство сумѣетъ укрѣпить свою позицію, ослабить позицію буржуазной партіи и, когда оно будетъ увѣрено въ своей побѣдѣ, назначитъ новые выборы, которые придадутъ его власти законный характеръ. Революція будетъ законной. Экономическія мѣропріятія, которыя новая власть предприметъ потомъ и которыя начнутся съ исполненія «неисполненныхъ обѣщаній» буржуазіи, будутъ проводиться въ жизнь не революціонной силой, а силой установившейся и получившей законную санкцію власти.

Таковы двѣ гипотезы о механизмѣ захвата власти, какія можно себѣ представить, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ соціальдемократической литературѣ.

Подведемъ итогъ всему сказанному выше. Революція — средство, характеризующееся извѣстными опредѣленными внѣшними признаками, главнымъ элементомъ которыхъ является сила. Она имѣетъ своимъ объектомъ существующій порядокъ вещей, цѣлью — его разрушеніе. Полное разрушеніе стараго порядка вещей и временное безвластіе — моментъ творчества — предшествуетъ сотроительству новаго. Анализъ же марксистской концепціи соціальнаго переворота выяснилъ намъ, что въ опредѣленіе, данное этой концепціей революціи, эти внѣшніе признаки не входятъ. По этому опредѣленію существующій порядокъ вещей не разрушается. Революціей просто пріобрѣтается сила — власть, заключающая въ себѣ въ потенціи это разрушеніе эволюціоннымъ путемъ. *Разрушеніе по марксистской концепціи не есть ломка, а видоизмѣненіе посредствомъ мѣропріятій, являющихся результатомъ законной дѣятельности установившейся новой законной власти. Концепція эта не требуетъ, стало быть, разрушенія государства, а лишь его завоеваніе новымъ классомъ. Завоеваніе угнетеннымъ классомъ политической власти и есть соціальная революція.*

Соціальная революція — революція совершающаяся въ интересахъ опредѣленнаго класса, не требующая разрушенія государства, если, конечно, это такое государство, которое не ставитъ преградъ развитію «демократическихъ формъ»; достаточно захватить его въ свои руки и при его помощи осуществить соціалистическій идеалъ въ видѣ цѣлаго ряда экономическихъ мѣропріятій. Соціальная революція, это продолжительная гражданская война, безъ внѣшнихъ признаковъ гражданской войны (безъ уличныхъ схватокъ, безъ возстанія противъ властей, безъ баррикадъ, однимъ словомъ, безъ «войнъ и побоищъ»), т. е. обостренная политико-парламентская борьба, дополняемая уличной агитаціей; она имѣетъ объектомъ захватъ власти — цѣлью — соціальныя мѣропріятія (политическія и экономическія), посредствомъ завоеванной и узаконенной власти. Такова марксистская концепція соціальной революціи.

К. Оргеіани.

Новый Интернаціоналъ.

«Не вооруженныя возстанія дали двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ силу христіанскому Интернаціоналу, — побѣду эту дала его организація. И современный пролетаріатъ также восторжествуетъ благодаря организаціи, первой и высшей формой которой является Интернаціональная Рабочая Ассоціація, — объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ».

(Іеккъ. «Интернаціоналъ»).

Запутанность международныхъ отношеній, ежеминутно угрожавшая разрѣшиться обще-европейской войной, побудила къ реагированію также и Международное Соціалистическое Бюро. Реагированіе заключалось въ созывѣ 24-25 ноября чрезвычайнаго Конгресса, который состоялся въ Базелѣ. Этотъ чрезвычайный Конгрессъ, собственно говоря, былъ чрезвычайнымъ только по неожиданности своего созыва, а не по результатамъ. Какъ и всѣ соціалистическія начинанія, онъ окончился невинной резолюціей, изобилующей историческими справками и свидѣтельствующей о нѣкоторой эрудиціи ея авторовъ. Но смысла въ ней нѣтъ. Она ничего не устранила, ничего не внесла новаго, никого не напугала. Она только увеличила тотъ никому ненужный ворохъ бумажныхъ резолюцій, которыми завалены шкафы и полки Международнаго Бюро.

Но мы здѣсь не собираемся критиковать ни авторовъ резолюціи, ни вообще дѣятельность Конгресса. Отсутствіе смысла въ соціалистическихъ резолюціяхъ давно уже перестало поражать кого бы то ни было. Объ этомъ уже больше не говорятъ, потому что это всѣмъ хорошо извѣстно. Будемъ же говорить не о томъ, что сдѣлалъ Конгрессъ, или вѣрнѣе: не о томъ, чего онъ не сдѣлалъ, а о Рабочемъ Интернаціоналѣ, который внѣ всякихъ политическихъ партій и государственно-правовыхъ нормъ ежедневно проявляетъ себя въ непосредственной борьбѣ, направленной къ ослабленію и, въ конечномъ счетѣ, къ уничтоженію капитализма.

Базель не въ первый разъ явился мѣстомъ собранія Рабочаго Интернаціонала. Сорокъ три года тому назадъ, въ 1869 г., здѣсь же имѣлъ мѣсто IV конгрессъ Стараго Интернаціонала, по поводу котораго англійская газета «Times» тогда сказала: «Интернаціоналъ имѣетъ великую душу, но маленькое тѣло».

Тогда преобладало мнѣніе, что дни буржуазнаго строя сочтены. Вопросъ могъ еще итти только о томъ, какимъ образомъ осуществится гибель капитализма.

Дѣйствительность, однако, не оправдала надеждъ и разсчетовъ дѣятелей Стараго Интернаціонала. Для перестройки жизни на новыхъ началахъ равенства и братства оказалось недостаточнымъ имѣть только великую душу, — необходимо было также крѣпкое, мощное тѣло.

Старый Интернаціоналъ, державшійся не на реальной силѣ, а только на красивой идеѣ, долженъ былъ распасться. Но рабочее движеніе за прошедшія со времени его распада четыре десятилѣтія вновь должно было вынести его. Первоначальный принципъ международной организаціи рабочаго движенія, вѣрный самъ по себѣ, не имѣлъ реальныхъ корней въ стройно-организованныхъ національныхъ организаціяхъ. Рабочій классъ былъ вынужденъ сначала сорганизоваться по національностямъ, укрѣпить свои національные синдикаты, чтобы затѣмъ только осуществить объединеніе своихъ отдѣльныхъ, но уже дѣйствительно существующихъ мощныхъ кадровъ въ одну громадную армію — Новый Интернаціоналъ.

Это — послѣдній періодъ организаціи рабочаго движенія, и намъ суждено быть свидѣтелями его наступленія. Нынѣ тѣло рабочаго класса выросло, а духъ его остался такимъ же великимъ и сталъ болѣе яснымъ. Іеккъ, ошибочно видѣвшій тактику Рабочаго Интернаціонала въ политической борьбѣ, Іеккъ, этотъ пристрастный, несправедливый, а потому часто и неправдивый, историкъ Интернаціонала, былъ однако, совершенно правъ въ своемъ основномъ положеніи, что Новый Интернаціоналъ является не только воспоминаніемъ прошлаго, не только побѣдой настоящаго, но и задачей будущаго. Прибавимъ отъ себя: близкаго будущаго. Ибо съ того момента, какъ онъ началъ переходить отъ обсужденія принциповъ къ провозглашенію необходимости непосредственнаго дѣйствія, онъ началъ живое дѣло разрушенія капиталистическаго порядка.

Рабочій классъ все больше освобождается отъ вліянія соціалистическаго Интернаціонала, безпомощно плетущагося въ хвостѣ рабочаго движенія и занимающагося лишь проповѣдью парламентскаго словоговоренія. Послѣ каждаго соціалистическаго конгресса, почему то называемаго пролетарскимъ, въ рабочихъ массахъ усиливается реакція противъ соціалистической партіи, безсильной сорганизовать *дѣйствіе*, а они устремляются въ революціонные синдикаты.

Послѣ Базельскаго Конгресса, слабость политиканствующихъ соціалистовъ или соціалистическихъ политикановъ проявилась съ сугубой очевидностью. Они даже въ такой моментъ, когда надъ міромъ нависла угроза всеобщей войны, не ушли въ своихъ рѣшеніяхъ дальше резолюцій штуттгартскаго и копенгагенскаго Конгрессовъ, состоявшихся въ мирное время. Дѣйствительно, манифестъ соціалистическаго Интернаціонала точно не указываетъ ни одного реальнаго средства сопротивленія, не даетъ, въ смыслѣ тактики, ни одной

ясно формулированной директивы, совершенно не упоминаетъ о необходимости *активнаго* сопротивленія войнѣ.

Собравшіеся въ Базелѣ международные проповѣдники парламентской революціи и сами, конечно, ощущали нѣкоторую неловкость за робкость своего стыдливаго прекраснодушія, боящагося называть вещи присущими именами. И вождь австрійскихъ соціальдемократовъ, Адлеръ, пытался объяснить благодарной аудиторіи, что отсутствіе радикальныхъ лозунговъ слѣдуетъ понимать какъ неизбѣжный результатъ бѣдности человѣческой рѣчи. «Ясно формулировать мысль не всегда бываетъ возможно», сказалъ онъ. «Я приглашаю Конгрессъ считаться не со словами, а съ духомъ предлагаемой резолюціи, и принять ее».

Такая ссылка на слабость человѣческой рѣчи, сдѣланная очень краснорѣчиво однимъ изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ соціалистическихъ парламентаріевъ, не всѣхъ, конечно, удовлетворила. Старѣйшій изъ немногихъ, присутствовавшихъ на Конгрессѣ дѣйствительныхъ революціонеровъ коммунаръ Вальянъ, счелъ необходимымъ взять подъ свою защиту человѣческую способность ясно выражаться и доказалъ немного смущенному Конгрессу, что у здравомыслящихъ людей для формулированія каждой мысли всегда могутъ найтись вполнѣ соотвѣтствующія точныя выраженія.

«Французская делегація,—заявилъ онъ, — пріѣхала на Конгрессъ съ императивнымъ мандатомъ предложить въ качествѣ единственнаго цѣлесообразнаго средства протеста противъ войны — всеобщую забастовку. И если мы нашли возможнымъ голосовать за предложенную резолюцію, то лишь потому, что она, «глухо говоря о «всѣхъ средствахъ», можетъ включать и всеобщую забастовку».

Страшное слово, вокругъ и около котораго въ теченіе двухъ дней на цыпочкахъ ходили всѣ редакціонныя комиссіи Конгресса, боясь назвать его, было произнесено. Бомба взорвалась. И въ этотъ моментъ для многихъ конгрессистовъ стало ясно, что пролетаріатъ, несмотря на всѣ затушевыванія и недомолвки, въ рѣшительный моментъ пойдетъ по пути *революціоннаго дѣйствія*, перешагнувъ черезъ всѣ резолюціи, старательно стилизованныя господами политиками.

Пролетаріатъ, какъ классъ, революціоненъ и интернаціоналенъ. Въ моменты острой борьбы онъ всегда рѣзко отворачивается отъ соціалистической опеки и обращается къ непосредственному дѣйствію, къ которому его призываетъ революціонный синдикализмъ. И чѣмъ больше обостряется классовая борьба, тѣмъ неизбѣжнѣе становится для него организація въ аполитическіе синдикаты.

Отношеніе политиковъ — въ томъ числѣ, конечно, и соціальдемократовъ — къ пролетаріату прекрасно выражено нынѣ ренегатствующимъ Сорелемъ.

«Политики, — говорилъ онъ, — разсуждаютъ о соціальныхъ конфликтахъ точно такъ, какъ дипломаты о международныхъ дѣлахъ: военная сторона этихъ конфликтовъ ихъ мало интересуетъ, они видятъ въ сражающихся лишь орудіе. Пролетаріатъ — ихъ армія, которую они любятъ съ той же любовью, какою губернаторъ какой-нибудь колоніи любитъ свои вооруженныя шайки, покоряющія его капризамъ толпы негровъ; они стараются увлечь пролетаріатъ, чтобы ускорить крупныя сраженія, которыя должны отдать въ ихъ руки государственную власть... Но пролетаріатъ для нихъ лишь пушечное мясо и больше ничего»...

«Чѣмъ больше распространится и разовьется синдикализмъ, — говоритъ Сорель въ другомъ мѣстѣ, — освобождаясь отъ старыхъ предразсудковъ, идущихъ отъ стараго режима и католической церкви черезъ посредство писателей, профессоровъ философіи и историковъ революціи, тѣмъ больше и больше соціальные конфликты будутъ носить характеръ чистой борьбы, вполнѣ аналогичной борьбѣ двухъ враждебныхъ армій».

Мы видимъ, что развитіе синдикализма — неизбѣжный, стихійный процессъ, вытекающій изъ обостренія классовой борьбы и изъ необходимости для пролетаріата имѣть свое собственное, специфически-пролетарское орудіе борьбы, направленное одновременно противъ капитализма и охраняющаго его государства. А вмѣстѣ съ развитіемъ синдикализма крѣпнетъ и растетъ Новый Интернаціоналъ, синдикалистическій, которымъ характеризуется послѣдній періодъ организаціи рабочаго движенія.

Александръ Ге.

Намъ кажется, что тов. Александръ Ге черезчуръ увлекся соблазнительной антитезой (противопоставленіемъ) души и тѣла. Врядъ-ли старый Интернаціоналъ отличался «безтѣлесностью», врядъ-ли въ Новомъ Интернаціоналѣ наблюдается такая завидная гармонія души и тѣла.

Редакція.

ЗАМѢТКА НА ЗЛОБУ ДНЯ.

Мы утописты. Мы не учитываемъ фактовъ дѣйствительности, а, витая въ облакахъ, строимъ свои теоріи. Такіе упреки раздаются по нашему адресу со стороны нашихъ противниковъ?

Такъ ли это? Не изъ дѣйствительности ли черпаемъ мы наши наблюденія для выводовъ о методахъ борьбы пролетарскихъ массъ? И развѣ не изъ фактовъ исходимъ мы, когда ведемъ на этой плоскости полемику съ нашими противниками.

Взять хотя-бы старый споръ, споръ о томъ, насколько совмѣстима дѣятельность въ законодательныхъ учрежденіяхъ съ революціонной классовой борьбой. Вѣдь, жизнь на каждомъ шагу даетъ подавляющее количество иллюстрацій того факта, что принципы классовой борьбы приносятся въ жертву демократіи. Мы въ своей «замѣткѣ» напомнимъ только о двухъ фактахъ.

Мы говоримъ во-первыхъ: о выступленіи предсѣдателя финляндскаго сейма с-д. Гокоя и, во вторыхъ, о поведеніи 4 членовъ (с-д-товъ) городскаго самоуправленія г. Цюриха во время всеобщей стачки 12 іюля 1912 г.

Подробности вѣроятно еще памятны. Финская с-д-ія, чтобы имѣть возможность вести законодательную работу (соціальное законодательство!), проводитъ своего предсѣдателя, въ противовѣсъ кандидату прогрессивно-буржуазнаго блока, и поручаетъ ему отвѣтить на привѣтствіе генералъ-губернатора Зейна, выраженіемъ вѣрно-поданническихъ чувствъ, и это вопреки установившемуся обычаю выражать въ этой рѣчи протестъ противъ позорнаго поведенія русскаго монарха, «великаго князя финляндскаго» тожъ. — Вотъ текстъ рѣчи: «Ваше Высокопревосходительство, отъ имени сейма выражаю вѣрноподаническое высокопочитаніе его императорскому величеству государю императору и великому князю».

Четыре с-д-скихъ члена цюрихскаго самоуправленія голосуютъ вмѣстѣ съ буржуазными членами запретъ выставлять рабочими Streikposten въ защиту отъ штрейкбрехеровъ, — все для спасенія общественнаго спокойствія г. Цюриха.

Два важныхъ пункта с-д-ской работы! Участіе въ общегосударственной и муниципальной жизни страны, двѣ цитадели, откуда должны быть направлены ихъ стрѣлы въ современный строй (по ихъ терминологіи...), и обѣ, позорно сданы!

Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь, даже далеко не всѣ юристы-буржуа отрицаютъ право пролетаріата защищаться отъ наплыва штрейкбрехеровъ! И вотъ мы дошли до того, что соціалисты это священное право рабочихъ попираютъ ногами. И эти люди еще козыряютъ «классовой точкой зрѣнія».

Не стоило бы, конечно, останавливаться на такихъ «мелкихъ» фактахъ, если бы они были случайными. Но если хоть мелькомъ присмотрѣться къ современной соціальной жизни, то можно видѣть, что эти факты типичны для цѣлаго ряда явленій: больше того, они не результатъ злой воли отдѣльныхъ лидеровъ или группъ, какъ это хотятъ представить нѣкоторые устыдившіеся ортодоксы или соціалъ-революціонеры государственники. Они—неизбѣжный этапъ по тому скользкому пути завоеванія государственно-политической власти, который избранъ (выдвинутъ жизнью, конечно!?) соціалистами-демократами, и рекомендуется рабочему классу, какъ единственно вѣрный путь къ его окончательному освобожденію. Не разъ нами указывалось на тѣ опасности, которыя грозятъ соціализму, если проповѣдники послѣдняго начнутъ принимать дѣятельное участіе въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Приведенные факты въ высшей степени ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что иллюзіи гибнутъ, а факты остаются. Иллюзія о томъ, что можно совмѣстить законодательную борьбу съ веденіемъ революціонной классовой борьбы погибла давно. А печальные факты о дѣятельности парламентаріевъ остаются и впредь незамѣнимымъ средствомъ антипарламентской пропаганды. Они говорятъ объ одномъ: *или* парламентаризмъ *или* революціонная классовая борьба. Примирить то и другое невозможно.

Рабочій А-ѳа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Кочегаровъ. Земельная программа анархистовъ-коммунистовъ. Изданіе листковъ «Хлѣбъ и Воля».

Брошюра т. Кочегаровъ интересна, — и мы обращаемъ на нее вниманіе работниковъ. Напрасно только авторъ счелъ возможнымъ назвать брошюру — программой. Нѣтъ, это не программа! Программа требуетъ точной, ясной формулировки основныхъ теоретическихъ положеній и практическихъ выводовъ. *Этой* точностью указанная брошюра не отличается. И все-же, повторяемъ, брошюра интересна. Авторъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ фактъ, что крестьянину чужда психологія собственника. «Крестьяне на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ называли землю ничьей, вольной, общей, всѣмъ одинаково принадлежащей» (стр. 7). Авторъ брошюры — «максималистъ», онъ увѣренъ, что городской пролетаріатъ и крестьянство должны взять въ свои руки дѣло строенія новой жизни. Цѣнно въ брошюрѣ и то, что авторъ горячо и убѣдительно уговариваетъ пропагандистовъ — бросить напыщенный, лже-народный тонъ и подойти къ жизни крестьянъ *просто*. Тогда лишь пропаганда будетъ плодотворной, тогда лишь пропагандисту станетъ ясно, что многія затрудненія — мнимыя, выдуманныя. Возьмемъ вопросъ о подняліи уровня техники. Если вамъ удастся доказать, что введеніе такихъ то улучшеній разумно, цѣлесообразно, выгодно — вашъ совѣтъ будетъ принятъ съ благодарностью. Авторъ приводитъ много фактовъ, убѣдительно доказывающихъ, до какой степени живъ въ крестьянствѣ духъ коммунизма, способность *къ самоуправленію*. Жаль, что авторъ не счелъ нужнымъ дать краткій очеркъ возникновенія понятія частной собственности на землю, этого установленія совершенно неизвѣстнаго «Русской Правдѣ». Авторъ черезъ-чуръ легко обходитъ вопросъ о наличности индивидуалистическихъ тенденціи среди малороссовъ, — въ отличіе отъ великороссовъ. Напрасно также т. Кочегаровъ ничего не говоритъ о томъ, какъ сложатся отношенія города и деревни въ томъ случаѣ, если городскому пролетаріату не удастся соціализировать фабрики и заводы.

Поднѣйшее недоумѣніе вызываютъ слѣдующія слова автора:

«Говорится, что жители Кавказа, поляки, латыши и пр. не согласятся коммунизировать землю. Очень, жаль, если это правда (что, впрочемъ, сомнительно), но вѣдь мы не желаемъ вмѣшиваться (?) въ дѣла всѣхъ народовъ.... Не наше дѣло (?) заботиться о дѣлахъ нынѣ порабощенныхъ Россіей иностранцевъ(?). Никто насъ не проситъ объ этомъ. Они будутъ свободны, и сами устроятся, какъ пожелаютъ».

Странныя рѣчи въ устахъ автора земельной программы анархистовъ-коммунистовъ! «Они будутъ свободны и устроятся *какъ пожелаютъ*» — очень либерально, да только *намъ* не безразлично, какъ и чего «они» пожелаютъ, ибо если „пожелаютъ" рабства, то «мы» такъ же должны бороться съ этимъ зломъ на Кавказѣ, въ Польшѣ, такъ и въ Саратовской и Уфимской губерніяхъ.

Мы *должны* вмѣшиваться въ жизнь «иностранцевъ». Мы хотимъ свободы и боремся со всѣми ей враждебными теченіями, и наше «вмѣшательство» ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, которое практикуетъ нынѣ *всѣхъ* поработившая царская Россія Развѣ существуютъ границы для нашего «вмѣшательства»? Позволительно-ли ограничиться платоническимъ «очень жалко», когда событіе происходитъ въ Грузіи и бороться активно только тогда, когда событіе происходитъ въ Самарской губ.?

Нѣтъ, авторъ напрасно ждетъ, чтобы его «просили» вмѣшиваться, и напрасно *это* невмѣшательство проводить подъ флагомъ свободы народовъ устроиться «какъ пожелаютъ». Еще разъ почеркиваемъ: несмотря на частные недостатки, брошюра т. Кочегарова, въ общемъ, интересна и полезна.

У-тъ.

Письмо въ редакцію.

Я получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ товарищи просятъ меня лично высказаться по вопросу, поднятому въ заявленіи (см. № 5 «Раб. Міра») Льежской группы — о съѣздѣ. Позволяю себѣ дать краткій отвѣтъ: съѣздъ, вообще говоря, нуженъ, необходимъ. Но — у меня нѣтъ увѣренности въ томъ, что результаты будутъ плодотворны. Этихъ сомнѣній у меня не было-бы, если-бы была увѣренность, что въ рядахъ нашихъ происходила глубокая, положительная работа — а не лишь безплодная, разъѣдающая «критика».

Въ нашей средѣ царитъ какая-то примитивность, ужасающая «элементарность» — и боюсь, что мы окажемся безсильными разрѣшить сложные вопросы, стоящіе «на очереди»!...

Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо тщательно и серьезно подготовиться. Необходимо поставить на обсужденіе не *всѣ* вопросы, а только тѣ, которые въ дѣйствительности являются насущными. Какъ установить, какіе вопросы товарищи считаютъ насущными?

Въ письмѣ къ одному товарищу я высказалъ такое соображеніе: желательно, чтобы предварительно собрались отдѣльныя группы: эти группы должны выработать общій планъ, установить нѣкоторый общій взглядъ на тѣ или иные вопросы. Я узналъ — изъ достовѣрнаго источника, — что такое предварительное собесѣдованіе товарищей различныхъ городовъ состоялось. Результаты мнѣ пока неизвѣстны. Кажется, что такую попытку должно горячо привѣтствовать. Она достойна подражанія, — такъ какъ безусловно облегчитъ работу съѣзда.

Р—нъ.

Денежный отчетъ Цюрихской группы.

(Отъ 1-го мая 1912 г. по 1-ое мая 1913 г.).

Приходъ.

Новогодній вечеръ 291 фр. 60 сант. Прислано изъ другихъ городовъ на изд. «Раб. Міра» 220 фр. 20 сант. За литературу 101 фр. 60 с. Рефератъ — 14 фр. 20 сант. Членскіе взносы — 51 фр. 50 сант. Чистый доходъ отъ устроеннаго въ Парижѣ митинга въ честь П. А. Кропоткина 93 фр. 25 *).

Всего 772 фр. 35 сант.

Расходъ.

№ 5 «Р. М.» 150 фр. № 6 (приблизительно) 200 фр., Эмигрантской кассѣ 30 фр. Разсылка литературы и почтовые расходы 44 фр. 45 с. Помѣщеніе для собранія 27 фр. 25 с. Локалъ — въ Парижѣ 13 фр. Покупка еврейской и русской литературы 44 фр. 70 с. Переплеты 12 фр.

Всего: 521 фр. 40 сант.

Остается въ кассѣ:

772.35 — 521.40 = 250 фр. 90 сант.

*) Митингъ въ честь Кропоткина далъ всего (считая и проданную литературу) 595 фр. 05 с. Расходовъ было 501 фр. 80 с. считая въ томъ числѣ 345 фр. на печатаніе и экспедицію № 4 (юбилейнаго) «Р. М.». 135 фр—помѣщеніе и служащимъ. 21 фр. — мелкіе расходы (телеграммы, билеты, поѣздка и пр.).

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15494.
Eduard Meier.

РАБОЧІЙ МІРЪ

Изданіе Цюрихской группы анархистовъ-коммунистовъ „Рабочій Міръ".

Духъ разрушающій есть духъ созидающій.
БАКУНИНЪ.

Годъ I. 20-е Іюля 1913 г. № 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

Бакунинъ *).

1-го іюля — годовщина смерти М. А. Бакунина, ближайшаго родоначальника современнаго анархическаго движенія, основателя той вѣтви международнаго соціализма, къ которой мы принадлежимъ.

Старикъ Бланки нерѣдко говорилъ, что значеніе событій измѣряется не столько ихъ непосредственными результатами, сколько ихъ косвенными послѣдствіями, которыя всегда бываютъ гораздо важнѣе первыхъ.

Точно такъ же, говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оцѣнивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружавшихъ его людей — на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность.

Его литературное наслѣдіе не велико: «Государственность и Анархія», «Историческое Развитіе Интернаціонала», «Богъ и Государство» (Dieu et l'Etat), — вотъ три написанныя имъ небольшія книги. Остальное — «Кнуто-Германская Имперія», «Письма Французу о настоящемъ кризисѣ», «Теологическая политика и Мадзини», «Бернскіе медвѣди» и др., — все это брошюры, написанныя по данному вопросу минуты. Даже выше-названныя три книги имѣютъ такое-же происхожденіе. Бакунинъ садился съ цѣлью написать брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разросталась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философіи исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событій, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

Если вспомнить все то, что онъ и его друзья — а его друзья были Герценъ, Огаревъ, Мадзини, Ледрю-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятели революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ — передумали объ этихъ, пережитыхъ ими драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все, что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей за тѣмъ реакціи, — легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія жизни, должны были роиться въ головѣ Бакунина, и почему его философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

Любопытно, однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его рѣчь на конгрессѣ «Мира и Свободы» была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма 40-выхъ годовъ закончена, и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни — эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиніанцамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто политической революціонной конспираціи ради національнаго освобожденія и начало соціалистической революціи, а также конецъ сантиментальнаго соціалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцену, объ Интернаціоналѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

«Бернскіе медвѣди» — прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, а «Письма Французу», написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбеттовскому радикализму и возвѣщеніе той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская коммуна, отбросившая идею луи-блановскаго государственнаго соціализма и возвѣстившая новую идею—городского, коммунальнаго коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территоріи и начинающая у себя соціальную революцію — вотъ что рекомендовалъ онъ въ этихъ «Письмахъ» противъ нѣмецкаго вторженія.

«Кнуто-Германская имперія», брошюра, которую такъ ненавидятъ нѣмецкіе соціаль-демократы—пророческій крикъ стараго революціонера, понявшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватитъ Европу на цѣлые тридцать-сорокъ лѣтъ вслѣдствіе торжества Бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ—и государственнаго соціализма, котораго крестнымъ отцомъ въ Германіи, былъ тотъ-же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма — анархіи — въ латинскихъ странахъ.

Наконецъ, «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе Интернаціонала» *) и «Богъ и Государство», — несмотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради злобы дня, — содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ университет-

*) Перепечатано изъ «Х. В.» № 19-20, 1905 г.

*) Эта книга не Бакунина, въ ней лишь одна статья принадлежитъ ему. Что же касается литературнаго наслѣдія Бакунина, то оно оказывается гораздо больше, чѣмъ думали, какъ то показываетъ изданіе полнаго собранія сочиненій Бакунина, предпринятое Гильомомъ. *Ред.*

скихъ и соціаль-государственныхъ, въ которыхъ отсутствіе мысли прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на матеріаъ для мышленія, — какъ на умную бесѣду, вызывающую въ васъ умственную работу, — тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ — въ вашей мысли, и за главаремъ — въ вашей дѣятельности.

Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Бѣлинскаго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, соціалиста и нигилиста, который воплотился впослѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятыхъ годовъ. Онъ возродилъ его. — «Ты мой духовный отецъ», писалъ ему самъ Бѣлинскій. А какою громадною силою былъ Бѣлинскій для русскаго развитія — мы знаемъ.

Въ Парижѣ, въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали), и въ Германіи въ 1848 году, его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернардъ Шоу разсказываетъ въ полушутливой формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не знающемъ страха и увлекающемъ своею любовью Брунгильду, Вагнеръ воплотилъ Бакунина. Онъ воплотилъ, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго, дерзкаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣнія, что и на Вагнера, какъ и на Жоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ соціалистической Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на Молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе. — «Къ нему нельзя было подойти, не заразившись его революціонною горячкою», говорили о немъ его современники.

Такимъ же оказался онъ, когда, бѣжавши въ 1862 г. изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его появленіе въ Лондонѣ, и слегка подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ всякихъ славянъ. Весьма возможно, и навѣрно, такъ и было, что Бакунинъ часто возлагалъ больше надеждъ на подходившихъ къ нему людей, чѣмъ они того заслуживали. — Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о всякомъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что вѣрилъ въ человѣка, вѣрилъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его пріобщалъ, пробудитъ въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало, и подъ вліяніемъ Бакунина человѣкъ давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

Герценъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но — правда ли, что онъ дѣйствительно такъ ошибался въ людяхъ?... Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варленъ, Элизе Реклю, Кафьеро, Малатеста, Фанелли (его эмиссаръ въ Испаніи), Гильомъ, Швицгебель и т. д., сгруппировавшіеся вокругъ него въ знаменитой Alliance, не были лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху? Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была, наоборотъ, поразительно вѣрна. Прочтите, напримѣръ, то, что писалъ онъ о Нечаевѣ, котораго и сильныя и слабыя стороны онъ опредѣлилъ такъ поразительно вѣрно, что мы, теперь, ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его понялъ Николая Утина — этого женевскаго божка марксистовъ?

Еще одно. Всего поразительнѣе, и всего поучительнѣе для насъ — высокій нравственный уровень людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина въ западной Европѣ. Я не зналъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ Интернаціоналѣ вокругъ него, и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смѣло утверждаю въ лицо ихъ ненавистникамъ, что каждый изъ выше названныхъ мною дѣятелей федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою крупную нравственную личность. Исторія, я знаю, подтвердитъ эту характеристику, и, конечно, выскажетъ при этомъ сожалѣніе, что въ средѣ ихъ противниковъ, — по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей, — былъ, можетъ быть, умъ, но нравственныя начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ, то я охарактеризовалъ роль «бакунистовъ», говоря въ моихъ «Запискахъ» о Юрской Федераціи.

Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, избіеніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжающейся понынѣ, и когда Марксъ, со своими друзьями, помощью подпольныхъ интригъ, захотѣлъ обратить всю дѣятельность рабочаго Интернаціонала, созданнаго для прямой борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся соціалистовъ — «бывшихъ людей« — тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ, въ то время, оплотомъ противъ обще-европейской реакціи.

Ему мы обязаны въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ который нашелъ въ рабочихъ латинскихъ массахъ новую живую силу, чтобы бороться съ рѣзкимъ поворотомъ налѣво кругомъ среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

И — среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ, войну всему старому міру, — въ этой средѣ развился наконецъ, современный анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его смѣлымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

П. Кропоткинъ.

Іюнь. 1905 года.

Зло, съ которымъ нужно бороться.

Подлое время безвременья, длящееся не въ мѣру, дѣлаетъ тягостнымъ жизнь для тѣхъ, которые, во время всеобщаго распада и разложенія, силятся сохранить въ чистотѣ тѣ высокіе принципы, которыми они питались во время общественнаго подъема.

Было тяжело, было трудно примириться съ прошлымъ и еще болѣе тяжело примириться съ настоящимъ. Возобновленіе работы представлялось сложнымъ, положеніе запутаннымъ, но, несмотря на это, каждый

старался удержаться на принципіальной почвѣ, вынести съ мужествомъ пораженіе и искренно, серьезно отнестись къ дѣлу выясненія нашихъ старыхъ ошибокъ.

Такъ было до сихъ поръ среди анархистовъ, уцѣлѣвшихъ послѣ разгрома нашей неудачной революціи. Ни разочарованіе, ни сомнѣніе, ни разъѣдающій скептицизмъ не могли укрѣпиться въ нашей средѣ. Если и былъ періодъ бездѣятельности, въ особенности въ 1911 и 1912 г.г., то это объясняется не безвѣріемъ, не разочарованіемъ, а тѣмъ, что движеніе какъ то сразу оборвалось на мѣстахъ, тамъ въ Россіи, что соотвѣтственнымъ образомъ отозвалось и на нашей заграничной дѣятельности. Не сразу удалось нашимъ товарищамъ освоиться съ вновь создавшимся положеніемъ. Что то произошло въ нашей жизни, что то измѣнилось; то политико-экономическое положеніе, которое переживаетъ нынче Россія, отличается отъ стараго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и не ново, — между старымъ и новымъ трудно установить демаркаціонную линію, все смѣшалось и перепуталось, и нашимъ товарищамъ сразу трудно было приспособить свою дѣятельность и свою пропаганду къ тому запутанному положенію, которое создалось послѣ нашей «революціи». И вотъ на страницахъ этой газеты нѣкоторые товарищи старались распутать эти запутанныя жизнью сѣти. Жизнь поставила передъ нами цѣлый рядъ задачъ, которыя нужно разрѣшить, по крайней мѣрѣ, попытаться разрѣшить. Намъ нужно было выяснить недочеты нашего движенія, опредѣлить наше положеніе, по отношенію создавшихся новыхъ условій нашей жизни, выяснить вопросъ о томъ, окончательно-ли похороненъ вопросъ о ближайшей революціи, перестала ли быть революція для насъ практическимъ вопросомъ, если нѣтъ, то каковы должны быть лозунги этой ближайшей революціи; если же мы находимъ, что революція, какъ практическій вопросъ, похороненъ, что революція отложена въ долгій ящикъ по причинамъ, независящимъ отъ воли и желанія людей, то и въ этомъ случаѣ нужно выяснить, въ чемъ заключается наша практическая дѣятельность теперь, во время подготовительнаго періода, при создавшихся особыхъ условіяхъ, каковъ тотъ лишній грузъ, который мы должны бросить, и каковъ тотъ умственный, нравственный и практическій багажъ, которымъ мы, въ видахъ болѣе сознательной и цѣлесообразной дѣятельности, должны нагрузить себя. Все это вопросы первостепенной важности, и редакція этой газеты настойчиво приглашала всѣхъ товарищей высказаться по этому поводу. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе серьезномъ и искреннемъ отношеніи къ дѣлу, даже въ такой маленькой газетѣ, какъ «Р. М.», мы съ пользой могли бы поговорить о всѣхъ этихъ вопросахъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что необходимость обмѣна мнѣній чувствовалась всѣми. Но лукавый попуталъ. Лукавый это — демагогія. Демагогія низкопробная, мелкая, безсильная, и такая же мелкая, каррикатурная негаевщина и «плотоядное», имѣющее чисто личные мотивы, интеллигентоѣдство, внесенное въ наше движеніе вновь пришедшими элементами, анархизму которыхъ безъ году недѣля и которые стали сѣять между товарищами недовѣріе, злобу и соперничество. Къ намъ попали люди, перебывавшіе во всѣхъ партіяхъ. Есть такіе, которые были раньше съ сіонистами, гдѣ они оказались ненужными, что задѣло ихъ самолюбіе; были эсдеками и должны были уйти отъ эсдекства, опять вслѣдствіе своей ненужности, а это еще больше обострило ихъ обиду, пробовали эсерство, но и тутъ не выгорѣло, докатили, наконецъ, до анархизма, но и тутъ ихъ больное самолюбіе не находитъ удовлетворенія, ибо анархисты, какъ истые власто-борцы, ничуть не желаютъ подчиниться ихъ «единой волѣ»; это окончательно взвинтило ихъ самолюбіе, довело до крайняго, болѣзненнаго напряженія. И ихъ больное, разстроенное воображеніе увидѣло во всемъ этомъ «дьявольки-хитрые подвохи, дьявольски-хитрой интеллигенціи», и они завопили благимъ матомъ: Караулъ! Помогите противъ интеллигентскаго засилья. Намъ привелось слышать въ Парижѣ, изъ среды революціонной эмиграціи возгласъ: «долой жидовъ и интеллигентовъ». Чьими воспитанниками являются эти господа? Кто ихъ вскормилъ своимъ «задушевнымъ словомъ»? Для чего все это? Кому это нужно? Что выигрываетъ рабочій классъ отъ этой разнузданной безпринципности, тотъ рабочій классъ, который написалъ на своемъ знамени:

«Интернаціоналъ и всѣ его члены признаютъ, что истина, справедливость и нравственность должны лежать въ основы его отношеній ко всѣмъ людямъ безъ различія цвѣта кожи, вѣрованій и національности» *).

На что нужно, спрашиваю я нашихъ товарищей анархистовъ, эта человѣконенавистическая пропаганда анархистамъ, для которыхъ сознательная, инициативная личность, какъ творческій элементъ, имѣетъ свою самостоятельную цѣнность независимо отъ того, рабочій она или интеллигентъ?

Когда въ нашей анархистской средѣ, гдѣ интеллигентовъ всего на всего два съ половиной человѣка и гдѣ, вслѣдствіе этой скудости интеллигентскихъ силъ, наша пропаганда встрѣчаетъ почти непреодолимыя затрудненія, раздается боевой кличъ: «долой интеллигенцію»! и когда авторами этого благороднаго лозунга являются интеллигенты же, обиженные тѣмъ, что другіе интеллигенты не хотятъ подчиниться ихъ «единой волѣ», не хотятъ быть матеріаломъ для удовлетворенія ихъ самолюбія и тщеславія, мы вправѣ спросить себя, искрененъ ли этотъ лозунгъ? Если бы онъ былъ искрененъ, то отъ этого онъ не сталъ бы, конечно, лучше, но его авторовъ можно было бы пожалѣть, можно было бы удивиться ихъ скудоумію и этимъ ограничиться. Но дѣло въ томъ, что этотъ лозунгъ неискрененъ, онъ корыстенъ, его авторы живутъ этимъ лозунгомъ, въ немъ заключается вся ихъ оригинальность; они умны, они знаютъ, что въ нашей анархистской средѣ, гдѣ замѣчается страшная бѣдность интеллигентскихъ силъ, рѣчь не можетъ идти о борьбѣ съ какой-то абстрактной интеллигенціей, тутъ этотъ лозунгъ имѣетъ весьма опредѣленный смыслъ, а именно: гоните въ шею Ивана, Петра, Павла и Федора т. е. тѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ анархистовъ, интеллигентовъ, которые мозолятъ глаза нѣкоторымъ господамъ...

Выше мы говорили о личныхъ мотивахъ нашихъ доморощенныхъ интеллигентоѣдовъ, ибо какіе, на самомъ дѣлѣ, общественные мотивы могутъ быть у этихъ господъ противъ крайне малочисленной анархистской интеллигенціи? Развѣ эти анархисты стоятъ во главѣ какихъ-нибудь рабочихъ организацій, гдѣ имъ приходилось бы играть роль главарей и директоровъ движенія? Развѣ они засѣдаютъ въ палатахъ депутатовъ, въ сенатахъ, въ городскихъ управахъ? Развѣ они гдѣнибудь сидятъ около жирнаго общественнаго пирога? Развѣ они вотъ ужъ 40 лѣтъ не ведутъ упорной борьбы за освобожденіе рабочаго класса отъ ига политико-парламентскихъ партій? Развѣ они не ратуютъ неустанно за самостоятельныя и самодѣятельныя рабочія организаціи? Развѣ они не стремятся съ безукоризненной искренностью къ тому, чтобы лозунгъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ

---

*) Изъ Статутовъ Интернаціонала.

рабочихъ», пересталъ быть пустой фразой и сдѣлался, наконецъ, практическимъ руководящимъ принципомъ для рабочаго класса?

Ну такъ чего же хотятъ отъ насъ демагоги? Они хотятъ, чтобы мы нянчились съ ними, поблажничали ихъ болѣзненному самолюбію и тщеславію. Нѣтъ, для такой дѣятельности у насъ времени нѣтъ; мы должны, наоборотъ, изымать изъ нашей среды всякаго рода демагоговъ, какъ выводятся токсины изъ больного организма. Вмѣсто того, чтобы поблажничать злу, намъ, наоборотъ, нужно бороться съ нимъ. Намъ нужно энергично бороться за идейное оздоровленіе нашего движенія, но намъ нужно не менѣе энергично бороться за моральное оздоровленіе нашей среды.

К. Оргеіани.

Борьба за всеобщее избирательное право.

Судьба разныхъ избирательныхъ законовъ, которые наврядъ ли принесутъ рабочимъ хлѣбъ и волю, насъ такъ мало интересуетъ, что мы о нихъ вовсе не стали бы говорить, если бы соціальдемократы Бельгіи и Австріи не прибѣгли ко всеобщей стачкѣ, для расширенія избирательныхъ правъ.

Когда рабочій классъ, или скорѣе наиболѣе передовая часть рабочаго класса, заявляетъ, что хочетъ, или дѣлаетъ видъ, что хочетъ, прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ для борьбы съ капитализмомъ, когда она заявляетъ, что всеобщая стачка есть прелюдія соціальной революціи, то тогда всѣ соціальдемократы всѣхъ странъ единодушно заявляютъ, что всеобщая стачка — «нелѣпость», что она, какъ соціально-революціонное средство, безсильна и безмысленна, но когда нужно расширить избирательное право, тогда всеобщая стачка становится самимъ могучимъ средствомъ.

Удивительно, какъ легко и быстро соціальдемократамъ удалось проституировать идею всеобщей стачки! Подъ ихъ же вліяніемъ и рабочіе унизили идею всеобщей стачки. Этимъ именемъ окрещивается болѣе или менѣе широкое стачечное движеніе, предпринимаемое для завоеванія подчасъ самыхъ второстепенныхъ улучшеній. Рабочіе мало по малу привыкли думать, что всеобщая стачка есть средство лишь повседневной борьбы, ея великое значеніе мало по малу стушевалось.

Всеобщая стачка для увеличенія заработной платы, всеобщая стачка для того, чтобы добиться англійской недѣли, всеобщая стачка для защиты правъ синдиката, всеобщая стачка для расширенія избирательныхъ правъ, однимъ словомъ, всеобщая стачка употребляется для всего, и конечно, идея всеобщей стачки мало по малу выцвѣла. Реформистская всеобщая стачка незамѣтно заняла мѣсто революціонной всеобщей стачки, цѣлью которой была дезорганизація организаціи господствующихъ классовъ, ослабленіе ихъ съ тѣмъ, чтобы создать наиболѣе благопріятныя условія для открытаго непосредственнаго выступленія рабочаго класса противъ всего существующаго порядка. Теперь всеобщая стачка не вызываетъ былого энтузіазма и пищущему эти строки пришлось слышать отъ очень видныхъ синдикалистовъ, что всеобщая стачка — революція — лишь *символъ*.

Надѣемся, что анархисты, работающіе въ синдикатахъ, а также революціонные синдикалисты, анархо-синдикалистскаго толка, не допустятъ, чтобы всеобщая стачка превратилась просто въ символъ, надѣемся, что они приложатъ всѣ усилія, чтобы подготовка всеобщей стачки — революціи, стало живымъ практическимъ дѣломъ.

Мы немного уклонились въ сторону. Возвращаемся къ нашей темѣ, къ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Мы всѣ помнимъ съ какой помпой, съ какимъ трескомъ бельгійскіе соціальдемократы готовили всеобщую стачку, которая должна была принести на своихъ крыльяхъ нѣсколько лишнихъ мѣстъ соціальдемократической партіи въ парламентѣ, и, дѣйствительно, стачка, по численности участниковъ, по выдержанности, вышла грандіозной. Бельгійскіе соціальдемократы доказали на дѣлѣ, что они крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ рабочую массу. Они такъ ловко опутали рабочую массу сложными нитями парламентаризма, что, видно, рабочимъ долго не удастся вырваться изъ мастерски скованныхъ цѣпей. Они держали въ напряженномъ состояніи цѣлую недѣлю 500.000 человѣкъ, добились отъ правительства ни къ чему не объязывающихъ обѣщаній, и вотъ эта громадная масса, которая по зову соціальдемократіи бросила работу, также по ея велѣнію, послушно и безпрекословно, прекратила стачку. А мы говоримъ, что рабочій классъ пересталъ слушать главарей!

* * *

Всеобщую стачку съ тѣми же приблизительно цѣлями не менѣе усердно готовили и австрійскіе соціальдемократы. Они также цѣлыми мѣсяцами возбуждали рвеніе рабочихъ, напрягли до крайности ихъ волю и когда все было готово, испугавшись отвѣтственности, отмѣнили ее. Ни одного протеста со стороны рабочихъ, никакого возмущенія противъ «дурныхъ пастырей», которые такъ монархически управляютъ рабочей массой и въ Австріи та же послушность рабочихъ главарямъ, какъ и въ Бельгіи, такое же пассивное повиновеніе. Мы отказываемся вѣрить, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ безсознательной массой, тупой массой, какъ утверждаютъ нѣкоторые или обойденной, оболваненной массой. Нѣтъ, тутъ, съ одной стороны заблужденіе, но «заблужденіе сознательное», т. е. невѣрная оцѣнка *самими рабочими* своего положенія, но *всетаки оцѣнка, сознательный актъ разсудка*, а съ другой — вполнѣ сознательный поступокъ, вполнѣ сознательно, добровольно принятая линія поведенія. Нельзя разсматривать теперь большую часть рабочихъ, сознательно участвующихъ въ движеніи, какъ безсознательную и безотвѣтственную массу, какъ это дѣлаютъ заинтересованные демагоги. Эти послѣдніе, тоже любящіе говорить для галерки о самостоятельности и самодѣятельности рабочей массы и о необходимости рабочихъ организацій, не замѣчаютъ, что если и участвующая въ движеніи рабочая масса безотвѣтственна и безвольна, то она не можетъ быть ни самостоятельной, ни самодѣятельной.

Въ свою очередь анархисты допускаютъ непростительную ошибку, часто принимая свои желанія за факты; такъ, напримѣръ, въ анархической литературѣ мы постоянно встрѣчаемъ такія выраженія: рабочій классъ отказался отъ политики, рабочій классъ пересталъ слушать главарей, рабочій классъ хочетъ того-то и того-то, рабочій классъ разочаровался въ томъ-то и томъ-то. Все это, конечно, вѣрно относительно меньшинства; хотя и очень внушительнаго, но всетаки меньшинства, а не всей рабочей массы

Если извѣстная часть рабочей массы дѣйствительно пріобрѣла всѣ эти качества, усвоила всѣ эти понятія, которыя проникли въ ея сознаніе, то другая часть рабочихъ усвоила какъ разъ обратныя качества, и совсѣмъ другія понятія проникли и укрѣпились въ ея сознаніи. Поэтому многое изъ того, что намъ кажется

сдѣланнымъ, предстоитъ, наоборотъ, сдѣлать. Нужно перестать смѣшивать желанія съ фактами, и нужно не покладая рукъ работать надъ тѣмъ, чтобы наши желанія стали фактами.

Nullatenentc.

Мексиканская революція.

Въ Мексикѣ произошла еще одна дворцовая революція. Генералъ Хуэрта, которому было поручено охранять Мадеро, предпочелъ устранить его, и самъ занялъ его мѣсто. Мадеро, его братъ и адъютантъ убиты «нечаянно», тѣми, кому было поручено охранять ихъ жизнь. Мадеро замѣнилъ Діаза, Хуэрта замѣнилъ Мадеро, а Хуэрту замѣнитъ еще кто нибудь. Эта сказка про бѣлаго бычка насъ мало интересуетъ. Намъ хочется сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣлается въ самомъ народѣ вообще, и объ анархическомъ движеніи въ Мексикѣ въ частности, насколько это возможно на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, какія имѣются въ нашихъ рукахъ.

* * *

Во время завоеванія Мексики испанцами всѣ земли были захвачены побѣдителями. Испанцы-побѣдители получили громадныя имѣнія, и установившіяся въ странѣ земельныя отношенія имѣли большое сходство съ средневѣковымъ феодализмомъ. Какъ до завоеванія Мексики испанцами, такъ и послѣ все населеніе страны состояло изъ индѣйцевъ. Номинально, на словахъ, индѣйцы остались собственниками земли, но фактическими владѣльцами являлись потомки первыхъ завоевателей. Крестьяне-индѣйцы должны были платить значительный оброкъ натурой и деньгами фактическимъ владѣльцамъ земли.

Крестьяне-индѣйцы очень неохотно подчинялись этимъ порядкамъ, противъ которыхъ они вели постоянно ожесточенную войну, приведшую, наконецъ, къ такъ называемой освободительной войнѣ.

Испанскому владычеству былъ положенъ конецъ, но отъ этого экономическое положеніе мѣстнаго населенія нисколько не улучшилось. Впослѣдствіи, во время правленія Діаза, тѣ земли, которыя принадлежали индѣйцамъ были розданы правительствомъ иностраннымъ компаніямъ, въ формѣ концессіи, что вновь вызвало возстаніе индѣйцевъ, принадлежащихъ къ двумъ племенамъ, Якисъ и Меуасъ, которыхъ почти совершенно истребили во время этого возстанія. Въ свою очередь, частные владѣльцы крупныхъ имѣній тоже продали свои земли иностранцамъ, такъ что индѣйцы-крестьяне были совершенно обездолены и «пролетаризированы». Оставшись безъ земли, безъ куска хлѣба, индѣйцы-крестьяне, чтобы не умереть съ голоду, должны были работать въ качествѣ наемниковъ, на тѣхъ земляхъ, которыя еще не такъ давно принадлежали имъ. Но съ этимъ положеніемъ индѣйцы-крестьяне не примирились, они все время воевали за возвратъ земель прежнимъ собственникамъ, т. е. имъ, крестьянамъ. Бунты, возстанія не прекращались, и всѣ они имѣли одну и ту же цѣль: отвоевать потерянную землю.

Когда Мадеро предпринялъ борьбу противъ Діаза, то онъ, чтобы привлечь индѣйцевъ на свою сторону, далъ имъ обѣщаніе, что всѣ земли, отнятыя у нихъ, будутъ возвращены имъ и, когда Мадеро одержалъ побѣду и занялъ мѣсто Діаза, то одинъ изъ руководителей крестьянскаго движенія, Эмиліано Дзапата, чуя измѣну, отказался сложить оружіе, пока обѣщанныя крестьянамъ-индѣйцамъ земли фактически не будутъ возвращены имъ. Чтобы эти земли возвратить индѣйцамъ, нужно было предварительно выкупить ихъ. Мадеро медлилъ, не рѣшался; можетъ быть, надѣялся, что движеніе заглохнетъ, но движеніе не заглохло. Крестьяне упорно настаивали на своемъ. Потерявъ всякую надежду добиться чего-нибудь отъ Мадеро, Дзапата рѣшилъ разрѣшить вопросъ своими собственными средствами: онъ съ своей революціонной арміей изгналъ иностранныя компаніи, а земли, которыя принадлежали этимъ компаніямъ, были захвачены индѣйцами-крестьянами. Что же касается собственниковъ мексиканцевъ, они стали помогать дзапатистамъ, снабжая ихъ деньгами и оружіемъ.

Умбло *), у котораго мы заимствуемъ большую часть нашихъ настоящихъ свѣдѣній о мексиканскомъ движеніи, предполагаетъ, что силою сломить Дзапата правительству Хуэрта не удастся, какъ не удалось сдѣлать это Мадеро. Дзапата со своею революціонной арміею является хозяиномъ всего юга Мексики, т. е. владѣетъ территоріей въ два раза больше всей Франціи. Его армія состоитъ приблизительно, изъ 15 тыс. человѣкъ, людей рѣшительныхъ, закаленныхъ въ бою. Правительство ведетъ съ дзапатистами жестокую кровавую борьбу, сжигаетъ тѣ деревни, которыя оказываютъ помощь дзапатистамъ, истребляетъ, порою, поголовно все ихъ населеніе, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Дзапатисты отвѣчаютъ тѣмъ же, взрываютъ поѣзда, разрушаютъ деревни и городки своихъ противниковъ, истребляютъ аванпосты правительственныхъ отрядовъ и забираютъ ихъ ружья, захватываютъ деньги и имущество ими разрушенныхъ городковъ и деревень. Съ самаго начала борьбы они слѣдуютъ одной неизмѣнной тактикѣ: внезапно появляются въ какой-нибудь деревнѣ или въ какомъ-нибудь городкѣ, разгромятъ, оберутъ населеніе и идутъ дальше.....

Извѣстно, что въ движеніи принимаютъ участіе, кромѣ дзапатистовъ еще такъ называемые магонисты, которые называютъ себя анархистами. Дзапатисты же себя анархистами не называютъ; подавляющее большинство ихъ не знакомо даже со словомъ «анархія», и они были бы крайне удивлены, еслибъ кто-нибудь имъ сказалъ, что тотъ коммунизмъ, къ которому они стремятся, какъ двѣ капли воды похожъ на анархизмъ; однакожъ, несмотря на это незнакомство съ анархизмомъ они въ большей степени анархисты, чѣмъ магонисты. По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе корреспондентовъ нашихъ анархистскихъ изданій *), близко знакомыхъ съ движеніемъ. Что въ основѣ мексиканскаго движенія лежитъ ясно сознанный или полусознанный федералистскій коммунизмъ, это теперь почти не подлежитъ сомнѣнію. Удастся ли движенію претворить этотъ принципъ въ жизнь, это другой вопросъ. Мы убѣждены—да, впрочемъ, не мы одни такъ думаемъ, что это движеніе кончится такъ, какъ кончились всѣ крестьянскія движенія до сихъ поръ, какъ кончилось величайшее изъ крестьянскихъ движеній, крестьянское движеніе во время великой французской революціи, т. е. что крестьяне получатъ надѣлы, болѣе или менѣе значительные, у нихъ будетъ свой кусокъ земли, который кое какъ будетъ кормить ихъ и на этомъ въ Мексикѣ водворится покой..... на время, конечно, ибо народъ, который долго и упорно боролся за свободу и равенство, обогащается революціонной традиціей равенство, и свобода, начинаютъ казаться ему возможными, воспоминаніе о прошломъ будетъ жить въ немъ, и онъ

---

*) Корреспонденгъ журнала «Les Temps Nouveaux».

*) Напр. журн. «Les Temps Nouveaux» и итальянской газеты «Cronaca Soversiva», издающейся въ Бостонѣ.

всегда будетъ думать о томъ, что можно было осуществить и что осуществилось. Революціонная традиція, воспоминаніе, полученное въ революціонной борьбѣ, воспоминаніе о прошлыхъ славныхъ сраженіяхъ за лучшій удѣлъ являются такими творческими факторами, которые даютъ возможность надѣяться на лучшее будущее.

Nullatenente.

Реакція во Франціи.

Какой то злой демонъ обуялъ всю Европу. Политика великихъ державъ вертится въ вихрѣ противорѣчій: говорятъ о мирѣ и... лихорадочно готовятся къ войнѣ. Наше поколѣніе навѣрное будетъ свидѣтелемъ такихъ войнъ и побоищъ, какихъ еще не видѣлъ міръ.

Германія увеличиваетъ контингентъ своей сухопутной арміи, не будучи въ состояніи пересилить Англію на морѣ, русское правительство отчасти, на счетъ голоднаго народа, отчасти на счетъ богатой союзницы ассигнуетъ полъ-милліарда рублей на флотъ и увеличиваетъ общій военный бюджетъ; Франція дѣлаетъ шагъ назадъ, возвращается къ трехлѣтней военной службѣ. Милліарды ассигнуются съ легкимъ сердцемъ на сооруженіе сухопутныхъ и морскихъ чудовищъ для истребленія тысячъ и сотенъ тысячъ людей, для разрушенія вѣками созданной культуры, налоги и поборы увеличиваются; и это теперь, когда народная масса во всѣхъ странахъ единодушно жалуется и протестуетъ противъ дороговизны жизни.

Республиканская и демократическая Франція позаимствовала, какъ пріемы борьбы съ передовыми элементами общества, такъ и подходящій реакціонный языкъ у своей «колоссальной союзницы».

На западѣ во главѣ реакціи, идетъ республиканская Франція, гдѣ шовинистическое чувство искусственно разжигается, доводится до крайняго напряженія,—театры, кафешантаны, кабаки, школы, университеты сдѣлались разсадниками взвинченнаго шовинистическаго чувства. Кажется, всѣ Пуришкевичи переселились во Францію: тотъ же разнузданный, циническій языкъ, что у Пуришкевича, та же политика безпросвѣтной реакціи, та же низость стремленій, та же желаніе захвата и грабежа.

Во Франціи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, народъ встрѣтилъ почти съ восторгомъ введеніе вмѣсто трехгодичной, двухгодичной военной службы. На эту реформу смотрѣли во Франціи чуть ли не какъ на самую крупную реформу нашего вѣка. Сколько усилій понадобилось, чтобы вырвать ее у правящей клики. И вотъ правительство торжествующаго хамства, подлинное злодѣйское сообщничество Пуанкарэ, Барту, Этьена беретъ у народа обратно и эту жалкую реформу; всѣхъ недовольныхъ преслѣдуетъ, сажаетъ въ тюрьмы; происходятъ аресты и обыски во всей Франціи, грозятъ роспускомъ Конфедераціи Труда, вводятъ противъ нея исключительные законы, которые позволятъ реакціонному правительству штрафами, наказаніями разорить и обезсилить революціонныя организаціи. Будущее покажетъ, останется ли безнаказаннымъ реакція. Терпѣніе народа, наконецъ, можетъ истощиться.

И-нъ.

Суфражистки.

Прежде всего мы должны сказать, что никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что общество, распадающееся на различные классы, которыхъ и безъ того много, нужно еще подраздѣлить на классъ мужчинъ и на классъ женщинъ. Единственное, исторически мотивированное подраздѣленіе общества на классы, это то подраздѣленіе, которое возникло на почвѣ имущественной дифференціаціи. Наврядъ ли въ основу классовой дифференціаціи, въ человѣческомъ обществѣ, можно положить физіологическую дифференціацію. Для угнетенной части человѣчества соціальный вопросъ одинъ: единная и угнетенная масса, независимо отъ того, сознаетъ это масса свое единство или нѣтъ. Врядъ ли С. Перовская, напримѣръ, задавала себѣ такой вопросъ: въ качествѣ женщины или въ качествѣ мущины несу я свою голову на плаху? Для женщинъ, которымъ лавры политикановъ не мѣшаютъ спать, этого вопроса нѣтъ.

Есть одинъ общій идеалъ — соціализмъ, — общечеловѣческій по своимъ конечнымъ цѣлямъ, и къ этому идеалу стремятся, какъ сознательные работники, такъ и сознательныя работницы; ихъ объединяетъ одинъ общій идеалъ, ихъ должны объединять и общія средства борьбы для достиженія этого идеала. Женскіе синдикаты входятъ въ Конфедерацію Труда, женщины анархистки входятъ въ анархическія группы, женщины соціалистки входятъ въ соціалистическія партіи. Помощь духовная и моральная женщина такъ же нужна мощь духовная и моральная женщинѣ такъ же нужна женщинѣ. Полное обособленіе женщинъ въ особое сепаратное движеніе было бы вредно для общаго дѣла; къ тому же это означало бы, что женщина представляетъ собою либо особую породу, отличную отъ Homo Sapiens, либо особый общественный классъ, имѣющій особую идеологію, особый идеалъ и особыя средства борьбы. Мы же утверждаемъ, что все это не такъ; интересы работницы тождественны интересамъ работника, нѣтъ нужды искусственно расщеплять эти единые интересы. Кромѣ того феминизмъ унизителенъ для сознательной интеллигентной женщины, какъ былъ бы унизительнымъ для сознательнаго интеллигентнаго мужчины, «Гоминизмъ» (отъ слова Homo), если бы подобное позорное движеніе могло возникнуть.

* * *

Очень часто феминистки повторяютъ свой избитый аргументъ о томъ, что «женщина кромѣ того мать». Да, чертъ побери! Мужчина тоже «кромѣ того отецъ». Можетъ быть, феминистки говорятъ о тѣхъ отцахъ, которые женятся для того, чтобъ удобнѣе и безнаказаннѣе наслаждаться въ «сосѣднемъ домѣ». Слава богу, нѣтъ въ наше время, недостатка и въ такихъ женщинахъ, которыя выходятъ замужъ точно съ такими же цѣлями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно аккуратно слѣдить въ любой газетѣ и въ любой странѣ отдѣлъ происшествій. Современная жизнь такъ сложна, она такъ запутала человѣческія сношенія, что, право, трудно сказать, «кто вретъ и кто кого надуваетъ». Къ тому же, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, въ особенности у женщинъ феминистокъ, развиты какія то ярыя собственническія претензіи на дѣтей; пора понять, что ребенокъ не собственность ни отца, ни матери; онъ не проситъ васъ производить его на свѣтъ божій; разъ онъ явился на этотъ свѣтъ, не по своей волѣ, а по вашему обоюдному желанію, разъ вы произвольно распорядились его бытіемъ, то онъ вправѣ вамъ обоимъ предъявлять одинаковыя требованія. На самомъ дѣлѣ, все время пишутъ и говорятъ о правахъ родителей и совершенно забываютъ о правахъ ребенка, которыя выше правъ родителей, такъ какъ не онъ отвѣтственъ за то, что онъ существуетъ, а вы, родители. Не онъ требовалъ, чтобы на міровомъ пиру былъ поставленъ лишній приборъ, эту необходимость создали вы, отецъ и мать, вмѣстѣ, вдвоемъ, а не мать или отецъ отдѣльно. Недалеко то время, когда и за ребенкомъ будетъ признано «юридическое лицо»; тогда независимо право на собственность ребенка и онъ, независимо отъ произвола отца или матери, получитъ самостоятельную общественную цѣнность.

* * *

Во всемъ феминистскомъ движеніи самый важный фактъ тотъ, что женщины начинаютъ принимать серьезное участіе въ революціонномъ движеніи; для русскихъ женщинъ революціонное дѣло давно знакомое дѣло, мы говоримъ о западно-европейскихъ женщинахъ, въ особенности объ англичанкахъ, которыя славились своимъ филистерствомъ, а теперь не брезгаютъ ни бомбами, ни самыми крайними формами саботажа. Англійская женщина! Кто бы могъ сказать, что онѣ заявятъ себя такими ярыми революціонерками! Какъ всякое начало, такъ и выступленіе англичанокъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ досадныхъ ошибокъ, и нѣкоторыя ихъ выступленія порою напоминаютъ вандализмъ чистѣйшей воды, напримѣръ, уничтоженіе рѣдкихъ растеній ботаническаго сада и рѣдкихъ животныхъ зоологическаго сада. Разрушеніе культурныхъ цѣнностей никогда не должно стать объектомъ революціонной борьбы, иначе разрушеніе перестаетъ быть творческимъ разрушеніемъ и становится простымъ вандализмомъ. Все культурное благо, накопленное въ продолженіе долгихъ вѣковъ, принадлежитъ не намъ, а будущему свободному человѣчеству, мы за нихъ отвѣтственны передъ будущими поколѣніями, ихъ разрушать мы не имѣемъ права. Объектомъ разрушенія должны быть «лица и учрежденія», ярко представляющія современный грабительскій и угнетающій строй.

* * *

Когда современная медицина поднимаетъ знамя возстанія и заявляетъ, что ничто человѣческое ей не чуждо, что во всемъ томъ, что соціально полезно она хочетъ принимать участіе, когда она заявляетъ, что она не хочетъ быть простой зрительницей ни революціонно разрушительной, ни революціонно созидательной работы, но хочетъ принимать въ этой работѣ живое участіе, когда она заявляетъ, о своемъ неуклонномъ желаніи принимать участіе во всей культурной жизни человѣчества, мы находимъ, что все это не только ея священное право, но и ея священная обязанность, какъ всякаго существа. Но когда она заявляетъ о своемъ желаніи идти въ парламентъ, когда она говоритъ о необходимости пріобрѣтенія для себя избирательныхъ правъ, мы ужъ не вмѣстѣ, для насъ избирательное право не право, тутъ дороги наши расходятся! Развѣ вы хотите идти въ парламентъ, который мы давно привыкли презирать, и къ разрушенію котораго мы стремимся во имя большей свободы, во имя большаго равенства, мы говоримъ: нѣтъ! Мы анархисты и анархистки идемъ по другому пути, по пути народной революціи; анархистки и анархисты давно пережили, переодолѣли парламентаризмъ. Женщина анархистка хочетъ вплести въ свои волосы живые, никогда не увядающіе цвѣты высокаго идеала, а не увядшіе, обрызганные грязью цвѣты изношеннаго и истасканнаго парламентаризма.

И-чъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ «письмѣ въ редакцію», помѣщенномъ въ № 6 Р. М., я высказался въ томъ смыслѣ, что съѣздъ долженъ заняться обсужденіемъ только *насущныхъ* вопросовъ. Считаю нужнымъ развить и дополнить свою мысль. Съѣздъ, раньше всего, не можетъ и не долженъ ставить себѣ задачей—обсужденіе и рѣшеніе теоретическихъ вопросовъ. И вотъ почему: въ области теоріи у насъ «не все обстоитъ благополучно». Необходимъ коренной пересмотръ, необходима разработка и переработка многихъ теоретическихъ положеній. Мыслимо-ли, чтобы *эту* работу выполнилъ съѣздъ. — Конечно, нѣтъ. Съѣздъ можетъ фиксировать результаты коллективнаго творчества. А для этого необходимо, чтобы всѣ спорные вопросы анархизма *предварительно* обсуждались въ спеціально *для этой цѣли созданномъ теоретическомъ органѣ*. Это — буквально преступленіе — обсуждать вопросы теоріи поверхностно, слегка; получится *вульгаризація* тѣхъ основныхъ положеній которыя сдѣлались прочнымъ достояніемъ всѣхъ анархистовъ-коммунистовъ.

Допустимъ даже, что большинство товарищей настроено менѣе «критически», чѣмъ я. Допустимъ, что они глубоко убѣждены въ томъ, что на нашей «теоретической Шипкѣ все спокойно». Эти товарищи, естественно, поставятъ себѣ задачей дать *сводку* основныхъ положеній анархическаго міровоззрѣнія. Думаете -ли вы, что эту работу можно выполнить безъ предварительнаго обсужденія! — Конечно, нѣтъ!

Прійдется заняться хотя бы выясненіемъ существующаго взаимоотношенія между взглядами М. Бакунина и П. А. Кропоткина — а это большая работа, серьезная! Вѣдь, вотъ, нѣкоторые товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы съѣздъ обсудилъ вопросъ: «Философія анархизма». Считаютъ ли эти товарищи себя подготовленными къ обсужденію *на съѣздѣ* такихъ проблемъ? — Оно, конечно, различное пониманіе «философіи» бываетъ. Многіе смѣшиваютъ простоту съ недопустимой «элементарщиной», *популяризацію* съ неряшливой вульгаризаціей. Я увѣренъ, что товарищи, предлагающіе съѣзду обсужденіе такого вопроса, такъ на дѣлѣ не смотрятъ; что они — какъ и я — противъ того, чтобы съѣздъ наговорилъ побольше общихъ мѣстъ. Можно, конечно, сказать нѣсколько словъ о томъ, что, молъ, исторію творятъ массы, что представленіе о центральной силѣ, движущей міромъ и центральной личности, движущей исторіей—ошибочно; что личность не мнимая все-же величина въ исторіи. Но, вѣдь, я полагаю, что всѣ товарищи согласятся со мной въ томъ, что такое скучное шаблонное повтореніе общихъ мѣстъ недопустимо, хотя-бы потому, что такое отношеніе можетъ только дискредитировать здоровую по существу идею о необходимости *серьезной работы* надъ вопросами міросозерцанія! Или вотъ: товарищи хотятъ, чтобы съѣздъ опредѣлилъ свое отношеніе къ философіи исторіи марксизма! Прекрасная мысль! Нѣтъ сомнѣнія — я это усиленно подчеркиваю въ своихъ докладахъ — что кое-кто изъ товарищей отравленъ *марксистской мистикой*. Но все таки трудно понять, почему *съѣздъ* долженъ опредѣлить свое отношеніе къ теоріи Маркса и «замолчать», такъ сказать, теорію Лаврова, Н. К. Михайловскаго, Л. Н. Толстого? Развѣ для философіи анархизма — а товарищи, какъ мы уже упомянули, требуютъ обсужденія и этого «вопроса» — безразлично ученіе Михайловскаго о «типахъ» и «степеняхъ», «чести» и «совѣсти»?

Нѣтъ, я рѣшительно высказываюсь противъ того, чтобы съѣздъ включилъ обсужденіе теоретическихъ вопросовъ въ офиціальный порядокъ дня. Разумѣется, докладчики по тѣмъ или инымъ организаціонно-тактическимъ вопросамъ не только могутъ, но должны аппелировать къ основнымъ принципамъ; а обсужденіе вопроса о демократіи, напримѣръ, *требуетъ* теоретической аргументаціи, но это ужъ совсѣмъ иное дѣло.

Значитъ-ли, что съѣздъ долженъ остаться равнодушнымъ къ теоретическимъ вопросамъ? — Ни въ коемъ случаѣ! *Съѣздъ долженъ заняться изысканіемъ средствъ и созданіемъ теоретическаго органа, имѣющаго цѣлью разработку всѣхъ проблемъ міровоззрѣнія:* психологію личности, наше пониманіе «законовъ» исторіи, роль «творчества» въ пониманіи Бакунина, проблемы формальнаго права и т. д., и т. д. Еще: съѣздъ *можетъ* поручить комиссіи, — подготовить къ будущему съѣзду проектъ программы. Этотъ проектъ долженъ явиться не только сводкой основныхъ положеній. Онъ долженъ фиксировать положительную и критическую работу мысли. Какая это по истинѣ громадная, грандіозная задача!

Только этимъ путемъ съѣздъ дастъ могучій *толчокъ работѣ мысли*.

Включеніемъ же *въ порядокъ дня* вопросовъ теоріи съѣздъ ничего для теоріи путнаго не сдѣлаетъ, а отвлечетъ свое вниманіе отъ разрѣшенія насущныхъ вопросовъ: отношеніе къ демократіи, максимализму, минимализму, синдикализму и пр.

Съ товарищ. привѣтомъ

Рощинъ.

На ту же тему.

Пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать свое мнѣніе, какъ по поводу письма тов. Рощина, такъ и по поводу задачъ предполагаемаго съѣзда.

Тов. Рощинъ правъ, указывая на невозможность разрѣ-

шить на съѣздѣ съ одного маху, всѣ философскія и научныя проблемы. Съѣздъ нашъ не синклитъ какой-нибудь, чтобъ утвердить какое-нибудь научное и философское credo на основаніи простой вѣры, безъ предварительной критики, безъ предварительнаго, серьезнаго, продолжительнаго изученія. Надъ созданіемъ стройнаго анархическаго міровоззрѣнія работали такіе люди, какъ Бакунинъ, Реклю, Кропоткинъ, и работа эта все еще не закончена, до того она сложна и громадна, а тутъ добрые люди предлагаютъ намъ испечь въ продолженіе всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ мѣсяцевъ трактатъ, обнимающій всѣ научно-философскія основы анархистскаго міровоззрѣнія! Эта такая нелѣпость, которая лишь въ больномъ мозгу можетъ зародиться. Если эти добрые люди созываютъ съѣздъ для того, чтобъ поставить анархизмъ и анархистовъ въ смѣшное положеніе, то могу смѣло утверждать, что подобная попытка встрѣтитъ самое упорное сопротивленіе со стороны тѣхъ, для которыхъ анархизмъ не забава, не «игра въ партію».

Мнѣ кажется, что нѣкоторымъ товарищамъ лавры соціальдемократовъ не даютъ покою. Какъ соціальдемократы рѣшали на своихъ съѣздахъ, кто правъ, Бернштейнъ или Каутскій, происходитъ ли концентрація капитала, какъ то предвидѣлъ Марксъ, или происходитъ въ меньшихъ размѣрахъ или вовсе не происходитъ и т. д., такъ и нѣкоторые наши товарищи хотятъ рѣшать на съѣздѣ, кто правъ, матеріалисты или эмпиріокритицисты, идеалисты или сторонники Маха, Пуанкарэ и т. д. Они также хотятъ тутъ же въ нѣсколько дней опредѣлить наши взгляды на роль личности въ исторіи, формулировать общія основы нашей философіи исторіи, и это при какихъ условіяхъ! Всѣ эти вопросы не обсуждались въ нашей прессѣ, въ этой области не происходило у насъ никакой теоретической работы; не разработанъ даже отчасти тотъ матеріалъ, который имѣется въ нашей литературѣ. Намъ предлагаютъ заняться этимъ колоссальнымъ дѣломъ тогда, когда одна часть нашихъ товарищей не знакома подробно даже *со всѣми* произведеніями Кропоткина, а другая — мало знакома съ Бакунинымъ и Реклю, отчасти потому, что произведенія этихъ послѣднихъ либо не имѣются на русскомъ языкѣ, либо по своему объему не удобочитаемы. Нѣтъ, товарищи, пока мы не изучили, не разобрали и не привели въ порядокъ, не провели сквозь огонь критики громадное духовное наслѣдство нами полученное, мы не вправѣ приниматься за выработку символа вѣры нашего научно-философскаго міровоззрѣнія.

Вотъ почему я думаю, что для того, чтобъ съѣздъ не получился смѣхотворнымъ, намъ обязательно нужно съузить порядокъ дня такъ, чтобы на очереди остались лишь *практическіе* вопросы, разрѣшеніе которыхъ намъ болѣе или менѣе доступно.

Итакъ, если съѣздъ захочетъ сдѣлать полезное дѣло, собрать разбросанныя анархическія силы, организовать ихъ не на нечаевскихъ, а на анархическихъ началахъ, если онъ захочетъ заняться выясненіемъ тактическихъ и програмныхъ вопросовъ, если онъ пожелаетъ изыскать средства для того, чтобъ анархическая работа *какъ практическая, такъ и теоретическая*, носила болѣе планомѣрный и болѣе широкій характеръ, то онъ можетъ оказать нашему общему дѣлу весьма серьезную услугу, если же съѣздъ собирается только для того, чтобы поболтать, то, право, для этого не стоитъ собирать съѣзда.

К. Оргеіани.

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОКЪ.

Наши соціальдемократы и соціалисты-революціонеры, при помощи своихъ единомышленниковъ разныхъ странъ, рѣшили организовать помощь ссыльнымъ и каторжанамъ. Одна такая организація уже была основана В. Н. Фигнеръ, — организація вполнѣ безпартійная и безпристрастная. На что понадобилась еще одна конкурирующая организація? Очевидно, иниціаторы новой организаціи хотѣли расширить дѣло и начали это съ того, что... исключили анархистовъ.

Поразительная логика и поразительная этика, такъ ярко напоминающія этику и логику нашихъ шовинистовъ, которые во время балканской войны собирали деньги *только* для союзниковъ. Передъ нами раненые и голодные люди, казалось, говорили они, — одни изъ нихъ славяне и греки, другіе турки. Славянамъ и грекамъ, мы обмоемъ и перевяжемъ раны, мы ихъ накормимъ и утѣшимъ, а турокъ — подыхай!

Точно такой же логикой руководятся иниціаторы новой организаціи, имѣющей въ виду помощь ссыльнымъ и каторжанамъ. Передъ нами измученные и истрадавшіеся люди, одни изъ нихъ соціальдемократы и соціалисты революціонеры, другіе — анархисты. Первымъ, говорятъ иниціаторы новой организаціи, мы будемъ помогать, постараемся утѣшить ихъ братской солидарностью и помощью, а анархисты пусть подыхаютъ, ибо они они совершили тяжкое преступленіе, отвергнувъ парламентаризмъ и отказавшись признать захватъ власти соціалистами-государственниками конацеею. Вотъ логика, этихъ людей, этихъ носителей всемірнаго братства!

Впрочемъ, что же удивляться поступкамъ людей, которые руководятся нравственными нормами, выработанными г.г. Ропшинымъ и Винниченко.

Ко всѣмъ анархистамъ!*)

Анархическая федерація Германіи, думая, что созывъ международнаго анархическаго съѣзда необходимъ и находя, что теперешнее время является наиболѣе подходящимъ для организаціи съѣзда, высказываетъ слѣдующія соображенія:

Международнаго анархическаго съѣзда не было съ 1907 г.

Анархисты всѣхъ странъ чувствуютъ все больше и больше необходимость серьезной организаціи, этотъ вопросъ организаціи стоитъ на очереди повсюду, гдѣ анархисты дѣятельны.

Отсюда слѣдуетъ, что будущій съѣздъ долженъ быть, прежде всего, съѣздомъ организаціоннымъ, что на немъ, въ первую голову и весьма подробно, нужно обсуждать практическіе вопросы, иначе связь, болѣе или менѣе прочная, которая существуетъ между нашими группами, совершенно исчезнетъ.

Поэтому мы обращаемся ко всѣмъ, не только тѣмъ, кто хочетъ помѣшать, чтобъ выше указанное разобщеніе между группами произошло, но и тѣмъ, кто желаетъ прочнѣе связать группы между собою и укрѣпить союзъ между ними болѣе планомѣрной пропагандой; просимъ всѣхъ распространить это воззваніе между группами и федераціями каждой страны, перепечатать его въ анархистскихъ газетахъ и отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Считаютъ ли анархическія группы вашей страны созывъ международнаго съѣзда необходимымъ? Если да, то будутъ ли онѣ принимать непосредственное участіе въ съѣздѣ?

2. Мы предлагаемъ созвать будущій съѣздъ осенью 1914 г., чтобы товарищи всѣхъ странъ имѣли время для обсужденія вопросовъ, касающихся организаціи и подготовленія будущаго съѣзда.

3. Не думаете ли вы, что было бы желательно пригласить на съѣздъ только представителей группъ, федерацій и анархическихъ газетъ, чтобы съ одной стороны, съѣздъ дѣйствительно представлялъ анархическое движеніе, а съ другой, чтобы избѣгнуть присутствія на съѣздѣ лицъ, не имѣющихъ отношенія къ анархизму или привлеченныхъ на съѣздъ простымъ любопытствомъ.

4. Считаете ли полезнымъ возобновленіе до съѣзда «Международнаго Бюллетеня»? Если да, то можете ли помогать матеріально изданію.

Повторяемъ, время не терпитъ, а потому надѣемся, что товарищи отвѣтятъ какъ можно скорѣе на наши вопросы.

Всѣ деньги, которыя будутъ присланы намъ, немедленно будутъ пересланы Лондонской организаціи, которая изъявила согласіе взять на себя организацію съѣзда, если это ей будетъ поручено.

Товарищи разсчитываемъ на вашу помощь!

За анархическую федерацію Германіи
Rudolf Oestreich.
Berlin, S. O. 26, Kottbuser Ufer, 59.

Отъ издательской группы.

Товарищъ, которому Цюрихская группа поручила редактированіе «Рабочаго Міра», проситъ насъ заявить, что онъ больше редакторомъ газеты не состоитъ. Редактированіе газеты, начиная съ № 7, переходитъ въ другія руки.

*) Мы печатаемъ полученное нами воззваніе нѣмецкихъ товарищей. Печатая его, какъ того просятъ авторы воззванія, мы въ свою очередь, просимъ всѣ наши группы откликнуться на это воззваніе. Ред.

Отчетъ будетъ помѣщенъ въ слѣд. номерѣ.

Адресъ для корреспонденціи и для денегъ:
Zürich, Post Banhof, Postfach 15496.
Eduard Meier.